

История православной христианской Церкви священник Георгий Орлов

§ 1. Понятие о церкви и ее истории

Церковь есть от Бога установленное общество людей, соединенных между собой православной верой, законом Божиим, священноначалием и таинствами.

История церкви есть связное и последовательное повествование об ее начале, распространении, жизни и деятельности в роде человеческом.

§ 2. Сошествие Св. Духа на апостолов и первые успехи евангельской проповеди в Иерусалиме

По вознесении Господа апостолы с прочими верующими пребывали в Сионской горнице, в Иерусалиме, и молились о ниспослании на них Св. Духа. На место погибшего Иуды жребием избран был Матфей, свидетель жизни Господа от Его крещения до вознесения.

В 50-й день по воскресении Господнем, в самый праздник Пятидесятницы, утром послышался с неба шум, как будто поднялась страшная буря с вихрем, который ворвался в самую горницу, где были апостолы. Над головами их появились огни, имевшие форму человеческого языка, и опустились, по одному языку, на голову каждого из апостолов. Все исполнились Св. Духа и начали говорить на разных, дотоле неведомых им языках, и в то же время почувствовали себя как бы вновь рожденными. Мысли возвышенные и глубокие зародились в их умах, вера, горячая, как пламя, запылала в их сердцах. Мгновенно вспомнилось им все учение, которое они некогда слышали от Христа Спасителя, и каждое слово этого учения, как раскаленное железо, жгло им сердце и требовало открытого всенародного исповедания. Тесны были для них теперь пределы горницы: неудержимая сила вдохновения влекла их в народное море.

Между тем и народ, который на праздник Пятидесятницы стекался из разных стран света, пораженный происшедшими необычайными явлениями, пришел в смятение и устремился к дому, в котором находились богопросвещенные апостолы. Апостолы вышли из дому и начали вдохновенную речь.

Безмолвно внимали несметные толпы народа дивным речам. Но когда прошло первое впечатление, и массы разноязычного народа переглянулись между собой, чтобы поделиться вынесенным впечатлением, они с изумлением заметили, что только что выслушанные речи каждый из них слышал на родном языке.

«Не все ли эти галилеяне? И как мы слышим их говорящими на наших языках?» спрашивали они. Другие с насмешкой говорили, что апостолы упились вином.

Минута была страшная. Делу Божию грозило общее посмеяние. Но в этот момент из среды апостолов выступил Петр и громким голосом обратился к волновавшейся толпе: «Мужи иудейские и все обитающие в Иерусалиме!» воскликнул он. Толпа, пораженная мужеством апостола, смолкла и притаила дыхание. А ап. Петр продолжала: «Сие да будет вам

известно: они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня¹; но это есть предреченное пророком Иоилем: «и будет в последние дни, говорит Бог, излию от духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать». Толпа умилилась сердцем, услышав пророческое слово, и ап. Петр перешел к открытой проповеди о Христе. «Мужи израильские! – воскликнул он опять, – выслушайте слова сии: Иисуса Назарея, засвидетельствованного вам от Бога знамениями и чудесами, вы убили... Но Бог воскресил Его, чему мы все свидетели. Итак, Он, быв вознесен десницею Божьею и приняв от Отца обетование Св. Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите...»

Апостол кончил свою речь, но, как страшный гром небесного правосудия, слова ее раздавались еще в ушах тех из этой толпы, которые лишь 50 дней тому назад в безумном неистовстве кричали: «Распни, распни Его!» С воплем отчаяния многие бросились к Петру и другим апостолам, восклицая: «Что нам делать, мужи братия?» Петр же сказал: «Покайтесь и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов и получите дар Св. Духа». И были эти слова как целительный елей для настрадавшихся душ. В тот день крестилось около 3000 человек.

Праздник Пятидесятницы справедливо называют днем рождения церкви христианской.

§ 3. Исцеление хромого апостолом Петром и новые успехи Христовой церкви. Гонение от синедриона

Наделенные необычайными дарами, апостолы стали проповедовать евангелие, подкрепляя его чудесами. Впереди других в этом отношении был ап. Петр, действовавший вместе с Иоанном. Отправившись в храм, они встретили у Красных ворот храма беспомощного хромого нищего, который попросил у них милостыни. Ап. Петр сказал ему: «Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назарея встань и ходи». Когда апостол поднял его за правую руку, то хромец «вскочил, встал и начал ходить, хваля Бога». Такая чудесная перемена с известным всем жителям нищим поразила всех; около апостолов, от которых не отходил благодарный нищий, собралось множество народа, и ап. Петр обратился к нему с проповедью, в которой на основании св. писания и всей ветхозаветной истории доказывал, что иудеи по слепоте своей «убили Начальника жизни». Но так как все это сделали по неведению, то им осталась еще возможность для покаяния. «Итак, – говорит воодушевленный апостол, – покайтесь и обратитесь, чтобы загладить грехи ваши; да придут времена отрады от лица Господня». Многие из слышавших слово его уверовали, и было число таковых людей около 5000 человек.

Проповедь эта, собравшая множество слушателей, обратила на себя внимание членов синедриона, которые крайне вознегодовали на этих ничтожных, по их мнению, галилейских поселян, осмелившихся выступать со своим учением в храме. Апостолы были схвачены и отданы под стражу. На другой день собрался синедрион, в который и приведены были апостолы. Совет составил из главных виновников смерти Христа, первосвященников Анны и Каиафы, которые теперь со смущением должны были чувствовать, что, распяв Иисуса, они не распяли Его дела. Ап. Петр на вопрос, «какою силою, или каким именем они сделали» поразившее весь Иерусалим чудо, смело отвечал речью, в которой прямо говорит, что они сделали именем того Самого «Иисуса Христа Назарея, Которого иудеи распяли, но Которого Бог воскресил из мертвых». Члены синедриона не могли ничего сказать против апостолов, так как всем жителям Иерусалима и им самим было известно совершенное ими чудо и опровергнуть его не было возможности. Поэтому они ограничились только тем, что запретили апостолам говорить и учить об имени Иисуса. Но Петр и Иоанн сказали: «Судите: справедливо ли перед Богом слушать вас более, нежели Бога? Мы

не можем не говорить того, что видели и слышали».

Апостолы, как отвечали в синаедрионе, так и поступали; их проповедь продолжалась. Вместе с тем они творили множество чудес; народ выносил больных на улицы и полагал их на постелях, дабы хоть тень проходящего Петра осенила кого из них. Первосвященники и народные старейшины увидели теперь, что новое учение может окончательно поколебать иудейскую религию, и решились прибегнуть к насильственным мерам против апостолов. Они наложили на них руки и приказали заключить их всех в народную тюрьму. Но ангел Господень ночью вывел их из темницы, и апостолы по-прежнему проповедовали в храме. На другой день, не нашедши апостолов в темнице, враги их пришли в недоумение, а между тем донесли первосвященнику, что апостолы учат в храме. Опять стража взяла их из храма и привела в синаедрион. «Не запретили ли мы накрепко, – говорили им члены синаедриона, – учить об имени сем? И вот вы наполнили Иерусалим учением вашим и хотите навести на нас кровь этого человека». Апостолы отвечали: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам». Члены синаедриона пришли в озлобление и замыслили умертвить всех апостолов. Только благоразумие одного уважаемого народом фарисейского законоучителя Гамалиила остановило этот замысел. Он предложил оставить апостолов в покое, «так как, – говорил он, – если это дело человеческое, то оно само собою уничтожится, если же Божественное, то никто его не может разрушить». Апостолов били, опять запретили им говорить об Иисусе и отпустили. Но, несмотря на то, апостолы по-прежнему всякий день в храме и по домам продолжали проповедовать о Спасителе.

§ 4. Жизнь первых христиан. Анания и Сапфира.

Избрание 7 диаконов

Христианство произвело переворот в нравственной жизни человечества. Верующие во Христа изменяли свою прежнюю «дикую природу» и начинали вести строго нравственную жизнь. Учение Христа о любви к ближним было вполне осуществлено первыми христианами. «В Иерусалиме, – говорит св. Лука, – у множества уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее; не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду».

Между собой христиане называли себя братьями и сестрами, и это название было не словом только: они и в действительности жили, как братья и сестры. Целование, которым они приветствовали друг друга при совершении евхаристии, не было простой формой; христианская община, действительно, была одним семейством, все ее члены – чадами единого небесного Отца. Всякий служил другому, всякий молился за других. Даже незнакомец, приходивший издалека, если только он приносил одобрительное письмо от своей общины, доказывавшее, что он христианин, был принимаем как брат, и все относились к нему, как к брату.

Впрочем, и среди первенствующей церкви обнаруживались некоторые слабости и пороки. Так, некто Анания с женою своею Сапфирною продали свое имение, но согласились между собой не все деньги отдать апостолам, а часть оставить себе, и потому не сказали правды, за сколько продали. Когда Анания принес деньги ап. Петру, то Петр сказал «Анания! зачем сатана исполнил твое сердце солгать Святому Духу? Ты солгал не человеку, но Богу». Анания упал и умер. Его похоронили. Приходит жена его Сапфира. Ап. Петр спросил и ее: «За сколько вы продали имение?» Она сказала то же, что и Анания. Ап. Петр сказал ей: «И ты согласилась с мужем обманывать Святого Духа»; и Сапфира упала и умерла тотчас же. Из этого узнали все, что в апостолах живет Святой Дух, Который есть Бог, и боялись лгать пред ними.

Другой случай, нарушивший добрые отношения между верующими, произошел из-за давнего разделения между членами церкви из евреев палестинских и евреев–эллинистов, т.е. прибывших в Иерусалим из других

стран.

Последние уверяли, что вдовам и сиротам их оказывается менее пособий, нежели вдовам и сиротам евреев палестинских. Апостолы, узнав о ропоте эллинистов, созвали учеников и сказали: «Нехорошо нам, оставив слово Божие, заботиться о столах. Итак, братия, выберите из своей среды семь человек изведанных, исполненных Святого Духа и мудрости, их поставим на службу сию». И когда общество избрало их, апостолы, помолясь, возложили на них руки. Избранные стали называться диаконами. Их обязанностью было раздавать пособия бедным и помогать апостолам в деле проповеди и при совершении таинств.

§ 5. Убиение архидиакона Стефана

Избранные диаконы, приняв на себя заведывание делами благотворения, не только предоставляли апостолам больше свободы в деле проповеди, но вместе с тем явились и достойными помощниками им в этом великом деле. Особенно замечателен был в этом отношении Стефан, представлявший собой одну из выдающихся личностей в первенствующей церкви. Он «совершал великие чудеса и знамения в народе», так что в этом отношении как бы стоял на одном уровне с апостолами. Обладая необыкновенными дарованиями и вместе высоким образованием, он, конечно, не мог ограничиться в своем служении раздачей милостыни. Его влекло на более обширное и плодотворное поприще проповеди; и он, действительно, выступил на нее. Проповедь его обратила на себя внимание, но вместе с тем встретила и противодействие.

Некоторые из эллинистов вступили в спор с Стефаном; но не могли противостоять мудрости и Духу, силою Которого он говорил. Вследствие этого иудейские законники еще более озлобились. Стефана привели в синагору и обвинили в том, что он говорил хульные слова на Бога и Моисея. Оправдываясь, Стефан упрекнул самих судей в убиении истинного Мессии.

«Жестоковейные люди с необрезанным сердцем и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы. Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника, Которого предателями и убийцами сделали ныне вы». Столь безбоязненное и грозное обличение распалило ярость членов синагоги, которые, как дикие звери, «рвались сердцами своими и скрежетали на него зубами». Тогда св. Стефан понял, что ему предстоит участь последовать за своим Учителем по скорбному пути мученичества, и взоры его обратились к небесам. Там он «увидел Славу Божию, и Иисуса, стоящего одесную Бога». Восхищенный этим дивным богоявлением, он воскликнул: «Вот я вижу небеса отверстыя и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога!» Но этих возвышенных слов не могли выдержать чувства его слушателей. Затыкая себе уши, как бы с целью предохранить их от оскверняющего богохульства, они с диким ревом ринулись на Стефана. О законном решении дела теперь уже не могло быть и речи. В своей ярости они забыли всякий закон и повлекли св. Стефана за городские ворота, чтобы там побить его камнями. Когда началось исполнение казни, мученик воскликнул: «Господи Иисусе! приими дух мой». А когда израненный,

истекая кровью, он мог еще стать на колени, он в духе своего Господа молился за своих убийц, и даже вопль его страдания звучал прощением. «Господи, – молился он, – не вмени им греха сего!» С этим возгласом он отошел от злобы людей в мир Божий и «почил». Тело его погребли некоторые благоговейные мужи, которые вместе с тем «сделали великий плач по нем».

Это был первый мученик за имя Христово, и на нем первом оправдалась великая истина, что «кровь мучеников есть семя христианства».

§ 6. Крещение самарян и эфиопского вельможи

После убиения первомученика Стефана гонение со стороны иудеев распространилось на всех верующих во Христа, находившихся в Иерусалиме. Это побудило многих из них удалиться отсюда, и они рассеялись по разным странам. Так, один из 7 диаконов, именно Филипп, удалился в Самарию и здесь своей проповедью и чудесами обратил многих жителей в христианство и крестил их. Находившиеся в Иерусалиме апостолы, узнав о крещении самарян, отправили Петра и Иоанна сообщить новокрещенным дары Св. Духа. Апостолы, прибыв в Самарию, собрали всех крестившихся и после общей молитвы возложили на них свои руки и сообщили дары Св. Духа.

Во время пребывания диакона Филиппа в Самарии явился ему ангел и повелел идти на дорогу, идущую от Иерусалима в Газу. Филипп пошел и увидел здесь эфиопского вельможу, который приезжал в Иерусалим для поклонения, и теперь возвращался домой. Он читал книгу пророка Исаии; Филипп, по внушению Духа Божия, подошел к колеснице и спросил его, понимает ли он то, что читает? Вельможа, действительно, затруднялся в понимании прочитанного. Потому пригласил Филиппа к себе в колесницу и просил объяснить следующие, читанные им, слова: «Как овца, веден Он на заклание, и как агнец пред стригущим Его безгласен, так Он не отверзает уст Своих». Тогда Филипп объяснил, что пророк говорит здесь о Мессии, и раскрыл вельможе учение о Христе. Между тем они подъехали к реке, и эфиоплянин сказал: «Вот вода: что препятствует мне креститься?» – «Если веруешь от всего сердца, – отвечал Филипп, – то можешь креститься». – «Верую, – сказал вельможа, – что Иисус Христос есть Сын Божий». Тогда оба они сошли с колесницы. Вельможа принял крещение, а Филипп тотчас взят был от него ангелом и сделался невидим.

§ 7. Обращение Савла

Во время страшной мученической кончины св. Стефана, мучители, побивавшие его камнями, складывали свои одежды «у ног юноши, именем Савла». Хотя сам он, видимо, и не принимал участия в побиении первомученика камнями, но был настолько ожесточен на великого проповедника христианства, «что одобрял убийство его», да и после этого кровавого дела не успокоился, а терзал церковь, входя в дома, и, влача мужчин и женщин, отдавал в темницы. Этот яростный гонитель христианства был иудей, родом из Тарса, в Киликии. Он, таким образом, принадлежал к иудеям рассеяния, но происходил из семейства, которое гордилось чистотой своей иудейской крови, помнило свое происхождение от Вениаминова колена и самое имя своему сыну дало в честь царя из этого колена – Саула. Будучи, таким образом, «евреем от евреев», Савл вместе с тем обладал весьма важным гражданским правом, именно правом свободного римского гражданина. Дав своему сыну общее классическое образование, родители Савла вместе с тем позаботились особенно дать ему высшее образование иудейское. С этой целью Савл был отправлен в Иерусалим, где процветали высшие школы, и там он «воспитан был при ногах Гамалиила», знаменитейшего законника своего времени. В школе этого-то великого учителя «Савл был тщательно наставлен в отеческом законе» и был ревнителем по Боге.

По окончании образования Савл, наверно, возвратился в Тарс; но город этот был теперь уже тесен для высокоученого и пылкого юноши, душа его просилась на более широкое поприще, и он скоро опять появляется в Иерусалиме. И тут-то ему пришлось впервые столкнуться с новыми проповедниками, которые с успехом проповедовали какое-то новое, неизвестное ему, учение.

Савл не преминул прислушаться к этим новым проповедникам, и к ужасу и негодованию узнал, что они проповедовали отмену Моисеева закона и на место его преподавали учение какого-то Иисуса из Назарета, который за Свою мятежность и богохульство был осужден на смерть и распят между двумя злодеями. Ему, как пылкому ревнителю закона и вместе знатоку его, все это могло представляться лишь вопиющим безумием, на которое не стоило бы обращать ни малейшего внимания, если бы проповедниками этого нового учения выступали одни безграмотные поселяне, а не такие образованные эллинисты, как Стефан. Ясно, что учение пустило уже глубокие корни и его нельзя было оставлять

без внимания. И вот Савл, вопреки наставлениям своего великого учителя Гамалиила, положительно стал «терзать церковь» и гнал ее членов «до смерти».

Такой успех дела должен был чрезвычайно обрадовать первосвященников и старшин иудейских, которые, наконец, могли надеяться на полное истребление секты, так много делавшей им хлопот. Они даже были бы довольны и тем, что сделано; но Савл хотел довести до конца, и «в чрезмерной против них ярости, преследовал даже и в чужих городах». Особенно много христиан, слышал он, было в Дамаске. Чтобы разорить и это гнездо, Савл выпросил у первосвященника полномочные письма в Дамаск и, «дыша угрозами и убийствами на учеников Господа», отправился в путь. Но по неисповедимым намерениям Промысла Божия путь этот привел его к совершенно неожиданному для него исходу, и он вышел из Дамаска не грозным гонителем, с целою партией закованных в цепи и трепещущих за свою участь христиан, а смиренным последователем того Самого Иисуса Назарянина, самое имя Которого дотоле звучало для него презрением и возбуждало в нем неукротимую ненависть.

Савл подходил уже к Дамаску, как вдруг около полудня большой свет с неба осиял его и бывших с ним, так что все в страхе пали ниц. Затем голос с неба сказал: «Савл, Савл, что ты Меня гонишь?» – «Кто ты, Господи?» спросил изумленный Савл. «Я Иисус, Которого ты гонишь», сказал тот же голос. В трепете и ужасе Савл воскликнул: «Господи, что повелишь мне делать?» – «Встань, – сказал Господь, – иди в Дамаск, и там будет сказано тебе, что тебе делать».

Савл встал, но от света лишился зрения; его за руку повели в Дамаск. Три дня он пробыл в постоянной молитве, не вкушая пищи.

В Дамаске жил человек, верующий во Христа, по имени Анания. Господь в видении сказал ему: «Анания! иди на улицу, называемую Прямой, и отыщи в Иудином доме тарсянина, по имени Савла». Анания пошел и, найдя Савла, возложил на него руки и сказал: «Брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе в дороге, послал меня, чтобы ты прозрел и получил Духа Святого».

При этих словах, как будто чешуя спала с глаз Савла, он принял крещение и стал проповедовать в синагогах, что Иисус есть Сын Божий. По некотором времени иудеи в ярости решились убить его, но верующие, узнав об этом, спустили его ночью в корзине через городскую стену. Савл пробыл некоторое время в Аравии, и через 3 года после своего обращения пришел в Иерусалим. Он захотел пристать к ученикам; но они чуждались

его, помня, как он гнал церковь Христову. Наконец, один из учеников, Варнава, рассказал всем о чудесном обращении Савла и о том, как он проповедовал в Дамаске. Тогда уже верующие приняли его с любовью. Он везде безбоязненно говорил о Христе и много состязался с евреями. Понятно, что последние возненавидели его и покушались убить его. Тогда верующие проводили Савла в Тарс.

§ 8. Крещение Корнилия сотника

Первым из язычников был призван в церковь Христову римский сотник Корнилий, живший в Кесарии. Однажды, во время молитвы, явился ему ангел и сказал: «Корнилий! молитвы и милостыни твои дошли до Бога. Пошли в Иоппию и призови Симона, называемого Петром. Он наставит тебя, как ты можешь спастись со своим домом». Корнилий тотчас отправил в Иоппию своих слуг.

Между тем апостол Петр предупрежден был особенным откровением от Бога не гнушаться язычников. В то время, когда слуги Корнилия подходили к Иоппии, апостол вошел на верх дома для молитвы. Это было около полудня, когда приготавливали обед. Апостол почувствовал голод и видит вдруг, что с неба к нему спускается большая скатерть, наполненная четвероногими животными, гадами и птицами. В то же время он слышит голос: «Встань, Петр, заколи и ешь!» Петр отвечал: «Нет, Господи! Я никогда не ел ничего нечистого». Но голос продолжал: «Что Бог очистил, то не должен ты считать нечистым». Видение повторилось три раза, и после того скатерть поднялась вверх. И в то время, как апостол размышлял о значении бывшего видения, к его дому подошли посланные от Корнилия и спрашивали Петра. Дух Божий тотчас открыл ему, что его ищут 3 человека, и чтобы он шел с ними, нисколько не сомневаясь. И апостол, узнав от посланных о просьбе Корнилия, на другой же день отправился с ними в Кесарию.

Встреченный с почетом в доме язычника, он начал проповедовать о Христе. Еще не окончил Петр проповеди, как Дух Святой сошел на всех язычников, слушавших его. Верующие из обрезанных, пришедшие апостолом, изумились. Тогда Петр сказал: «Кто может запретить креститься водою тем, которые, как и мы, получили Святого Духа». И после того крестил их во имя Иисуса Христа.

§ 9. Чудесное освобождение апостола Петра из темницы

После обращения Савла церковь Христова была некоторое время в покое. Но это продолжалось недолго. Около 44 г. царь иудейский Ирод Агриппа, внук того Ирода, который избил вифлеемских младенцев, желая угодить народу, повелел схватить апостола Иакова Заведеева и казнил его. Видя, что иудеи одобряли казнь Иакова, вскоре после этого схватил и Петра и заключил его в темницу.

Так как приближалась Пасха, то он отложил казнь Петра, а до тех пор велел строго стеречь его. Все верующие глубоко скорбели и, собираясь вместе, молили Бога о спасении Петра. Уже подходил день, назначенный для казни. В ночь перед этим днем Петр, окованный цепями, спокойно спал в темнице между двумя воинами; другие воины стерегли двери темницы. Вдруг среди ночи чудный свет озарил темницу, и ангел Господень, разбудив Петра, велел ему встать и идти за ним. Тотчас же цепи спали с рук и ног апостола, и он встал и пошел за ангелом, не зная сам, наяву ли это происходит или во сне. Они прошли мимо часовых; железные ворота, идущие в город, отворились сами собой; они вышли на улицу. Петр увидел, что ангела уже нет с ним, и тут только понял, что Господь избавляет его чудесным образом.

Пришедши в дом матери Иоанна Марка и поведав всем, что сотворил ему Бог, Петр скрылся из Иерусалима.

§ 10. Первое путешествие апостола Павла (45–49 гг.)

Через несколько времени дошел слух до иерусалимских христиан, что в Антиохии сирийской появились христиане из язычников. Апостолы для утверждения церкви послали туда Варнаву, а Варнава пригласил Савла. В течение целого года они проповедовали в Антиохии и основали великую и славную церковь. Здесь в первый раз верующие стали именоваться христианами.

Устроив церковь Христову в Антиохии, Варнава и Савл, по внушению Духа Святого, отправились на проповедь в другие страны и прежде всего на остров Кипр. Здесь, поразив слепотою иудейского волхва, Савл обратил в христианство самого правителя острова Сергия Павла и многих других.

С этого времени Савл в «Деяниях Апостольских» постоянно называется Павлом. Можно думать, что апостол допустил эту перемену в честь обращенного им правителя острова Сергия Павла.

Из Кипра апостолы отправились в Малую Азию. Здесь, в Антиохии писидийской, они обратились с проповедью сначала к иудеям, но когда для слушания их стали собираться в большом числе и язычники, это оскорбило иудеев, они вооружили жителей против проповедников и выгнали их из города. Апостолы удалились в Иконию, а потом в Листру.

В Листре в числе слушателей апостолов был один хромой, который от самого рождения не владел ногами. Павел приметил, что в нем утвердилась вера и надежда на помощь Божию, и сказал ему громко: «Встань на ноги прямо». Тот вскочил и начал ходить. Народ, увидавши это чудо, поднял крик; заговорили, что «боги в человеческом образе сошли к нам». Варнаву, который и летами был старше и ростом виднее, называли Юпитером, а Павла, который вел речь – Меркурием. Уже жрец идола Юпитера, приведши к воротам волов и принеся венки, хотел совершить жертвоприношение. Тогда апостолы, разодравши на себе одежды, бросились в народную толпу и закричали: «Мужи! что вы это делаете? И мы точно такие же люди, как и вы. Мы проповедуем, чтобы вы от этого суеверия обратились к почитанию вечного Бога». Этими словами едва уговорили народ, чтобы он не приносил им жертвы.

Между тем как апостолы оставались там и учили, иудеи, которые в Антиохии и Иконию разглашали, что они не говорят ничего истинного, а все лгут, пришли и сюда и до того восстановили против апостолов общественное мнение, что из толпы народной начали бросать в Павла камнями, и, когда он пал без чувств, то, почитая его умершим, вытащили

за город. Когда же ученики собрались вокруг Павла, он пришел себя, встал и пошел в город; а на другой день удалился с Варнавою в Дервию.

Проповедавши евангелие в Дервии и приобретши довольно учеников, апостолы на возвратном пути опять посетили Листру, Иконию и Антиохии писидийскую. Рукоположивши в каждой церкви пресвитеров, они отплыли в Антиохию сирийскую, из которой были отправлены.

§ 11. Апостольский собор в Иерусалиме

По возвращении апостола Павла в Антиохию, пришли туда некоторые уверовавшие евреи и стали внушать обращенным из язычества, что они не спасутся, если не будут исполнять закона Моисеева, а те утверждали, что закон Моисеев для них не обязателен. В церкви Христовой явилось разделение; обрезанные не хотели иметь общения с необрезанными, христиане из евреев – с христианами из язычников; те и другие не могли вкушать пищи вместе. Апостол Павел без сомнения доказывал временное, приготовительное значение закона Моисеева и потому не считал его обязательным для христиан из язычников. Но христиане из евреев стояли за свое. Недоумение и спор не могли быть разрешены авторитетом одного апостола Павла, потому что он в глазах иудействующих христиан не был спутником Иисуса Христа. Для разрешения возникшего спора обратились к апостолам старейшим и притом самовидцам Господа и с этой целью отправили посольство в Иерусалим. В числе посланных были апостолы Павел и Варнава.

Состоялся собор (51 г.) апостолов и пресвитеров.

После долгих рассуждений встал апостол Петр и напомнил собранию, что сердцеведец Бог, избравший его первого для проповеди язычникам, даровал Духа Святого язычнику Корнилию и его домашним в той же полноте, как и уверовавшим иудеям, и не положил различия между обрезанными и необрезанными. «Что же вы ныне, – заключил апостол, – искушаете Бога, желая возложить иго, которого не могли понести ни отцы наши ни мы?» После этого Варнава и Павел рассказали, «какие знамения и чудеса сотворил Бог чрез них среди язычников». Наконец, встал председатель собора апостол Иаков, брат Господень, и сказал: «Я полагаю, не затруднять обращающихся к Богу из язычников, а написать им, чтобы они воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удавленины и крови и не делали другим того, чего сами себе не желают».

Присутствующие согласились с этим и написали окружное послание в Антиохию и другие места с изложением соборного определения.

§ 12. Второе путешествие апостола Павла (51–54 гг.)

Через несколько времени Павел предложил Варнаве опять посетить братьев по всем городам, где они проповедовали слово Господне, и посмотреть, как они живут. Варнава хотел было взять и племянника своего, Иоанна Марка; но Павел полагал не брать его, так как он в первое путешествие отстал от них и возвратился в Иерусалим. Вышло разногласие и, конечно, не без особенного действия Промысла, два благовестника разлучились друг с другом: Варнава с Марком отплыл в Кипр, а Павел, избравши себе Силу, Тимофея и Луку, пришел в малоазийский гор. Троаду.

Здесь апостолу ночью было виденье: предстал пред ним муж македонянин и упрашивал его: «Приди в Македонию и помоги нам». Принявши это видение за указание свыше, апостол Павел переправился на европейский берег и прибыл в Филиппы, главный город Македонии. Раз, когда апостолы шли в молитвенницу, находившуюся за городом при реке, встретила им служанка, одержимая духом прорицательным. Предсказаниями будущего она доставляла большой доход своим господам. Следуя за Павлом и его спутниками, она кричала: «Эти люди – рабы Бога Всевышняго, они возвещают нам путь спасения». Павел, обратившись, сказал духу: «Именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее». Дух вышел тот же час. Служанка была рада. Но господа ее, видя, что лишились большого дохода, схватили Павла и Силу, повлекли на площадь к начальникам и сказали: «Эти иудеи возмущают наш город; они проповедуют постановления, которых нам, римлянам, принимать и исполнять не следует». Народ толпами бросился на них; и начальники, сорвавши с них одежды, велели бить их палками. Избивши же, бросили их в темницу и приказали темничному стражу крепко стеречь их. Страж посадил их во внутреннюю темницу и ноги их забил в колоду. Такое положение после перенесенных на площади побоев было мучительно тяжелым. Но великие благовестники не пали духом и в течение ночи оглашали мрачные стены темницы сладостными песнопениями, к которым невольно прислушивались все узники. И вот в самую полночь вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы, и тотчас отворились все двери и оковы со всех спали. Пробудившийся страж, когда увидал, что двери у темницы отворены, вынул меч и хотел умертвить себя, думая, что узники разбежались. Но Павел закричал ему: «Остановись! мы все здесь». Страж потребовал огня,

вбежал в темницу, в трепете пал к ногам Павла и Силы и спросил: «Государи мои! что мне делать, чтобы спастись?» Они ответили: «Веруй в Господа Иисуса Христа и спасешься сам и домашние твои». Страж тотчас пригласил их в свой дом и тогда же принял крещение со всем семейством своим.

С наступлением дня начальники прислали городских служителей сказать: «Отпусти тех людей». Но Павел возразил: «Нас, граждан римских, без суда всенародно били и бросили в темницу; а теперь тайно нас выпускают? Нет! пусть придут сами и выведут нас». Начальники испугались, услышавши, что это граждане римские, и, пришедши, извинились перед ними и просили удалиться из города. Павел оставил Филиппы и через Фессалоники прибыл в Афины.

В Афинах апостол удивился множеству идолов и жертвенников, построенных в честь их. Потому он особенно старался возвещать здесь веру в истинного Бога. Философы, услышав это новое учение, пригласили апостола в ареопаг.

Павел принял приглашение и, став посреди ареопага, сказал: «Афиняне, я, обходя и обозревая ваши святыни, нашел жертвенник, на котором написано: «Неведомому Богу». Его-то, которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам». Продолжая свою речь, апостол раскрыл пред слушателями ничтожество идолопоклонства, указал пути Промысла Божия, ведущие ко спасению, и возвестил о Спасителе мира, пострадавшем за нас и воскресшем из мертвых. Услышав о воскресении из мертвых, одни из членов ареопага начали смеяться над апостолом, а другие говорили: «Об этом послушаем тебя в другой раз», и, конечно, не старались уловить этого момента. Итак, неужели бесплодно осталось слово апостола? – Нет, живо и действенно слово Божие: оно глубоко запало в сердца некоторых из присутствовавших и принесло свой плод. «Некоторые мужи, пристав к Павлу, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит (знаменитый впоследствии учитель церкви) и другие». Из Афин апостол Павел отправился в Коринф.

В Коринфе Павел проповедовал каждую субботу слово Божие в синагоге. Сначала не многие обращались к Христу. Но Господь в видении ночью сказал апостолу: «Не бойся, но говори и не умолкай, в этом городе много у Меня людей!» И он пробыл там полтора года и обратил ко Христу многих иудеев и язычников. Из Коринфа апостол Павел через Иерусалим возвратился в Антиохию сирийскую.

§ 13. Третье путешествие апостола Павла (54–58 гг.) и мученическая кончина его

Через несколько времени апостол Павел, вместе с Лукою, Титом и Тимофеем снова отправился в путь. Главным поприщем его деятельности был в это время Ефес; в нем он провел три года. Здесь он своими знамениями и чудесами привлек весьма многих к вере Христовой и нанес сильный удар язычеству во всей Азии. Апостол уже готовился оставить Ефес, как вдруг в Ефесе произошло сильное волнение. В этом городе находился великолепный храм, посвященный богине Диане. Очень многие художники жили тем, что делали и продавали небольшие серебряные изображения этого храма. Но с тех пор, как великое число язычников уверовало в Господа, это ремесло перестало приносить выгоды; художники сильно возненавидели Павла. Один из них, по имени Дмитрии, собрал товарищей своих и вместе с ними постарался возбудить народ против проповедников нового учения. Это удалось: народ схватил сотрудников Павла; самому апостолу угрожала опасность лишиться жизни. Начальники городские с трудом усмирили волнение и освободили захваченных народом христиан. Павел удалился в Иерусалим.

Встреченный друзьями, апостол посетил Иакова, брата Господня, на другой день по приезде. Он нашел там совет старейшин в сборе, рассказал им о своих апостольских путешествиях, об основанных им церквях и передал деньги, собранные в пользу иерусалимской церкви. Когда он кончил, его сперва поздравили, затем обратили его внимание на большое число обращенных в христианство иудеев, на их необыкновенную преданность закону Моисееву и на дурную славу (как разоритель закона), какой он сам пользовался среди них. Чтобы рассеять эти слухи, было только одно средство, именно дать разительное доказательство, что его оклеветали и что он остался верным исполнителем закона.

Апостол Павел, который ставил себе за правило быть всем ради всех, решился на такой исход. Вместе с четырьмя верными, давшими обет назарейства, он обрил себе голову, подвергся вместе с ними очищениям по всем правилам обряда и совершил с ними в самом храме ряд особых благочестивых упражнений, последние должны были продолжаться 7 дней и закончиться жертвоприношением.

Испытание близилось к концу, как вдруг события приняли неожиданный поворот. Иудеи-эллинисты, увидев его в храме, подняли бурю. «Мужи израильские, помогите: этот человек учит всех повсюду

против народа, закона и места сего, притом и эллинов ввел в храм и осквернил святое место сие». Апостолу угрожала смерть, но начальник римского гарнизона взял его под стражу, оградил от ярости фанатиков и для большей безопасности отправил его в Кесарию к прокуратору Феликсу. Там на него принесли формальную жалобу главари иудейского священнического сословия, но безуспешно. В конце-концов, по его заявлению о своем римском гражданстве и о праве предстать перед судом самого императора, его отправили в Рим, продержав два года в Кесарии.

В Риме Павел был поручен римскому сотнику; под надзором солдат он мог свободно ходить в городе и даже иметь сношение с своими единоземцами и единоверцами. Уже на третий день после своего прибытия созвал он к себе знатнейших из иудеев, чтобы объяснить им свои отношения к иудейству. Одни поверили ему, другие – нет. Два года пробыл апостол под стражею, живя на собственный счет; «проповедовал царствие Божие и со всею радостию невозбранно учил об Иисусе Христе».

Этими словами заключает книга «Деяний Апостольских » свой рассказ об апостоле Павле.

Куда отправился апостол из Рима, после своего заключения, в Испанию ли, как предполагал прежде, или на восток, – с точностью неизвестно. Вероятнее, что он отправился на восток, где посещал по-прежнему основанные им церкви и вновь основал церковь в Крите. В 67 году апостол опять является в Риме. На этот раз он заключен был в темницу и осужден на смерть через усечение мечом. От апостола Павла мы имеем 14 посланий к разным церквям.

§ 14. Апостол Петр

Апостол Петр после иерусалимского собора, посетивши Антиохию, обошел азийские церкви, основанные Павлом, затем был в Египте, именно в Александрии, и, наконец, прибыл в Рим, где в это время свирепствовало гонение Нерона.

Предание говорит, что тогда христиане убедили Петра удалиться из города, чтобы спастись. Он уступил их просьбам, но ночью, в то время как он выходил из города, ему в видении явился Господь, входящий в Рим. «Господи, куда идешь?» спросил Петр. Господь ответил: «Иду в Рим, чтобы быть распятым снова». Петр понял, что удаление его не угодно Господу; он возвратился, был заключен в темницу и через несколько дней, в 67 году, предан казни. Его осудили на крестную смерть. Петр просил, чтобы его распяли головою вниз, не считая себя достойным одной казни с Господом. От апостола Петра мы имеем два соборных послания.

§ 15. Апостол Иаков, брат Господень

Высоким действующим лицом в первенствующей церкви является апостол Иаков, брат Господень по плоти. Ему Господь особенно являлся по воскресении Своем (1Кор. 15:7), к нему первому послал апостол Петр известие о своем чудесном освобождении из темницы. Он занимал председательское место на первом соборе церкви апостольской и первый утвердил голос Петра и дал свое предложение, которое было принято

всем собором. К нему в дом, как знаменитейшему из апостолов, незадолго до своих уз приходил апостол Павел, и собрались все пресвитеры, дабы слышать повествование об обращении язычников. Апостол Иаков не предпринимал трудных путешествий для проповеди евангельской; однако ж ему достался жребий едва ли не самого трудного служения апостольского. Из всех народов, современных апостолам, самый упорный и злой народ был иудеи, из всех городов самый неприязненный возникшему христианству был Иерусалим. Чернь, книжники и фарисеи, архиереи и старцы, – все дышало ненавистью и враждою против апостолов и евангелия. И здесь-то, в этом городе и народе, оставлен был святой Иаков, брат Господень, блюстителем веры и юной церкви Христовой, всеми гонимой. Можно себе представить, какой великий и тяжкий подвиг предлежал ему. Необходимы были не только высокие дарования духовные, но и видимые знаки власти и важности иерархической. Посему он был возведен в сан епископа или Самим Господом Иисусом, как думает святой Златоуст, или собором и избранием апостолов.

Христианская древность единогласно прозвала брата Господня «праведником и справедливейшим из людей». Он был во всю жизнь девственником, почему имел особенное общение и дружбу с Иоанном Богословом. Ходил босыми ногами; вина и сикера не пил; не умащался елеем и не мыл тела своего в бане; бритва не восходила на голову его; носил одежду льняную. Пища его была один хлеб, питье – простая вода. Молитвы и коленопреклонения его были так часты и продолжительны, что от них кожа на коленях его сделалась тверда, как верблюжья. За высоту жизни и благочестия, он так был уважаем и любим народом, что не только верующие, но и неверные за великое благо почитали хоть прикоснуться к одежде его. Только эта любовь народная и высшая степень праведности, дающей мудрецу способность примирять самые враждебные партии, в состоянии объяснить, как святой Иаков в мятежном городе–Христоубийце мог удерживаться на епископском престоле, около 24 лет управлять

церковью почти спокойно.

Христианские историки оставили нам описание мученической кончины апостола Иакова. Они говорят, что в праздник Пасхи, когда в Иерусалим стеклись народы со всех краев света, фарисеи и книжники пришли к брату Господню, и умоляли его, чтобы он, как человек всеми уважаемый, поучил народ отступлению от Христа. Возвели апостола на крыло Соломонова храма, и апостол вслух всего народа начал проповедовать о Христе Спасителе, как об истинном Мессии. Обманутые фарисеи и книжники свергнули святого благовестника с высокого крыла церковного. Изнемогающий от падения, Иаков стал на колена и молился; буйная толпа изуверов бросила на него тучу камней. Некто из сынов Рихавовых² хотел защитить праведника; но из толпы ринулся один ремесленник и белильным деревом (валек, которым сукно валяют) нанес апостолу смертельный удар в голову.

От апостола Иакова осталось одно соборное послание, в котором он увещевает верующих проявлять свою веру в добрых делах. От него также ведет свое начало литургия, известная под его именем.

§ 16. Апостол Иоанн Богослов

Апостол Иоанн, возлюбленный ученик Господа, до кончины Богоматери (последовавшей в 48 году), пребывал с Ней, оставаясь в Иерусалиме Ее охранителем. Затем он, по-видимому, направился в Ефес, а потом в Рим и там пережил страшное гонение на христиан. Есть предание, что он сам подвергнут был мучению и ввержен в котел с кипящим маслом, но вышел из него еще более здоровым и юным. Хотя жизнь его была сохранена для блага церкви, но впоследствии он был схвачен в Риме и отправлен в ссылку на пустынный остров Патмос и именно «за слово Божие и свидетельство Иисуса Христа». Там он удостоился великого откровения о будущих судьбах церкви и мира, каковое откровение и изложено им в «Апокалипсисе». По освобождении от ссылки апостол Иоанн опять поселился на жительство в Ефесе, и эта столица Малой Азии сделалась центром его апостольской деятельности. Из Ефеса апостол мог следить за жизнью всех окружающих церквей и часто предпринимал путешествия для личного обозрения их. Когда же, по причине старости и слабости, Иоанн не мог предпринимать дальнего пути, он все же продолжал посещать христианские собрания и наставлять христиан. Под конец жизни его, ученики на руках носили его на собрания верующих. Слабость голоса уже не позволяла апостолу произносить продолжительных поучений, и он только повторял: «Дети, любите друг друга!» Однажды ученики спросили у него: «Учитель, почему ты так часто повторяешь одно и то же наставление?»— «Это заповедь Господа, — отвечал он; — в ней заключается все Его учение»³.

Но этот любвеобильный апостол был неумолимо строг к тем, которые извращали истину христианского учения. В своем послании он прямо называет их антихристами. А одно из преданий рассказывает, что апостол хотел войти в общественную баню, как вдруг его известили, что там находится Керинф, еретик, отрицавший Божественное достоинство Христа Спасителя. Услышав это, апостол тотчас же вернулся назад, восклицая: «Убежим отсюда, чтобы баня не обрушилась на наши головы, ибо там Керинф, враг истины».

Апостол умер, достигнув почти столетнего возраста, и погребен был в Ефесе, где его гробница сделалась местом паломничества христиан, приходивших поклониться праху «ученика, которого любил Иисус».

От него мы имеем Евангелие, Апокалипсис и 3 соборных послания.

§ 17. Краткие сведения об евангелистах

Св. евангелист Матфей, бывший мытарь, проповедовал несколько лет в Палестине, потом отправился на востоке и прошел с проповедью о Христе Эфиопию, Мидию, Аравию и другие страны Азии. Пострадал за Христа в Эфиопии. Он написал Евангелие для иудеев, обратившихся ко Христу, на еврейском языке.

Св. евангелист Марк после проповеди вместе с Варнавой на острове Кипре сопутствовал ап. Петру в Рим и под его руководством написал там Евангелие для христиан из язычников. Из Рима Марк был отправлен для проповеди в Египет. Здесь он был первым епископом александрийской церкви, основал знаменитое впоследствии александрийское огласительное училище и пострадал за Христа.

Св. евангелист Лука долгое время был спутником апостола Павла и „возлюбленным врачом“ его, а после мученической кончины ап. Павла проповедовал в Италии, Греции и других странах. Во время гонения от римского императора Домициана он был повешен в Ахайи на дереве. Предание говорит, что он первый написал образ Богоматери с Предвечным Младенцем. От него мы имеем Евангелие и книгу Деяний св. апостолов.

§ 18. Разрушение Иерусалима

Мы видели, какой враждебный прием встретила евангельская проповедь среди еврейского народа. Иерусалим, распявший своего Мессию, гнал и избивал и Его учеников.

Но уже приближалось время, когда суд Божий должен был покарать преступный народ.

Евреи не могли примириться с наложенным на них игом языческих победителей и постоянно с ненавистью относились к римлянам, выжидая лишь случая, чтобы освободиться от них. В этом отношении они были самыми непокорными и мятежными подданными Рима. Этому немало содействовали и сами римляне. К иудеям они относились с полным презрением и пренебрежением и, считая их самым грязным и злым народом, не старались даже о привитии им своих гражданских порядков, как это делали они с другими народами, а просто держали иудеев в своих суровых руках и смотрели на них, как на доходную статью. Вся Иудея была отдана на откуп компаниям сборщиков податей, которые чрез своих подчиненных мытарей выжимали из народа последние соки, повергая народную массу в неоплатные долги и нищету. При назначении самих правителей римляне не задумывались над выбором и обыкновенно посылали в Палестину лиц, которые уж едва ли годились для других провинций. Большинство прокураторов были люди без всяких нравственных правил; они смотрели на вверенную их управлению страну исключительно, как на доходную статью, и прибегали ко всевозможным вымогательствам и неправдам.

«Не было такого зла, – говорит, напр., Иосиф Флавий, про прокуратора Альбина, – которого бы он не сделал во время своего правления». Но ему наследовал Гессий Флор, который даже превзошел его в этом отношении. По отзыву того же иудейского историка, это был как бы палач, присланный для казни преступников. Хищничество его было так велико, что опустели от его грабительства целые города и округа. Не довольствуясь этим, он хотел воспользоваться и сокровищами храма. От имени императора он потребовал, чтобы ему выдано было из храмовой сокровищницы семнадцать талантов. Когда иудеи отказали, то он хотел с вооруженной силой проникнуть в сокровищницу. Но этого уже не могли вынести иудеи и воспротивились ему силой. Произошло уличное побоище, которое заставило Флора отказаться от своей попытки. Раздражение между тем достигло небывалой степени. В городе образовалась партия,

решившаяся отложиться от римлян. В храме состоялось собрание, и на нем решено было отвергнуть ежегодное приношение императора храму, делавшееся со времени Юлия Цезаря. Это был прямой знак отвержения зависимости от Рима, восстание против кесаря. Отсюда сделалась неизбежно война, и действительно началась та знаменитая иудейская война, которая беспримерна в истории мира по сопровождавшим ее ужасам ожесточения и кровопролития.

Восставшие захватили в свою власть город и укрепленную башню Антонию, избив находившийся в ней римский гарнизон. Мятеж распространился по всей Палестине и Сирии и сопровождался повсюду не только избиением римских гарнизонов, но и кровопролитными побоищами между греками и иудеями, смертельная вражда между которыми в это время достигла наибольшего ожесточения. Для подавления мятежа к Иерусалиму двинулся правитель Сирии, Цестий Галл, но он потерпел поражение, которое еще более подняло дух мятежников и распалило их фанатизм. Тогда оказалось, что наличных римских сил недостаточно было для подавления восстания, и римское правительство отправило на место восстания Веспасиана, одного из лучших своих военачальников, которому дано было в распоряжение вполне достаточное войско для того, чтобы отомстить иудеям за понесенный римлянами позор. Веспасиан быстро покорил Галилею и подступил к Иерусалиму.

Смерть Нерона и провозглашение Веспасиана императором на некоторое время приостановили истребительную войну; но она началась опять и еще с большим ожесточением, когда Веспасиан поручил закончить начатое им дело усмирения иудеев своему сыну Титу. Тит прямо двинулся к Иерусалиму и начал правильную осаду его. С обеих сторон были оказываемы чудеса храбрости, и если осаждающие превосходили своих противников военным искусством, зато осажденные возмещали недостаток у себя военной опытности почти безумной яростью в схватках. Но катастрофа была неизбежна. Все в этой осаде указывало на страшный суд Божий над иудейским народом. Это не было обыкновенное историческое событие, и это сознавалось самими иудеями. В городе носились рассказы о страшных предзнаменованиях предстоящей гибели.

Еще лет за 5 до осады в праздник Пасхи в Святом Святых сиял в самую полночь какой-то таинственный свет, виденный в течение трех часов; огромные медные ворота храма, для открывания которых требовалось 20 человек, вдруг отворились сами собой, и не могли быть закрыты. В праздник Пятидесятницы священники слышали какой-то таинственный голос в храме, говоривший: «Уйдем отсюда». Наконец на облаках видны

были огненные воины, которые вели ожесточенную войну, покрывшую облака кровью. За 4 года до войны, когда город еще наслаждался миром, в Иерусалиме появился какой-то странный человек, по имени Иисус, сын Анании, и в праздник Кущей начал зловеще кричать в храме: «Голос от востока, голос от запада, голос от четырех ветров небесных! Голос против Иерусалима и храма, против мужей и жен, голос против всего народа». Народ пытался заставить его замолчать и подвергал всевозможным побоям, а он все продолжал повторять одно и то же, прибавляя еще: „Горе, горе жителям Иерусалима!“ Он не переставал делать эти зловещие возгласы до самой войны, и уже во время осады воскликнул: „Горе и мне!“ и был убит камнем, брошенным из римского метательного снаряда.

Осаждающие между тем все крепче облагали город. Иерусалим начал терпеть нужду в припасах, и многие стали убегать из него; но Тит начал предавать всех таких беглецов распятию. Самый город сделался местом самых безумных побоищ между соперничающими партиями и ужасных насилий и грабежей. А римляне все подвигались к стенам, и их метательные снаряды производили страшное опустошение на улицах. Ко всем этим ужасам присоединился страшный голод. Все запасы, сделанные частными лицами, были разграблены, и все испытывали ужасные муки голода. Женщины и дети с плачем бегали по улицам, выпрашивая куска хлеба; молодые люди ходили, как тени, и замертво падали от изнеможения. Носились даже страшные слухи, как матери убивали и пожирали своих собственных детей. Наконец римляне проломили городскую стену, ворвались в город и взяли приступом башню Антонию. Оставалось взять еще храм, так как около него и в нем собрались все дошедшие до яростного исступления иудеи. Но и этот последний оплот иудейства не мог выстоять против напора римлян и среди воплей, самоубийств и ужаснейшего побоища храм был взят и превращен в пепел (70 г.). Великий жертвенник был завален убитыми. Дворы храма утопали в крови. 6000 испуганных женщин и детей с воплем ужаса погибли среди пламенеющих развалин храмовых притворов. Римляне поставили знаки своих легионов на том месте, где было Святое Святых. По свидетельству И. Флавия, у Тита было искреннее желание сохранить храм, но его повеление не было исполнено его воинами, увлеченными яростным пылом битвы. Самые рослые и красивые юноши были оставлены для триумфа победителей. Из народа все свыше семнадцатилетнего возраста осуждены были на каторжные работы в египетских рудниках. Другие были отосланы в качестве подарка различным городам для съедения их дикими зверями или убиения гладиаторами. И. Флавий определяет число тех, которые

погибли во время осады, в 1. 100.000 человек.

Так совершился страшный суд Божий над иудейским народом, который по своей жестоковейности не познал времени своего благодатного посещения, не приняв обетованного Мессии, таким образом не исполнил своего великого предназначения. Как бесплодная смоковница, он был срублен у самого корня и прекратил свое национальное существование. Событие это имело чрезвычайно важное значение для церкви. Оно показало даже иудействующим, которых было немало среди христиан, что иудейство отжило свой век, и ветхий завет решительно прекращен всемогущей рукой Божией.

§ 19. Обстоятельства, благоприятствовавшие распространению христианства

Проповедь евангелия могущественно действовала на людей. В особенности усердно принимали новую религию все „трудящиеся и обремененные», бедняки, рабы, отпущенники: христианство возвращало им человеческие права, в которых отказывало им язычество; христиане признавали всех людей равными пред Богом, проповедовали свободу человеческой души, братскую любовь между людьми; делаясь христианами, бедняки и рабы получали в обществе своих единоверцев положение, равное всем другим, видели себя людьми уважаемыми. Но и в образованных классах, в знатном сословии, христианство приобретало все более и более последователей. У образованных людей того времени было влечение к таинственным верованиям; они находили удовлетворение ему в учении о Спасителе, Сыне Божиим, о чудесах его, в таинствах крещения и причащения, дававших духовное возрождение к новой жизни и общение с Христом.

Живое сочувствие себе находило христианство и в среднем сословии. Обогащение римских деспотов осквернило древнюю религию. Людям, даже не очень образованным, стало ясно, что старая государственная религия – создание политики и обмана; люди привыкли читать у сатириков насмешки над безнравственными мифами, над любовными похождениями Зевса и Афродиты, видеть их приключения, представляемыми на сцене в бесстыдных спектаклях, читать сладострастные описания любовных приключений богов и богинь в стихотворных и прозаических рассказах. Старые боги и богини сделались в глазах общества существами пошлыми; оно отвратилось от них, большинству неприятна была мысль отказаться от земных наслаждений для блаженства в будущей жизни, оно бросалось во всяческие суеверия; но мистерии восточных религий, шарлатанства магов и астрологов не могли долго устоять против христианства⁴.

Воины легионов, переходивших с востока на запад, с запада на восток, скрывали в сердцах, как драгоценное сокровище, христианское учение и при случае передавали его другим; купцы и должностные люди, странствовавшие по областям обширной империи, видевшие путаницу языческих верований, находившие повсюду странные суеверия, чувствовали превосходство духовной религии, проповедовавшей чистую нравственность, и делались распространителями христианского учения; в

Галлию и Британию евангельская проповедь была принесена воинами легионов; распространению христианского учения содействовало то, что на всем востоке империи владычествовал один язык, греческий, на всем западе также один – латинский, и что принадлежность к одному государству соединяла людей всех народностей. Языческое богослужение, имевшее аристократическую роскошь, теряло свою привлекательность; религия братской любви и равенства становилась привлекательнее его людям; Спаситель, принявший на Себя образ раба, умерший рабской смертью и давший Своим ученикам веру, что Он придет в небесной славе и будет вечно царствовать над ними, был угнетенному и страждущему человечеству понятнее и милее язычества, обоготворявшего императоров, имевшего своими богами существа пошлые или абстрактные понятия.

Уже Плиний, правитель Вифинии, в своем знаменитом донесении импер. Траяну, жалуется, что христианская проповедь заплонила не только города, но местечки и деревни, оставляя храмы пустыми и вызывая упадок цен жертвенных животных.

Тертуллиан в начале III в. писал язычникам: „Мы существуем, можно сказать, со вчерашнего дня и уже наполняем все: ваши города, замки, лагеря, двор, сенат, форум“...

Однако эта победа досталась христианству после долгой и упорной борьбы с языческим суеверием.

§ 20. Гонение на христиан от язычников

Когда кончились гонения церкви со стороны иудеев, начались страшные, продолжавшиеся два века с половиной, гонения от язычников. Против христиан вооружились все сословия и все по причинам различным.

Императоры гнали христиан потому, что смотрели на христиан, как на оскорбителей их величества (христиане не клялись именем императоров и не воскуряли фимиама перед их статуями), как на политических преступников и заговорщиков, как на врагов империи, угрожающих ниспровержением ее религии, а вместе с тем и всему тесно связанному с ней гражданскому устройству.

Алчным проконсулам (правителям провинций) нужна была смерть христиан, чтобы овладеть их имуществом.

Языческие жрецы, гадатели и волшебники, которые толпами бродили по империи, обманывая суеверных, враждовали против христиан за то, что в распространявшемся христианстве видели подрыв своему значению и постыдному ремеслу, которым они жили.

Ученые язычники также вооружились против христианской веры. Еще апостол Павел заметил, что речь о Христе распятом, как Боге, для эллинов, хвалившихся образованием, казалась безумием.

Наконец и простой народ, не зная христиан, клеветал на них. Простые люди не видели у них ни храмов, ни идолов, а потому предполагали, что они безбожники⁵. Однако известно было, что христиане собирались для богослужения. Чернь объясняла себе эти собрания по-своему. Из уст в уста у язычников ходила клевета, что исповедники Христовой веры собираются для дел греховных. Не имея возможности знать, что означает у христиан таинство причащения, язычники говорили, что будто они пьют кровь и едят тела малых детей, истребляя их во множестве. Отсюда и явилось обвинение, что христиане – человеконенавистники. Словом, христиане для простых людей языческого общества казались какими-то чудовищами, за грехи которых боги посылают разные напасти. Таких людей убивать значит богам угождать.

Нужен был только повод к гонению на них. Его и не пришлось долго ждать.

Обесчестив себя и римлян своим скотским сладострастием и своими артистическими глупостями, римский император Нерон приобрел репутацию такого сумасброда и злодея, что ему был приписан ужасный пожар, который истребил большую часть города Рима, наиболее

уважаемые храмы, массу дивных созданий греческого искусства и поверг в нищету большинство населения города.

Чтоб отклонить народную ненависть от себя на других, Нерон обвинил в поджоге города христиан. Множество их было подвергнуто суду, признано виновными и осуждено на смерть.

«Предавая смерти христиан, – говорить Тацит, – подвергали их поруганиям: их зашивали в звериные шкуры и отдавали на растерзание собакам или распинали на кресте, или, обмазав смолой, зажигали при наступлении темноты, чтобы они горели, как ночные факелы. Для этого зрелища Нерон открыл свои сады, устроил игры в цирке и вмешивался в толпу, одетый колесничим возчиком, или ездил между народом в экипаже».

Гонение при Нероне, начавшееся с 64 года, продолжалось до 68 г., когда этот государь самоубийством положил конец кровопролитию. В это гонение пострадали в Риме апостолы Петр и Павел.

При императоре Домициане преследование христиан возобновилось (91 г.). Подозрительный и жестокий по отношению вообще ко всем подданным, лишая жизни или ссылая в заточение, особенно знатных и богатых римских граждан, чтобы присвоить себе их имущества, Домициан подвергал той же участи многих «за безбожие и принятие иудейских обычаев». Под этими безбожниками и принимавшими иудейские обычаи разумелись христиане. Именно таким образом обвинен был и казнен один консул, Фабий Климент. В это же гонение Иоанн Богослов был ввержен в Риме в кипящее масло, и когда остался невредим, сослан на остров Патмос. Своими ожиданиями царства Христова, христиане возбуждали в подозрительном Домициане особенные опасения. По его повелению приведены были из Палестины в Рим потомки Давида, родственники Иисуса Христа по плоти. Но подозрительный царь успокоился, когда увидел пред собой людей бедных, все имущество которых заключалось в небольшом поле, которое они сами обрабатывали, и, узнав от них, что они ожидают царства небесного, а не земного, отпустил их назад в Палестину.

Наиболее сильные гонения были при императорах: Трояне, Марке Аврелии, Септимии Севере, Декии и Диоклетиане.

Траяна (98–117 г.) обыкновенно называют лучшим императором, славою римских кесарей.

Ежедневно вспоминая данную им клятву, ничего не предпринимать такого, что может быть вредно для благосостояния и чести честно живущих людей, мог ли Траян начать несправедливое гонение на христиан? По-видимому, нет. Но, говоря о судьбе христианской церкви и

об отношении к ней римских императоров, мы вообще увидим, что именно лучшие и благороднейшие из императоров, как, например, Траян, Марк Аврелий, Диоклетиан, были преследователями христианства, тогда как в правление многих худших императоров (например, в правление Гелиогабала) церковь наслаждалась покоем. Чтобы понять это явление, мы должны принять во внимание, что римский император прежде всего имел в виду государство и благо государства. Чем более он заботился об этом благе, тем сильнее должен был вооружаться против всего, что с точки зрения того времени могло бы этому благу повредить. А таково и было христианство.

В частности Траян признавал несовместным с римской государственной жизнью существование отдельных обществ, имевших свои собственные законы, кроме государственных. Он издал строгие законы против всех таких общин и союзов, видя в них зерно революции. Даже цехи ремесленников, составлявших общины для скорейшего вспомоществования во время пожаров, были запрещены, потому что даже их причислили к категории вредных обществ. Естественно поэтому, что и общины христиан в Римской империи причислились начальниками провинций к таким вредным общинам, и христиане в силу императорского указа подвергаемы были наказанию. При этом преследовании правители провинции переступали даже границы дозволенного законом и далеко не все были так честны, как наместник Вифинии Плиний

Младший, который, не зная, как применить ему эдикт императора к христианам, просил разрешения своих недоумений у Траяна.

Император решил так: разыскивать христиан не должно, а если кто будет обвиняем судебной властью в принадлежности к христианству, того казнить.

При Марке Аврелии (161–180 г.) гонения на христиан приняли новый вид. Ослепленный своей стоической мудростью, он с негодованием смотрел на одушевление христиан, и поэтому не только дал полную свободу народной к ним ненависти, но еще ввел систему истязаний, пыток, для вынуждения их к отречению от веры; но этим он дал только возможность христианскому героизму выказаться в полном блеске. Не только мужи, но слабые жены и даже дети твердостью духа удивляли язычников. Слабая, например, телосложением рабыня Блондина была подвергнута страшнейшему бичеванию, мучима на железном раскаленном стуле, кидаема диким зверям и, наконец, обезглавлена; но при всех мучениях она радостно исповедовала: «Я христианка, и за нами нет ничего худого».

Спустя 7 лет после начала гонения, случилось событие, которое должно было заставить императора переменить многое о христианах.

В 174 г. Марк Аврелий выступил войной против враждебных Римской империи племен. В Панконии, теперешней Венгрии, был он заведен врагами в безводное место. Недостаток воды и палящий зной погубили большую часть его войска. Уже не было никакой надежды на победу, как вдруг разразилась гроза и привела в смятение врагов. Вместе с тем пролился большой дождь, который утолил жажду истомленных римских войск. Это чудесное событие случилось, по словам христианских писателей, по молитве христиан, бывших в войске императора. С этого времени император под смертной казнью запретил преследовать христиан и тому легиону, по молитве которого разразилась буря, дал имя громоносного.

Септимий Север (193–211 г.), по описанию римских историков, был человек, отличавшийся грубым, но твердым солдатским характером. В первые лета его правления христиане наслаждались покоем. Он принял даже в свой двор некоего христианина Прокула, исцелившего его от болезни, и назначил мамкой к своему сыну христианку. Но в 203 году Септимий Север издал указ, в силу которого никто, под опасением строгого наказания, не должен был переходить ни в иудейство, ни в христианство.

Хотя указ императора, запрещавший принимать христианство, не заключал в себе ясного приказания преследовать тех, которые уже были христианами, но народная ненависть, требовавшая постоянно новых жертв, охотно дала императорскому эдикту самое широкое толкование. Преследование христиан при С. Севере отличалось гораздо большей жестокостью, чем прежние гонения, так что некоторые христиане видели в этом гонении знамение владычества антихриста.

Провозглашенный в 249 году императором *Деций* почти тотчас увидел, что пред ним стоит серьезная задача: реформировать нравы. Он восстановил должность цензора, которому дано было поручение искоренить все злоупотребления во дворце, в сенате, в администрации, – словом, везде. Его намерение истребить в корне христианскую веру связано с этими планами всеобщего преобразования. Деций почитал христианство самым сильным разрушителем римских нравов; он вообразил себе, что с ним можно справиться мерами строгости, если их применять серьезно.

Изданный им указ о гонении требовал от всех христиан и всех, заподозренных в христианстве, засвидетельствовать свою принадлежность

к языческому культу каким-нибудь действием, – жертвоприношением, возлиянием, участием в священной трапезе. В каждом городе и даже местечке были учреждены комиссии, чтобы следить за выполнением этой формальности: они выдавали тем, кто соглашался выполнить ее, удостоверение в совершении обряда. Тех, кто от нее отказывался, должны были принудить к ней правительственные чиновники или городские власти. Естественно, что прежде всего взялись за епископов и членов клира и других почетных лиц церкви.

Исповедников заключали в тюрьмы и томили голодом, жаждой и иными медленными пытками, пока они не решались на отречение. От времени до времени произносились смертные приговоры, совершались казни, показывавшие, до каких пределов решилось идти правительство. Довольно часто прибегали к сожжению на костре, так как этот род казни, уничтожавшей тело, отнимал, как думали палачи, надежду на воскресение из мертвых. У тех, кто спасался бегством, отбирали имение.

Эти меры, строго приводимые, сперва как будто увенчались полным успехом. Многие христиане держали себя жалким образом пред лицом гонителей. «Упадок духа был всеобщим, – говорит Дионисий Александрийский, – большое число лиц, занимавших видное положение, явились сами; лица, состоявшие на службе, шли под давлением своих подчиненных или товарищей. Когда их вызывали по имени и предлагали совершить жертвоприношение, они выступали бледные и дрожащие, как будто они пришли не для того, чтобы принести жертву, а чтобы быть закланными самим. Собиравшаяся на это зрелище толпа насмеялась над ними; всем было ясно, что это были трусы, столь же боявшиеся жертвоприношения, как и смерти».

Но нашлись люди, достаточно твердые в своих убеждениях, чтобы дать себя заковать и бросить в тюрьму.

Церковь радостно отмечала эти примеры доблести. Более мужественные христиане погребали своих мучеников, посещали заключенных, помогали беглецам, поддерживали бодрость в людях, подвергавшихся опасностям, и уже старались утешить и примирить с церковью раскаявшихся вероотступников.

К концу 250 г. гонение стихло.

Император *Диоклетиан* (284–305 гг.) не столько по собственному убеждению преследовала христиан, сколько по настоянию своих советников, в особенности кесаря Галерия, которые уговаривали его разрушить великолепную никомидийскую церковь и издать повеление о разрушении христианских церквей в других местах и об уничтожении

христианских священных книг. Таким образом, в течение 303 года издано было три эдикта против христиан, один строже другого и, наконец, в четвертом эдикте, изданном в 304 году все, без исключения, христиане, отказавшиеся принести жертву богам, присуждались к смертной казни. С этого времени началось гонение на христианскую церковь во всей Римской империи, кроме Галлии, где был правителем Констанций Хлор, уже в то время покровительствовавший христианам. Это гонение продолжалось 10 лет и было самым продолжительным и самым жестоким из всех известных в церковной истории. В самой Никомидии многие подвергались смертной казни и, между прочим, тамошний епископ Аноим и многие придворные. Всюду темницы наполнились епископами, пресвитерами и диаконами. Число мучеников умножалось день ото дня. «Если бы я имел сто уст, – говорит один из церковных учителей, – я и тогда не мог бы перечислить всех унижений, всех пыток и казней, которым подвергали праведных и невинных ».

Еще безжалостнее поступали с христианами в Египте; их сжигали там, бросали в морские волны, распинали на крестах и умерщвляли другими изысканнейшими муками, не разбирая ни пола, ни возраста. По свидетельству современников часто в один день избивали их там до сотни так, что мечи тупились, и измученные палачи сменялись для отдыха.

Но все ужасы кровопролитных гонений не могли уже остановить распространение христианства. Изумительная стойкость и самоотверженность христиан, будучи лучшей свидетельницей истины их веры, даже в язычниках возбуждала невольное изумление и заставляла их пополнять ряды казненных мучеников новыми обращенцами в гонимую веру, так что кровь христианских мучеников поистине была как бы семенем христианства. Несмотря на полное неравенство внешних сил борющихся сторон, победа заранее обеспечена была за слабейшей в этом отношении, именно за христианством.

Как весенние воды, бурно устремляясь с гор, размывают на своем пути все ветхое и сгнившее, так и потоки христианской крови неудержимо размывали, грозные на вид, но истлевшие внутри, твердыни языческого мира, и он неминуемо должен был рухнуть и рассыпаться в развалины, на которых должна была пышно взойти и расцвести нива христианская.

Сам император *Галерий*, жестокий враг христианства, пораженный тяжелой болезнью, незадолго до своей смерти, издал эдикт, в котором объявлял, что хотя он имел намерение возвратить христиан снова к религии их отцов, но так как они упорствуют в своем заблуждении и так как все-таки лучше, если они будут, хотя каким бы то ни было образом,

молиться за благо государства, то он позволяет это делать им по их собственному обычаю.

§ 21 Св. мученики и мученицы

Из необозримого числа мучеников особенно замечательны:

Св. Игнатий, епископ антиохийский.

Св. Игнатий родился, вероятно, еще при жизни Спасителя. По словам предания, он был именно тот мальчик, которого Христос поставил перед Своими учениками, чтобы научить их быть кроткими, как дети. Игнатий был учеником Иоанна Богослова и епископом в церкви Антиохийской. Он первый ввел там антифонное пение. Какое глубокое уважение питала к нему церковь, видно из того, что он был назван Богоносцем. Около 40 лет занимал он свою кафедру до того времени, когда в 115 году (а по другим известиям несколько ранее) прибыл в Антиохию император Траян. Это было во время его похода против персов. Тогда приведен был к нему Игнатий и обвинен в том, что исповедует христианство. Из актов допроса мы узнаем следующую разговор между Игнатием и Траяном:

«Кто ты, злобный демон? – воскликнул Траян. – И как ты осмеливаешься пренебрегать нашими повелениями и учишь других стремиться к гибели?» – «Никто не вправе называть злобным демоном Богоносца, – возразил Игнатий:– демоны в рабах Божиих не обитают ».– «Кто же такой Богоносец?» насмешливо спросил Траян. «Тот, кто носит Христа в сердце своем».– «Ты говоришь о Том, Который распят был при Понтии Пилате?» – «Да, о Том, Который вознес на крест грех и сокрушил вместе с тем грехоначальника».

Допрос был кончен, и Траян определил:

«Повелеваем, чтобы Игнатий, который говорит, что носит в себе Распятого, прикован был к воинам и отведен в великий Рим на съедение там зверям для удовольствия народа».

Христиане были извещены в Риме о скором прибытии Игнатия. Многие выражали мысль о необходимости принятия мер для предотвращения готовившейся ему участи. Узнав об этом, Игнатий обеспокоился и прислал римским христианам трогательное послание:

«Боюсь любви вашей, чтобы она не принесла мне вреда... Не делайте для меня ничего... Огонь и крест, толпы зверей, разсечение, разсторжение, раздробление костей, отсечение членов, сокрушение всего тела, лютые муки диавола пусть придут на меня, – только бы достигнуть мне Христа. Хочу быть Божиим: не отдавайте меня миру. Живой пишу вам, горя желанием смерти...»

В собраниях римской церкви с благоговением читали эти

изумительные строки, и римские христиане с нетерпением ждали Богоносца. Узнав об его приезде, они поспешили к нему навстречу. Увидав его, со слезами бросились пред ним на колени, на том самом месте, где теперь стоит церковь св. Павла.

Назначен был день казни. Воины ввели престарелого до изнеможения епископа в амфитеатр. Белые, как снег, волосы его спадали на бледное лицо, но его взор ясен, тверд, движения медленны, но величавы. Распорядитель игр, пораженный его мужественным героизмом, сказал ему ласковым тоном: «Поспешి хотя теперь исполнить волю императора, поклонись богам, и я немедленно прикажу освободить тебя». – «Я не боюсь смерти, – со спокойным величием сказал старец, – и ни за какие блага мира не изменю моему Богу». – «Привязать этого горделивца и спустить на него львов!» раздался резко-повелительный голос. «Римляне, я умираю за истинную веру, не совершив никакого злодеяния!» воскликнул Игнатий.

И старец пал на колени, скрестив руки на груди и возведя горевший небесной радостью взор к небу. Громадные львы, прыгнув из темного карцера на озаренную ярким светом арену, бросились к своей жертве и растерзали Игнатия. Христиане собрали его кости и впоследствии перенесли их в Антиохию.

Св. Поликарп, епископ смирнский

Св. Поликарп, епископ смирнский, был любимый ученик Иоанна Богослова. Много трудов и опасностей понес он в свое управление церковью смирнской.

Когда в Смирне вспыхнуло гонение М. Аврелия, Поликарп, по совету некоторых друзей, удалился из города в одно уединенное место, но, извещенный о своей мученической смерти видением горящего изголовья, сказал своим приближенным: «Я буду сожжен за имя Господа Иисуса». И действительно, в это время пришли искавшие его воины: св. Поликарп вышел к ним навстречу, ввел в свой дом, предложил пищу и питье, а сам встал на молитву. Укрепившись молитвою, он отдал себя в руки воинов. На дороге в город встретился с ним начальник города, и, посадив св. Поликарпа в повозку, начал уговаривать его принести жертву богам. Поликарп сначала ничего не отвечал; но когда тот стал настоятельно убеждать его, то святитель сказал решительно: «Я не намерен делать того, что ты мне советуешь». Раздраженный таким ответом, начальник толкнул св. Поликарпа с повозки с такой силой, что он упал и повредил себе ногу, но не обращая внимания на это, спокойно продолжал свой путь.

Когда привели его на место казни, то судья, по обыкновению, начал

требовать, чтобы он произнес хулу на Христа. «86 лет я служу Христу, и Он не сделал мне никакого зла; как же я могу хулить Царя и Спасителя моего?» отвечал Поликарп. Судья начал угрожать ему сожжением, но Поликарп ответил ему, что он боится лишь огня вечного. Св. старца положили на костер. Он молился, говоря: «Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты причислил меня к ученикам и исповедникам Твоим, и что пью чашу страдания Христа Твоего и делаюсь причастником Его болезни, да в воскресении буду с Ним причастником жизни вечной».

Между тем язычники, и в особенности иудеи, с усердием подкладывали хворосту, и когда Поликарп окончил молитву свою, они зажгли великий огонь. Но тут совершилось чудо, которое исполнило всех изумлением и явило всем присутствовавшим силу Божию: пламя только окружило святого, сходясь над ним наподобие свода и не касаясь тела его, которое оставалось невредимо и издавало благоухание. Судья повелел тогда одному воину пронзить Поликарпа длинным копьем. Это было исполнено, и кровь, обильно истекая из раны, погасила пламенеющий костер.

Пораженные чудесными явлениями, которые сопровождали мученичество св. Поликарпа, иудеи просили судью, чтобы он повелел сжечь тело его. Сотник, по повелению судьи, сжег тело Поликарпа, «мы же (пишут смирнские христиане) собрали от пепла кости его, драгоценнейшее злата и многоценных камней, и схоронили в чистом месте, где будем с веселием праздновать день его страданий в укрепление тем, которые такую же смертно будут исповедовать и прославлять Христа истинного Бога нашего».

Св. великомученица Екатерина.

Св. великомуч. Екатерина пострадала в царствование имп. Максимиана, в IV веке; она происходила от отца язычника и матери христианки. Екатерина получила блестящее по тому времени образование, отличалась красотой, была знатного происхождения и богата. Много вельмож искало руки ее, но она всем отказывала, хотя родители и другие родственники уговаривали ее вступить в супружество. «Если вы хотите, – говорила она, – чтоб я вышла замуж, то найдите такого жениха, который был бы равен мне богатством, красотой и образованием; других искателей руки моей мне не нужно». В то время в окрестностях Александрии жил благочестивый пустынный. Однажды мать привела к нему дочь свою, чтоб он преподал ей добрый совет, и старец решился обратить Екатерину к познанию истинного Бога. Выслушав ее мнения о замужестве, он сказал: «Я знаю такого человека, который превосходит тебя дарованиями». Слова

пустынника смутили Екатерину, и она пожелала увидеть этого юношу; тогда старец вручил ей икону Богоматери, и сказал, что если она будет усердно молиться перед этой иконой, то желание ее исполнится. В следующую ночь Екатерина имела чудное видение: ей явилась во сне Богоматерь с Младенцем Христом. Напрасно старалась Екатерина взглянуть на лицо Христа: Он отворачивал от нее Свой светлый лик. «Не презирай Твоего создания, – говорила Богоматерь, – скажи ей, что она должна делать, чтобы увидеть лицо Твое». – «Пусть идет к старцу, он научит, что ей должно делать», отвечал Младенец. Этот сон произвел глубокое впечатление на Екатерину; на утро она отправилась к отшельнику и рассказала о виденном ею во сне. Старец объяснил ей главные истины христианского учения. Екатерина, выслушав объяснение, уверовала во Христа и приняла св. крещение. Виденный ею вскоре после того сон еще более укрепил ее в вере. Иисус Христос и Богоматерь явились ей, и Христос сказал: «Избираю тебя Моею невестой; сохрани же этот союз ненарушимо и не ищи жениха другого». С этого времени Екатерина все свои мысли и желания устремила на служение Богу.

Вскоре надлежало ей засвидетельствовать истины христианства на деле. Император Максимиан издал указ о поклонении богам, повелевавший жителям Александрии и других городов приносить торжественно жертвы в языческих храмах. Екатерина с твердостью обличила заблуждение императора. Она явилась в храм, где находился император, и сказала: «Не стыдно ли тебе, царь, молиться идолам?»

Максимиан пришел в сильный гнев и, окончив жертвоприношение, велел привести к себе Екатерину для допроса. Екатерина смело исповедовала христианское учение и снова говорила о тщетности языческих верований. Император, полагая, что языческие философы сумеют разубедить девицу, призвал до 50 ученых для состязания с Екатериной о вере. Но это состязание привело совсем не к тем последствиям, каких ожидал император. Екатерина с необыкновенным красноречием доказывала превосходство христианского учения перед языческими заблуждениями и успела поколебать убеждения некоторых из своих противников. Император озлобился и приказал бить Екатерину воловьими жилами. Все тело страдальцы покрылось ранами, и кровь текла ручьями. После этого истязания ее заключили в темницу. Долгое время томилась там Екатерина; ее хотели замучить голодом, но Господь чудесно питал ее. Мужество, с каким Екатерина переносила страдания, обратило на нее внимание жены Максимиана Августы, и последняя, воспользовавшись отсутствием Максимиана из Александрии, посетила св.

мученицу, долго беседовала с ней и уверовала во Христа. Когда Максимин возвратился, он приказал привести Екатерину из темницы и снова, то уговаривал ее, обещая всякие почести и награды за отступничество от веры, то грозил ей. Видя непреклонность ее, он приказал замучить ее насмерть. Но когда приступили к пыткам, орудия пытки сломались, и святая осталась невредима. Августа, узнав о том, что Екатерина снова предана на мучения, стала всенародно упрекать Максимиана, как он смеет бороться с истинным Богом и мучить неповинную рабу Его. Максимин в озлоблении не пощадил и жены своей; ей отсеки голову мечом. Ту же казнь приняла и св. великомуч. Екатерина. Ее вывели за город и там предали казни; много народа шло за ней, плача и сожалея о ней.

Св. великомученица Варвара

В царствование импер. Максимиана жил в Илиополе богатый и знатный человек, по имени Диоскор. Жена его умерла, и единственную свою дочь, Варвару, он любил и хранил, как зеницу ока. До совершеннолетия ее отец держал ее в удалении от всякого общества.

Из прекрасных чертогов, устроенных для нее отцом на высокой башне, Варваре открывался великолепный вид на находящиеся в отдалении горы, леса и равнины. Однажды девица, засмотревшись на этот вид, впала в раздумье. «Чья рука, – думала она и спрашивала о том своих наставниц, – чья рука создала всю эту красоту?» Наставницы Варвары, язычницы, говорили ей о богах, создавших вселенную; но девица отвечала им: «Не может быть, чтобы все было создано богами, которым мы поклоняемся; они сами – создания рук человеческих. Верно, есть существо высшее и всесильное, истинный Бог, Который создал небеса и основал землю, все оживляет и всем управляет». Таким образом, созерцая красоту природы, девица возносилась мыслию и сердцем к Создателю, стараясь узнать Его.

Зачем-то понадобилось Диоскору отлучиться на некоторое время; уезжая, он приказал наставницам Варвары доставлять ей случай видаться с другими молодыми девицами и позволять выходить, куда захочет. Он надеялся, что, видя сверстниц своих, выходящих замуж и пользующихся удовольствиями мира, Варвара захочет последовать их примеру.

Вышло иное. Между молодыми девицами, с которыми сблизилась Варвара, были христианки. От них она услышала о Христе и пожелала сделаться христианкой. Вскоре это желание осуществилось. В Илиополь приехал христианский священник и окрестил ее.

Между тем Диоскор возвратился, и дочь с твердостью объявила отцу, что она христианка. Диоскор страшно разгневался, стал жестоко бить дочь

свою, потом на несколько дней запер ее в темную комнату, но, видя, что угрозы и наказания остаются равно бесполезными, он отвел ее к правителю той страны, Мартиану.

Долго увещевал ее правитель, но, убедившись, что увещания бесполезны, велел бить девицу воловьими жилами. Едва живую перенесли Варвару в темницу.

Чувствуя изнеможение от ран, Варвара со слезами умоляла Бога, чтобы Он не допустил поколебаться вере ее, но поддержал бы ее Своей помощью и силой. Молитва ее была услышана. Раны ее вдруг исцелились.

На другое утро Варвару вновь привели к правителю, который с удивлением увидел, что она совершенно здорова, и что лицо ее сияет радостью и неизреченною красотой. «Вот, видишь ли, девица, – сказал он ей, – как милостивы боги наши; они сжалились над тобою и возвратили тебе силу и здоровье. Поклонись же им и принеси им жертву в знак благодарности».

«Не твои боги исцелили меня, – отвечала Варвара, – меня исцелил Господь Бог Христос. Ему я с благодарностью поклоняюсь и приношу себя в жертву».

Тогда правитель осудил Варвару на казнь.

Сам Диоскор совершил над дочерью смертный приговор.

§ 22. Император Константин Великий

Со вступлением на престол императора Константина для христианской церкви наступило спокойное время. Гонения прекратились, и христианство быстрыми шагами пошло к своему окончательному торжеству над язычеством.

Обращение Константина Великого было подготовлено условиями его домашнего воспитания и обстоятельствами его жизни. От отца своего Констанция Хлора он унаследовал и веру в единого Бога и взгляд на христиан, как на людей честных и надежных граждан государства. Пребывание Константина, в качестве заложника, при дворе Диоклетиана в Никомидии еще более сблизило его с христианами. Он был свидетелем там жестокого гонения против христиан, видел их твердость и мужество. Ближе познакомившись с учением Христа, он пришел к убеждению, что замена язычества христианством поведет за собой не падение империи, как ошибочно думали его предшественники, а обновление ее новыми жизненными началами. Под влиянием всего этого в душе Константина совершился переворот. Недоставало только повода, чтобы Константин торжественно объявил себя христианином. Этим поводом было чудесное видение креста на небе.

Во время войны с владетелем Италии, Максентием, когда Константин приближался к Риму, вдруг, среди дня, он и войско его ясно увидели на небе сияющий крест, изображенный звездами, с надписью: «сим победиши». В ту же ночь Константину в видении явился Сам Христос и велел ему сделать знамя наподобие креста и изобразить крест на оружиях, щитах и шлемах воинов. Константин сделал повеленное. Под спасительным знаменем креста он победил Максентия, который, желая спастись бегством, утонул в реке Тибре.

После этого Константин велел в Риме, на видном месте, поставить себе статую с крестом в правой руке и с надписью: «Этим спасительным знаменем я спас и освободил ваш город от ига тирана». Очень скоро Константин, хотя еще он не принимал крещения, доказал самым делом своим переход в христианство. В начале 313 г. в Медиолане появился манифест, позволявший каждому свободное исповедание своей веры и в частности разрешавший свободный переход в христианство всякому желающему. Затем Константин повелел возвратить христианам все церковные здания и недвижимое имущество, отнятое во время последнего гонения.

Сделавшись в 323 г. единодержавным государем во всей Греко-Римской империи, Константин посвятил всего себя на служение церкви.

Он законом утвердил празднование воскресного дня в империи, построил много церквей и назначил для поддержания их суммы из городских доходов; освободил их от налогов и дозволил им обогащаться по завещаниям; предоставил им право убежища, принадлежавшее языческим храмам; освободил духовенство от податей и государственной службы; отменил крестную казнь, запретил иудеям покупать в рабство христиан и делать им какие-либо насилия в деле веры.

По его желанию, мать его, благочестивая Елена, объехала всю Палестину, открыла Господень крест и гроб и воздвигнула над этими святынями великолепный храм Воскресения Христова.

Не желая встречать противодействия со стороны закоренелых римских язычников своим заботам об упрочении христианства во всей империи, Константин решился оставить языческий Рим и перенес свою столицу в Византию, которая была названа по его имени Константинополем; здесь он основал столицу вполне христианскую, уничтожив идолов и украсив город христианскими храмами.

За такие действия Константина Великого и матери его Елены в пользу распространения и утверждения веры Христовой, святая Церковь причислила их к лику святых и назвала их равноапостольными. Сам Константин Великий принял крещение уже перед смертью своей, на 64 году своей жизни.

§ 23. Юлиан Отступник

По отношению к язычеству Константин Вел. поступал, как глубокий политик. Он понимал, что язычество рано или поздно, само собою, по естественному ходу вещей, уничтожится. Поэтому не принимал никаких строгих мер против него, тем более что язычников в империи было гораздо больше, чем христиан.

Сыновья Константина не имели его такта и искусства в управлении империи и раздражили языческую партию. Язычники успели подготовиться к борьбе с христианством и нашли себе орудие и руководителя в лице импер. Юлиана.

Обстоятельства жизни Юлиана в период его молодости и воспитания были чрезвычайно тяжелы. Юлиан был племянник Константина Вел. При Константине его отец и ближайшие родственники жили спокойно и безопасно. Но по смерти Константина тяжкая участь постигла дорогих для Юлиана лиц. Отец его и другие родственники немедленно были убиты. Та же участь тогда грозила и самому Юлиану и брату его Галлу. Но Галла спасла от смерти его болезнь; а Юлиан был пощажен по своей молодости, потому что ему тогда было 7 лет. Когда Юлиан стал вырастать и понимать свое положение, тогда сознание своего сиротства, сведения о бедственной участи отца и других его родственников, так же стесненная жизнь в заточении, возбуждали в нем сильнейшую ненависть к императору Констанцию, которого он считал виновником своего несчастья. С ненавистью к Констанцию развилась в Юлиане ненависть и к христианству, как религии его притеснителя. А приставленный к нему учитель словесности, христианин только по имени, а на самом деле настоящий язычник, сумел привлечь его на сторону язычества. Юлиан, однако же, должен был хитрить и притворяться, чтобы не возбудить подозрения Констанция. Но как скоро сделался императором, он снял с себя маску христианина и открыто объявил себя язычником. Язычество опять сделалось, по его повелению, господствующей религией.

С горячностью фанатика Юлиан занялся теперь восстановлением языческого богослужения и борьбой с христианством. Но он не хотел вести борьбу кровавым путем гонений. Он знал, что мученичество укрепляет преследуемую религию, что мученики дали христианству множество верующих; он избрал другие средства подавления. Прежде всего, надобно было, по его мнению, дать новый блеск языческому богослужению и возвысить значение языческого духовенства; потому он

принял сан верховного первосвященника и подавал народу пример усердного служения старым богам. Ливапий, друг его и панегирист, говорит, что он каждый день встречал жертвоприношением восходящего бога солнца и провожал жертвоприношением заходящего; что он сам участвовал в принесении жертв, клал дрова на жертвенник, брал жертвенный огонь, рассматривал внутренности жертвы; чтоб удобнее было исполнять эти священнодействия, он соорудил в своем дворце святилище бога-солнца. Он сам говорит о себе, что с детства сильно полюбил сияние бога Гелиоса, что вид дневного неба, а по ночам, светил небесных всегда наполнял его душу восторгом.

И вот он теперь усердно старался возобновить прежнее великолепное служение солнцу и весь блеск языческих обрядов, снова сделать эти пышные церемонии и таинства народной религией, вновь научить народ поклоняться проявлению божественной силы в природе. Он возобновил старинные гекатомбы – праздники, на которых были приносимы в жертву сто быков.

Испорченное сословие жрецов, эту ненадежную опору язычества, он хотел улучшить по образу христианской иерархии. Сохранилось послание, в котором Юлиан, как верховный первосвященник, внушает жрецам, что они должны подавать людям пример хорошей нравственности, благотворительности, человеколюбия, через изучение философии приобретать возвышенные понятия о религии и передавать их народу.

Параллельно заботам восстановить язычество на новых основаниях и сообщить ему все нравственные достоинства христианства шли меры, направленные прямо против христиан. Юлиан отнял у христианского духовенства права и доходы, данные прежними императорами, прекратил выдачу хлеба христианским духовным лицам, отменил льготы от податей, предоставленные им, лишил их права делать завещания о своем имуществе и получать имущества по завещаниям. Он повелел, чтоб христианские общины или епископы возвратили языческим храмам те имения, какие были переданы им, и восстановили те святилища, которые были разрушены ими. Он оказывал милостивый прием поэтам, ораторам, философам, объявлявшим теперь себя язычниками; таких людей явилось множество; они отовсюду съезжались к нему; он награждал их почестями и богатыми доходами. А тем христианским преподавателям риторики и грамматики, которые устояли против соблазна изменить вере, он запретил преподавать в школах классическую литературу. «Люди, презирующие наших поэтов, – говорил он с насмешкой, – пусть объясняют в своих галилейских церквах Матфея и Луку; языческими писателями не для чего

им заниматься». Он хотел отнять у христиан те знания, которые приобретали они изучением греческой литературы и при помощи которых могли выдержать борьбу с язычеством. Он при всяком случае выказывал презрение к «легковерным ученикам рыбаков», «галилеянам», как называл он христиан. Когда они приносили ему жалобы на какие-нибудь имущественные обиды, он отказывал им напоминанием о словах Христа: «Кто захочет взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду» (Матф. 5, 40); или утешал их тем, что они получают царство небесное. Он снял христианские эмблемы со шлемов воинов, велел воинам воздавать почести его изображению, ввел жертвоприношения и другие языческие обряды в войске и во всех официальных делах. Юлиан хотел привлечь к себе и иудеев, чтоб они были союзниками его против христиан. Император освободил их от податей, которыми были они обременены, помогал исполнению их желания построить храм Иеговы в Иерусалиме; он находил выгодным для язычества, чтоб на том месте, куда шли христианские паломники поклоняться святому гробу, совершалось иудейское богослужение.

Древние церковные историки в чрезвычайно живых чертах изображают необыкновенное воодушевление и ревность, с какой евреи принялись за осуществление своего заветного плана. Сыны Израиля соперничали друг с другом в щедрости пожертвований на такое великое национально-религиозное предприятие. По свидетельству бл. Феодорита, многие из них продавали свои золотые и серебряные сосуды и отдавали вырученные деньги на расходы по постройке храма, или же переделывали их в лопаты и заступы, не находя более металла столь драгоценного, который был бы приличен для сооружения дома Иеговы. Мужчины соревновали женщины, не щадившие ни своих нежных рук, ни дорогих одежд для ношения камней и земли, необходимых при сооружении храмового здания. Но ни могущественное покровительство языческого императора, ни фанатичная ревность сынов Израиля не в силах были восстановить дело, разрушенное Божественным приговором. Уже иудеи приступили к работам, выкопали рвы, очистив их от мусора, но страшные огненные шары, выходившие из рвов, как свидетельствует даже язычник Аммиан Марцелин, опаляли строителей и окончательно разогнали их.

Меры, принятые Юлианом против христианства, были достаточны для того, чтобы привлечь в язычество множество раболепных честолюбцев, меняющих свои правила по желаниям государя, приспособляющихся ко всякому требованию власти. Но большинство христиан мужественно переносило все притеснения и нисколько не ослабевало. Юлиан, однако,

не хотел отказаться от своего дела, препятствия и неудачи только раздражали его.

Перед походом в Персию он поклялся принести богам в жертву всех христиан, если боги даруют ему победу. Однако ж этого не случилось. В одном сражении он был смертельно поражен стрелой. «Ты победил меня, Галилеянин!» воскликнул он, бросая в бессильной злобе кровь свою к небу (363 г.).

Вместе с его смертью кончилось его дело восстановления язычества. И не было надобности ни в каком насилии для того, чтобы уничтожить то, что он сделал. Здание разрушилось само собой.

Поспешно избранный среди бедствий отступления из Персии, Иовиан, сказал только слово, и солдаты возвратились в христианство. Отпавшие со всех сторон просили дозволения покаяться. Многие языческие храмы скорее закрылись сами собою, нежели были затворены в силу распоряжений. Послушные советам своих вождей, христиане воздерживались от мести. Они не просили даже о восстановлении запретительных законов Констанция по отношению к идолопоклонству. Один эдикт просто восстановил религиозную свободу. Этого было достаточно, чтоб возвратить дело в то положение, в какое поставил его Константин Великий: язычество перестало считаться официальной религиею, но оставалось религией дозволенной; христианство вновь сделалось верой императора и большинства его подданных, а в недалеком будущем имело стать и религией всего государства.

§ 24. Вселенские соборы

Вселенским собором называется собрание пастырей и учителей христианской католической церкви, по возможности со всей вселенной, для утверждения истинного учения и благочиния между христианами. Вселенских соборов было семь: 1) Никейский, 2) Константинопольский, 3) Ефесский, 4) Халкидонский, 5) Константинопольский второй, 6) Константинопольский третий, 7) Никейский второй.

Первый вселенский собор.

Первый вселенский собор был созван по поводу лжеучения Ария. Арий славился своим образованием и даром красноречия, но в тоже время был человеком гордым и честолюбивым. Занимая в александрийской церкви должность пресвитера, он домогался епископской кафедры той же церкви. Но клир и народ предпочли ему Александра. Честолюбие Ария было затронуто; он решился мстить и искал к тому случая. Случай скоро представился. Епископ Александр однажды беседовал со своими пресвитерами о Святой Троице. Присутствовавший на этой беседе Арий стал надменно возражать своему епископу и при этом высказал еретическую мысль о лице Сына Божия, именно, он утверждал, что безначально существовал только один Отец, у Него не было Сына. Сын Божий сотворен во времени прежде всех веков и есть первое и совершеннейшее творение Отца, чрез которое Он сотворил весь Мир. Епископ Александр убеждал Ария оставить свое богопротивное учение сначала один, потом на соборе египетских епископов. Арий упорствовал. Тогда отцы собора отлучили его от церкви. Арий бежал в Азию, где нашел себе покровителей и последователей. С этого времени «будто от малой искры воспламенился большой пожар». Начались споры и волнения в церкви.

Тогда импер. Константин, по совету епископов, решился созвать вселенский собор. В 325 году в город Никею прибыло 318 отцов. Между ними было много исповедников, старцев святой жизни и ученых мужей. Из них особенно замечательны: св. Николай, архиеп. мирликийский, Иаков, еп. низибийский, Спиридон тримифунтский и др. Участие в спорах принимали некоторые священники и диаконы, прибывшие вместе с епископами. Среди них в особенности отличался даром красноречия и знанием св. писания архидиакон Афанасий, впоследствии александрийский епископ.

Собор утвердил единосущие Сына с Отцом и предал анафеме учение

Ария, а чтобы все православные христиане могли точно знать истинное учение веры, ясно и вразумительно изложил его в 7 членах символа веры.

Деятельность собора не ограничивалась одной догматической стороной: на нем составлено было 20 правил (канонов) касательно церковной дисциплины, разрешены были вопросы относительно празднования Пасхи, крещения еретиков и др.

Арий, отлученный от церкви, был сослан императором в Галлию, а его сочинения положено было предать сожжению. Но через несколько лет, по просьбе умиравшей сестры Константина, еретик был возвращен и представил императору составленное им исповедание веры, по-видимому, сходное с никейским символом. Обманутый император приказал возвратить ему его прежнюю должность. Бывший в это время александрийским архиепископом Афанасий с непоколебимой твердостью отказался исполнить это приказание. Тогда император повелел ввести Ария в церковь еп. константинопольскому Александру. Последний, не смея действовать против повеления государя, обратился с молитвой к Богу, чтобы Сам Господь не допустил еретика в истинную церковь. И молитва его была услышана. Когда Арий в сопровождении многих своих приверженцев с торжеством шел в собор, вдруг почувствовал в животе сильную боль и, уклонившись в сторону, тут же умер.

Со смертью Ария, однако, арианство не уничтожилось. Ариане, при содействии импер. Констанция и Валента, поддерживали и распространяли свою ересь: действовали на соборах большинством, обвиняли православных епископов в государственных преступлениях и, добившись их низложения, занимали их кафедры и преследовали православных при помощи войска.

Победа арианства во всей Римской империи казалась совершившимся фактом. Но теперь сами приверженцы его разделились на партии, которые вступили в упорную борьбу между собой и тем взаимно ослабили себя. Из ереси Ария выродилась и ересь Македония.

Второй вселенский собор

Архиепископ Македоний был арианин и арианами был возведен на константинопольскую кафедру; но за свою гордость и жестокость лишен был епископского престола и изгнан из Константинополя. Чтоб приобрести приверженцев и при помощи их возвратить себе должность епископа, он решился проповедовать новое учение о Святом Духе. Именно – «Дух Святой, по его словам, не есть лицо божественное, а сотворенная сила и притом служебная Сыну Божию, так же, как и ангелы». Этим учением Македоний, действительно, приобрел себе многих

последователей, составил из них собор, который утвердил его ересь и восстановил его в епископской степени. По предмету ереси Македоний и его последователи названы духоборцами.

Для опровержения и осуждения ереси Македония император Феодосий Великий решился созвать 2-й вселенский собор. По его приглашению в 381 г. собралось в Константинополе 150 епископов восточных. Из них особенно замечательны были: св. Мелетий, архиеп. антиохийский, св. Григорий Богослов, св. Григорий Нисский и др. Отцы собора, осудив арианство во всех его видах и лжеучение Македония, утвердили догмат о равенстве и единосущии Бога Духа Святого с Богом Отцом и Богом Сыном.

На этом соборе Никейский символ веры был дополнен 5 членами. Так и составилась Никео–Цареградский символ, который и доньше употребляется в православной церкви.

Из канонических постановлений собора особенное значение в истории имело правило, ставившее константинопольского епископа по преимуществам чести непосредственно после римского епископа, «так как Константинополь есть новый Рим».

Третий вселенский собор

3-й вселенский собор был созван в 431 году в Ефесе против Нестория, архиеп. константинопольского. Несторий учил, что Иисус Христос был не Богочеловеком, а простым человеком, наделенным только особенными благодатными дарованиями. Бог–Слово соединился с Ним не по существу, а по благодати. Он обитал в нем Своей благодатию так же, как Бог, находясь везде, особенно благодатно обитает во храме. От ветхозаветных и новозаветных праведников и святых И. Христос отличался только тем, что Ему в большей полноте сообщены были благодатные дарования. Поэтому Его надо называть не Богочеловеком, а Богоносцем. Равно и Пресв. Деву нужно называть не Богородицей, а человекородицей, или Христородицей, потому что Она родила не Богочеловека, а простого человека, с которым потом уже последовало теснейшее благодатное соединение Божества.

Осудив лжеучение Нестория, отцы собора определили исповедовать, что Господь И. Христос есть Бог совершенный и человек. Поэтому Пресв. Деву Марию, хотя Она и родила Христа по человечеству, признал достойным и праведным именовать Богородицей.

Седьмым правилом Ефесский собор утвердил Никео–Цареградский символ и воспретил делать в нем какие–либо добавления или дополнения.

Четвертый вселенский собор

Вслед за Несторием явился новый лжеучитель, Евтихий, архимандрит

одного константинопольского монастыря. Опровергая ересь Нестория и защищая Божественное достоинство И. Христа, он в то же время сам впал в противоположную крайность, именно, он стал учить, что в воплощении человечество поглощено Божеством, как капля меда или желчи морем, почему тело Христово ни Деве Марии, ни нам не единосущно. Во Христе Иисусе, по его мнению, должно признавать только одно Божеское естество.

Против этого нового лжеучения и был создан в 451 г., в Халкидоне, 4-й вселенский собор. Отцы собора отвергли лжеучение Евтихия и определили, что Господь наш И. Христос есть истинный Бог и истинный человек: по Божеству Он вечно рождается от Отца и во всем подобен Ему, по человечеству же Он во времени родился от Пресв. Девы Богородицы и во всем подобен нам, кроме греха, по воплощении Он имеет одно лицо и два естества, соединенные в Нем неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно.

Последователи Евтихия стали называться монофизитами, или одноестественниками.

Пятый вселенский собор

На 4-ом вселенском соборе православными пастырями, несмотря на осуждение ереси Несториевой, ничего не было упомянуто о трех сочинениях или «трех главах» сирийских отцов Феодора монсуетского, Феодорита кипрского и Ивы едесского, в которых ясно и резко выражались несторианские заблуждения. Несториане в споре с монофизитами ссылались на эти сочинения, как на неосужденные собором, следовательно, как бы признаваемые им, а монофизиты находили в этом предлог отвергать самый собор и клеветать на вселенскую церковь, будто бы она уклонилась в несторианство.

Чтобы прекратить подобные споры и защитить церковь от несправедливых упреков, импер. Юстиниан I созвал в 553 году в Константинополе 5-ый вселенский собор. Отцы собора осудили сочинения Феодора монсуетского и его самого, так как он до конца своей жизни держался несторианских заблуждений, а у двух других писателей только те сочинения, которые были сходны с ересью Нестория, сами же они, как отрекшиеся от своих еретических мнений, были оправданы собором.

Шестой вселенский собор

Греческий имп. Ираклий, находясь в стесненных обстоятельствах, весьма желал соединения с монофизитами. С этой целью он издал указ, в котором силой своей власти повелевал признавать во Христе одну волю при двух естествах. Появилось, таким образом, новое лжеучение,

известное под именем монофелитства (учения об одной воле во Христе). 4 патриарха (константинопольский, александрийский, антиохийский и римский) увлеклись ересью и были на стороне императора. Положение церкви Христовой было опасным. Но Господь благовременно воздвиг людей святых и мудрых на защиту ее. Иерусалимский патриарх Софроний издал послание к христианам, в котором ясно излагал истинное учение о двух волях, соответственно двум естествам в лице Господа Христа. Когда Иерусалим пал под оружием арабов–магометан и голос патр. Софрония умолк, тогда во всей силе уже выступил новый защитник православного учения, преп. Максим исповедник. «Ни в чем не изменим вере отцов, эту веру – чистую, чуждую всякой ереси, представим Богу вместо всякой заслуги», убеждал он современных ему христиан.

Император не только не достиг своей цели умиротворить государство, но еще возбудил большие религиозные волнения.

Тогда один из преемников Ираклия, импер. Константин Погонат, в 680 г. созвал 6-ой вселенский собор в Константинополе. На этом соборе опровергнуто было заблуждение монофелитов и определено было признавать в Иисусе Христе без смешения и разделения две воли соответственно двум естеством.

Спустя 11 лет после того (в 691 г.) отцы церкви снова собрались для совещания в царских палатах, называемых трульскими. Повторив осуждение на монофелитов, они занялись собранием и пересмотром всех правил церковного благочиния. Основанием церковных законов признаны были 85 правил апостольских, правила вселенских соборов, 7 поместных и некоторых отцов церкви. Собор этот называется трульским, также – пято-шестым, потому что он был как бы дополнением 5-го и 6-го вселенских соборов.

Седьмой вселенский собор

Первым гонителем иконопочитания был импер. Лев Исаврянин. Это был государь храбрый, с успехом защищавший империю от нападения магометан.

Упоенный своими военными успехами, Лев составил несчастный план обратить в христианство как магометан, так и иудеев уничтожением иконопочитания, которым соблазнялись и над которым смеялись те и другие. Предположенное уничтожение икон Лев начал довольно осмотрительно. Сначала он издал указ только против поклонения иконам, для чего приказал поставить их в церквах повыше, чтобы народ не лобызал их. Но народ был возмущен распоряжением императора и открыто выражал свое недовольство. Так, когда было приказано снять особенно

чтимую икону Христа Споручника, стоявшую над воротами императорского дворца, масса православных, окружавшая лестницу, по которой взбирался солдат для исполнения приказания, столкнула лестницу и убила солдата. Икона все-таки была снята.

Вскоре появился другой указ, которым повелевалось вынести из храмов все иконы. Епископы, противившиеся этому распоряжению, были низложены, защитников икон император сажал в темницы, предавал пыткам и отправлял в ссылки. Гонение Льва на св. иконы продолжал сын его Константин Копроним и внук Лев Козар, но имп. Ирина (супруга Льва Козара), ревностная почитательница икон, прекратила гонение и, для умиротворения Церкви, созвала 7-й вселенский собор в Никее в 787 г. На этом соборе была отвергнута иконоборческая ересь и определено поставлять и полагать в церквях вместе с изображением честного и животворящего креста и св. иконы и воздавать им почитательное поклонение, возводя ум и сердце к Господу Богу и святым, лики, которых на них изображены.

Седьмым собором еще не закончилась иконоборческая смута. Ирина царствовала недолго. Преемники ее возобновили гонение на иконы и на всех поборников иконопочитания.

Наконец в 842 г. вступила на престол правоверная царица Феодора. Собранный по ее повелению поместный собор снова и окончательно осудил иконоборческую ересь и установил торжество православия, совершаемое доньше в православной церкви в первый воскресный день Вел. поста.

§ 25. Мужья апостольские и св. отцы и учителя церкви

Под именем мужей апостольских понимаются те учителя церкви Христовой, которые были ближайшими учениками апостолов и первые после них трудились в распространении благовестия Христова посредством писаний. Хотя один из мужей апостольских (Поликарп) и говорит: «Ни мне, ни другому, подобному мне, не достигнуть мудрости блаженного и славного Павла, который ревностно и твердо преподавал слово истины»; тем не менее мужья апостольские перед всеми последующими отцами церкви имели то важнейшее и незаменимое преимущество, что были очевидцами деяний самих апостолов и непосредственными слушателями их живых, устных наставлений.

По близости духа мужей апостольских к духу апостолов и писания их отличительными свойствами своими имеют неподражаемую простоту и искренность святого одушевления.

Из мужей апостольских наиболее замечательные Игнатий Богоносец, Поликарп смирнский⁶, Климент римский и др.

Продолжателями их дела были св. отцы и учителя церкви. Отцами церкви принято называть тех церковных писателей, которые прославились святостью жизни. Церковные писатели, не признанные святыми, называются учителями церкви (Ориген, бл. Августин и др.). Из отцов церкви наибольшей известностью пользуются: св. Афанасий Вел., Василий Вел., Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин, Амвросий Медиоланский.

Св. Афанасий Вел., архиеп. александрийский, родился в Александрии. Юность свою провел в занятиях науками и приобрел обширные познания особенно в предметах, относящихся к христианской вере, так что книги «н. и в. завета изучил, – по словам Григория Бог., – так хорошо, как другой не изучил и одной из них». Высокое образование, соединенное с чистотой жизни, скоро приблизило Афанасия к благочестивому и просвещенному еп. александрийскому Александру, который посвятил юношу в диакона, возложив при этом на него должность домашнего секретаря, а отправляясь в 325 г. на Никейский собор, взял его с собой. Здесь Афанасий обратил на себя общее внимание: никто так сильно не возражал против Ария, никто не превосходил его силою красноречия.

По возвращении с собора Александр тотчас же указал на Афанасия, как на своего преемника. Прошло не более полугода после того, как Александр скончался и, по общему желанию, даже требованию всех

православных чад александрийской церкви, Афанасий занял его место, будучи 28 лет отроду. С этого времени до самой кончины св. Афанасий суждено было бороться с «Христорборными» арианами. То низводимый ими (до 5 раз, по обвинениям в злоупотреблениях власти и даже в государственных преступлениях) с кафедры, то снова возводимый на нее православными, он показал себя в этой продолжительной борьбе мужем пламенной ревности, твердости необыкновенной, весьма тонкого и прозорливого ума. Доблестный 75-летний архипастырь, коего жизнь, по выражению того же Григория Бог., была «образцом для епископов, а учение – законом православия», мирно почил в 373 году.

Его сочинения носят отпечаток борьбы с арианством.

Св. Василий Вел., архиеп. кесарие-каппадокийский, был родом из Кесарии, главного города Каппадокии и происходил из семейства, славившегося и христианским благочестием, и заслугами предков, и богатством. Первые годы своей жизни Василий провел у благочестивой бабки своей Макрины, а первые уроки в науках слушал у отца своего, потом учился в самой Кесарии, месте своей родины и будущего служения, дальнейшее же образование получил в Константинополе, у знаменитого ритора Ливания, и, наконец, в Афинах. Возвратившись в родную Кесарию, Василий несколько времени исправлял должность адвоката; затем, приняв крещение, вместе с званием чтеца, он отправился путешествовать в Сирию, Палестину и Египет, где ознакомился с великими образцами отшельнической жизни, а потом и сам удалился для восполнения своего нравственного образования на подвиги иночества в одну понтийскую пустыню. Арианские смуты вызвали св. Василия из его мирного уединения для помощи кесарийскому епископу Евсевию, который посвятил Василия в пресвитера. Особенную услугу св. Василий в пресвитерском сане оказал Каппадокийской области во время страшного голода, когда он силой своего слова заставил богачей отворить житницы их для бедных и сам собирал повсюду последних. По смерти Евсевия, сделавшись его преемником, Василий Вел. продолжал попрежнему назидать своих пасомых ежедневными поучениями, особенно же занялся благоустройством богослужения и самого клира; кроме того, устроил во всей епархии несколько больниц и других благотворительных учреждений для бедных, – словом, был для своей паствы истинным архипастырем и отцом. Не менее деятелен был Василий в заботах об умиротворении церкви вселенской и в борьбе с врагами православия – арианами.

Импер. Валент, ревностный арианин, не мог видеть этого равнодушно и всячески старался расположить св. Василия к соединению с арианами.

Предварительно он послал к нему префекта Модеста. Но Модест нашел в епископе непоколебимую твердость. Видя, что увещания остаются бесполезными, он стал грозить Василию изгнанием, лишением имущества, мучениями и смертью; но св. Василий спокойно отвечал: «Если можешь, угрожай чем–нибудь другим; изгнания я не боюсь, ибо вся земля Господня; отнять имущество нельзя у того, кто ничего не имеет; муки мне не страшны, ибо верю и надеюсь, что страдания и смерть будут для меня благодеянием, потому что они скорее приведут меня к Господу, для Которого я живу и тружусь». Префект был изумлен. «Никогда никто не говорил со мной так смело», сказал он. «Вероятно, тебе не приходилось говорить с епископом», отвечал св. Василий.

Вскоре затем сам Валент прибыл в Кесарию. Модест донес ему о своей неудаче и советовал ему употребить против Василия силу; но император еще надеялся склонить епископа. В праздник Богоявления он отправился в церковь, где св. Василий совершал Божественную литургию, и был глубоко тронут торжественностью служения. Через несколько дней император вновь посетил храм, в алтаре долго беседовал с Василием и услышал от него, как говорит св. Григорий, «Божьи глаголы». Но благое впечатление было непродолжительно. Ариане не переставали возбуждать Валента против св. Василия, и святитель перенес много неприятностей. Удрученный болезнью и трудами, св. Василий скончался на 49 году отроду, 1 января 379 года.

Кроме защиты православия против ариан, св. Василий известен различными каноническими постановлениями, касательно церковного благочиния и письменным изложением литургии, известной ныне под его именем.

Св. Григорий Богослов – назианзин. Другом юности и всей жизни Василия Вел. был св. Григорий Богослов. Св. Григорий родился близ Назианза, где отец его – Григорий был сначала градоначальником, а потом епископом. Как сын обета, Григорий тотчас же по рождении посвящен был Богу своей матерью, от которой получил и первоначальное наставление в христианской вере. По врожденной любви к наукам, он на 24 году своей жизни прибыл в Афины, где и встретился с Василием.

Самая горячая дружба соединяла двух св. юношей. «Мы были друг для друга все, – говорит Григорий, – и товарищи, и сотрапезники, и родные».

В таком шумном и блестящем городе, как Афины, в этой резиденции язычества, где, по словам св. Григория, «идолов было гораздо более, чем в целой Греции», юные друзья не увлеклись ни прелестями разгульной жизни афинской молодежи, ни языческими суевериями. Они жили

отдельно от других, жили в мире, как совершенные иноки, хотя в это время не были еще крещены. «Нам известны были, – говорит Григорий, – две дороги: одна, это первая и превосходнейшая, вела к нашим священным храмам и к тамошним учителям, другая, это – вторая и неравного достоинства с первой, вела к наставникам наук внешних. Прочие же дороги на праздники, на зрелища, на пиршества предоставляли мы желающим».

После окончания образования Григорий уединился с св. Василием в пустыню. Вскоре отец его вызвал к себе и посвятил в пресвитера, а в 372 году Василий назначил его епископом гор. Сасима. Через несколько времени св. Григорий был приглашен устроить константинопольскую церковь, где сильно было арианство. Много опасностей и неприятностей терпел он от ариан, однако дожил до торжества истинной веры и был председателем 2-го вселенского собора.

Когда некоторые епископы на соборе не желали, чтобы он был архиепископы в Константинополе, и от этого произошел спор, тогда Григорий сам вышел на середину собора и сказал: «Пастыри стада Христова! стыдно вам враждовать и спорить, когда мы других должны учить любви и миру. Если я причиною волнения, то, как пророка Иону, бросьте меня в море, и утихнет буря, которую я воздвигал». Сказавши это, он удалился в свое отечество Назианз и там проводил строго подвижническую жизнь до своей кончины (389 г.).

Григорий Богослов, как показывает и самое наименование, присвоенное ему церковью, был преимущественно пред всеми отцами великим богословом. Отличительная черта его богословствования – ясное и сознательное понимание догматов, напоминающих пророческое прозрение.

Иоанн Златоуст, архиеп. Константинопольский. Иоанн происходил из знатной антиохийской фамилии. Мать его Анфуса, оставшись после смерти своего мужа вдовой, несмотря на свою молодость и красоту, всецело отдалась воспитанию своих малолетних детей: мальчика Иоанна и девочки. Последняя скоро умерла, и Анфуса всю нежность своего сердца, всю свою любовь излила на сына. Она воспитывала его в строго христианском духе, и первая книга, которую он изучил, было Евангелие.

По примеру других, Иоанн ходил и в языческую школу знаменитого в то время ритора Ливания. Там он изучал по преимуществу философию, юридические науки и ораторское искусство. В этом последнем искусстве Иоанн оказал наибольшие успехи: Ливаний приготавливал его к деятельности адвоката, предсказывал ему блестящую будущность и не раз

впоследствии со вздохом говаривал: «Каким бы великим человеком был Иоанн, если бы его у меня не украли христиане». Окончив курс, Иоанн первое время, действительно, занялся адвокатурой. Эти занятия послужили на пользу ему в том отношении, что, благодаря им, он познакомился с преступным миром и на опыте мог увидеть, как зло лукаво, и как хитро оно побеждает человека. В этот период своей мирской жизни Иоанн, по своей страстной, горячей натуре, стал было увлекаться и светскими развлечениями: театром, цирком; но голос Божий звал его к другой жизни, и он все оставил и пошел за ним. – Он принял крещение (в то время крещение принимали взрослые) и решил окончательно порвать всякие связи с мирской жизнью и сделаться монахом. О своем решении он объявил матери. Горе Анфусы было неопишимо: «Она взяла меня за руку, – говорил впоследствии Иоанн Златоуст, – и, обливаясь слезами, стала говорить слова, еще печальнее слез».

«Милый мой сын, умоляю тебя: пожалей меня! Потерпи, по крайней мере, до моей смерти; не заставляй меня переживать еще раз тот ужас одиночества, который я испытывала после смерти твоего отца!» Иоанн послушался своей матери и остался до ее кончины около нее.

Но лишь только умерла Анфуса, Иоанн тотчас удалился в пустыню, находившуюся за Антиохией, где в то время жили величайшие подвижники. Необычайно была сурова их жизнь; нам слабым, изнеженным невероятными представляются те подвиги, какие они там несли. Весь день и почти всю ночь проводили они в молитве, чтении св. писания и рукоделье; пища их – один хлеб, и то в ограниченном количестве, питье – вода, изголовье – камень; но Златоусту показалось мало этих подвигов: он удаляется в самую глубь пустыни, затворяется там в мрачной сырой пещере, и здесь предается пламенной молитве. Но, наконец, силы его не выдержали, и он должен был прекратить подвиг пустынножительства и возвратиться в Антиохию, после 6 лет подвижничества. Жизнь эта надломила его здоровье, но зато укрепила его дух; оттуда он вынес глубокое знание и понимание св. писания, пламенную веру и ту ясную проницательность души, доходящую до прозорливости, которая присуща всем святым, долгие годы проводившим в подвигах самоуглубления и молитвы.

По возвращении из пустыни Иоанн был посвящен в сан диакона, а затем рукоположен епископом Флавианом в сан пресвитера. Его посвящение было встречено большой радостью всего населения, тем более, что по городу распространился слух о необыкновенных ораторских способностях молодого священника. И действительно, уже первые

проповеди Иоанна привлекли к нему сердца антиохийцев, и храмы, где он проповедовал, были всегда полны народом.

Страстные южане, восхищенные его словами, часто не могли удержаться от рукоплесканий. Иоанн останавливал слушателей говоря: «Что мне в ваших рукоплесканиях? – Исправление жизни и обращение к Богу – вот лучшая мне похвала от вас».

В то время он и получил свое название Златоуста. Но особенно «златоустый» пресвитер отличился даром красноречия во время одного тяжелого несчастья, обрушившегося на Антиохию: то был бунт антиохийцев против императора Феодосия, случившийся по следующему поводу.

Император, желая отпраздновать десятилетие своего царствования, наложил тяжелые подати на антиохийцев. Антиохийцы сочли этот налог несправедливым и, возбуждаемые некоторыми народными ораторами, произвели страшное возмущение: осадили царский дворец, ворвались в комнату, где находились статуи Феодосия и его семейства, камнями повалили их на землю, с яростными криками повлекли их по городу и, наконец, бросили в реку. – После этого пароксизма бешенства народ опомнился. Страшное уныние овладело им. Тогда-то во всей своей духовной силе и являются духовные вожди: епископ Флавиан и священник Иоанн. Первый, несмотря на свою дряхлость, отправляется в Константинополь просить царя о помиловании, а второй – день и ночь молится в храме, утешает народ, ободряет его надеждой на милость Божию.

Горячий сердцем, но великодушный, импер. Феодосий простил антиохийцев. После этого любовь народа к Иоанну еще более возросла. Они не хотели отпустить его ни на один день от себя; даже когда он хотел удалиться за город, чтобы немного отдохнуть, народ говорил ему: «Вернись, ибо без тебя мы погибнем ». Тем не менее им вскоре пришлось уже навсегда расстаться с ним. Иоанн Златоуст был вскоре после этого назначен архиепископом константинопольским и увезен тайно в Константинополь. Обширное поприще открылось теперь для энергической деятельности св. Иоанна, и не легко исчислить дела, какие совершил он в немногие (9) годы архипастырского служения. Прежде всего он занялся исправлением духовенства, в котором заметил излишнюю роскошь, сластолюбие, честолюбие и незаконное домогательство священных степеней; построил и содержал несколько больниц для бедных и два дома для странников. В то же время св. Златоуст своим любвеобильным и вместе строгим словом обличал господствовавшие пороки всей вообще

паствы: особенно – страсть к театральным зрелищам, сребролюбие и жестокость богачей, страсть к моде и нарядам в женщинах и разные суеверия простого народа. Деятельность доброго пастыря Христова не ограничивалась пределами одной константинопольской епархии, но простиралась и на другие, даже отдаленные страны: он посылал одного за другим миссионеров к готам и скифам, и Бог благословил апостольские труды его, – дикие варвары, оставляя идолопоклонство, обращались в христианство.

Но эта энергическая деятельность святителя восстановила против него немало врагов, и злоба их не дремала. Многие из духовенства и придворных вельмож были недовольны прямотою и строгостью обличений св. Иоанна. Во главе этих врагов стала и импер. Евдоксия и Феофил, архиеп. александрийский, человек властолюбивый, своевольный и жестокий. – Последний собрал против Златоуста собор и осудил его на изгнание и лишение кафедры. Слабый и предупрежденный своей супругой, импер. Аркадий, не разобрав хорошо дела, дал повеление отправить Иоанна в ссылку.

Когда об этом узнал народ, то пришел в крайнее негодование. Громадные толпы окружили архиепископский дом; настроение делалось все более и более раздраженным.

Крики «требуем вселенского собора», вопли женщин плач детей, – все сливалось в страшный гул. И среди этого смятения оставался спокойным только один Златоуст. Он собрал вокруг себя свою паству и так говорил: «Братия, ужасная буря застигла нас, и волны поражают нас с небывалой силой; но мы не боимся потопления, потому что опираемся на скалу. Христос со мной!»

На другой день после этого явился к Иоанну императорский чиновник и потребовал, чтобы Иоанн немедленно оставил город. Исполняя это приказание, Иоанн ночью, тайно, весь закутанный плащом, чтобы народ его не видал, вышел из своего дома и сел на корабль, который и отвез его на место его ссылки. В это время вдруг произошло страшное землетрясение. Тогда испуганная Евдокия бросилась к императору, восклицая: «Это гнев Божий... это за наш грех... о, возврати скорее Иоанна!» Император, в глубине души своей не перестававший почитать Иоанна, как человека Божия, постепенно отправил посла к Иоанну с письмом, в котором императрица умоляла его немедленно вернуться в Константинополь. И святитель Божий, забыв о нанесенных ему оскорблениях и помня только любовь к нему народа, возвратился снова к своей пастве.

Но прошло немного времени, и Иоанн был окончательно свергнут с престола и уже до конца дней своих не видал более своей паствы: он умер бедным изгнанником.

Поводом к окончательному изгнанию Иоанна Златоуста послужила его обличительная речь против Евдоксии за то, что та воздвигла себе статую прямо за храмом и устроила по этому поводу торжественные празднества, заглушавшие даже богослужение. Иоанн Златоуст со свойственным ему пылом обрушился на честолюбие императрицы. Был созван новый собор, и так как он не пришел ни к какому решению, то император собственной властью велел лишить Иоанна Златоуста архиепископского престола и изгнать его из города, а на его место избрать другого. Иоанну сначала было назначено пребывание в небольшом городке Кукузе, но потом было дано распоряжение перевести его еще дальше, в полуразрушенный Пиеёунт. Во время этого путешествия силы окончательно оставили Златоуста, и он со словами «слава Богу за все» предал свою душу Богу (407 г.).

Кроме многочисленных поучений и бесед, Иоанн Златоуст оставил еще литургию, которая известна под его именем.

Св. Иоанн Дамаскин родился в Дамаске, главном городе Сирии, от родителей, знаменитых древностью рода, славою гражданских заслуг и более всего христианским благочестием. Отец его, Сергей Мансур, исправляя при дамасском калифе должность главного казначея, был очень близок к нему и употреблял свое влияние при дворе ко благу церкви Христовой, а имущество свое на пользу страждущих единоверных братьев. Когда сын стал подрастать, Сергей долго искал для него достойного учителя и неожиданно нашел его в пленном иноке, приведенном вместе с другими на дамаский рынок. Это был Косма, обладавший большими сведениями в философии и богословии. По смерти отца, Иоанн, как единственный сын, сделался наследником всего его имения и своими отличными дарованиями и многосторонним образованием обратил на себя внимание калифа, который скоро поставил его градоначальником Дамаска и первым своим министром. Блеск и пышность внешнего положения не омрачили светлой души Иоанна. Он и здесь горел пламенной любовью к церкви православной и принес на защиту ее, как сам выражается, «вверенный ему талант слова».

В это время византийский император Лев Исаврянин начал гонение на святые иконы; Иоанн явился ревностным защитником святыни и своими сочинениями немало обличал императора и противодействовал его намерениям. За это Лев оклеветал его пред калифом в измене; калиф,

велел ему отсечь правую руку. Скорбящий Иоанн слезно молился ночью пред иконой Богородицы, и Пречистая чудесно исцелила его десницу. После этого св. Иоанн удалился в Иерусалимскую лавру св. Саввы Освященного и здесь начал составлять свои чудные песнопения. Скончался Иоанн в 760 г.

Из его сочинений известны: «Точное изложение православной веры», и особенно каноны на св. Пасху и др. праздники, службы воскресные, разделенный на 8 гласов (октоих) и многие погребальные песнопения.

Св. Амвросий, архиеп. медиоланский, происходил из знатной римской фамилии. Одаренный блестящими способностями, он назначен был правителем Верхне-италийских областей. Посылая его в Медиолан, префект Италии сказал: «Иди и действуй не как судья, а как епископ».

Амвросий так и действовал и привлек к себе народ приветливостью и кротостью. Между тем в Медиолане скончался архиепископ. Во время избрания нового архипастыря в храме поднялись громкие споры. Амвросий со всей силой красноречия призывал народ к порядку. Внезапно раздался детский голос: «Амвросий – епископ». Все увидели в этом указание Божие, и Амвросий был рукоположен в архиепископа медиоланского. Этот выбор одобрен был знаменитыми епископами востока и запада.

Вступив на кафедру, Амвросий весь предался исполнению своих высоких обязанностей. Раздав золото и серебро бедным, он посвятил недвижимое имущество церкви, сам же ежедневно совершал божественную службу и все остававшееся от управления церковью время посвящал на изучение священного писания и тем дополнил свое религиозное образование. Отличный церковный оратор, он был сильным борцом против арианской ереси и способствовал искоренению язычества в Италии. Несмотря на свое миролюбие и сердечную доброту, он выказывал, когда было нужно, силу характера и энергическую волю, не знавшую никакого человеческого страха.

Император Феодосий, услышав, что в Фессалонике произошло возмущение, среди которого чернь умертвила нескольких императорских чиновников, в порыве неудержимого гнева в один из праздничных дней, когда народ собрался в цирке, лишил жизни до 7000 человек.

Узнав об этом безжалостном избиении, Амвросий был поражен такой скорбью, что, удалившись в свое загородное уединение, написал оттуда Феодосию обличительное письмо. «Я не осмелюсь, – писал он, – возносить Божественную жертву, если ты захочешь при этом присутствовать».

Несмотря на это письмо, Феодосий при первом случае хотел, по

обыкновенно, войти в церковь, но в дверях услышал голос Амвросия:

– Ты подражал Давиду в преступлении, подражай ему и в раскаянии. Как прострешь ты руки, с которых еще каплет кровь неповинных?.. Отойди же и не пытайся прежнее беззаконие увеличивать новым...

– Чего же Бог требует от меня? – спросил со смирением император.

– Того же, что должен сделать каждый убийца: у Бога нет лицеприятия, – отвечал пастырь, и Феодосий со слезами возвратился в свой дворец и провел здесь в уединении несколько месяцев, предаваясь сокрушенному покаянию.

Амвросия нельзя назвать выдающимся богословом. Его догматические трактаты представляют почти исключительно заимствование у греческих отцов церкви.

Но как проповедник, Амвросий занимает видное место между писателями запада. Красноречие его было так могущественно, что матери удерживали своих дочерей от посещения церкви из опасения, чтобы Амвросий не убедил их вступить в монашество.

Кроме того, Амвросий замечателен был и как церковный поэт. Ему принадлежит известный гимн «Тебе Бога хвалим» († 397 г.).

Блаженный Августин родился в нумидийском городе Тагасте. Отец его был язычник, а мать, Моника, христианка. В самом раннем возрасте Августин получил от своей матери наставления в христианской вере. Но наставления эти не глубоко запали в его душу. Под влиянием дурных товарищей по школе, он стал с 6-летнего возраста вести порочную жизнь. Благочестивая Моника приходила в ужас, видя гибель своего сына, и молила Бога о возвращении его на путь истины. Свое горе она излила Амвросию медиоланскому, и св. епископ утешил скорбное сердце матери такими словами: «Дитя стольких слез и молитв не может погибнуть». Действительно, среди удовольствий и пороков Августин чувствовал упреки совести своему поведению, и у него проявлялись высшие порывы к духовным удовольствиям. Он стремился найти истину. В поисках ее переходил от одной философской школы к другой, но нигде не находил себе удовлетворения. Сделавшись учителем красноречия в Медиолане, он из любопытства стал слушать проповеди Амвросия медиоланского и увлекся ими. Благочестивая Моника воспользовалась таким настроением своего сына и стала убеждать его принять учение Христа. В душе Августина началась борьба, и он стал задумываться над своим положением. Один раз, в минуту раздумья, Августин услышал голос: «Читай св. писание». Открыв Новый завет, он прочел первые попавшиеся слова: «Будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству,

ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти» (Рим. 13, 14). Эти слова озарили его, в них он увидел упрек своему поведению и решительно переродился. Приняв крещение в Медиолане, он вернулся на родину в Нумидию, где сначала выбран был пресвитером, а потом епископом иппонским.

В этом сане он отдал церкви все; свои богатые дарования, всю пылкость своего темперамента, неустанно занимаясь проповедничеством, обличением еретиков и раскольников. Последние годы жизни Августина были тяжким для него испытанием. Он был свидетелем падения Рима, разгрома и опустошения цветущей африканской церкви и собственной своей иппонской епархии. Среди ужасов этого времени он скончался в 430 г.

Как писатель, Августин занимает исключительное положение между писателями западной церкви. По своему глубокомыслию, самостоятельности и оригинальности своих богословских воззрений он напоминает собой лучших писателей церкви восточной.

§ 26. Жизнь монашеская на востоке и на западе

Монашеский образ жизни, начало которому положено было еще в III веке, в IV в. получает полное развитие. Ослабление строгости христианской жизни, со вступлением в церковь множества язычников, заботившихся в христианстве только о мирских интересах, побуждало ревнителей благочестия уходить из городов и селений в пустыни, чтобы там, вдали от мирских волнений, проводить жизнь в подвигах самоотречения, молитве и размышлениях о Боге. В ряду таких подвижников первое место занимает преп. Антоний Великий, по справедливости считающийся основателем монашества.

Антоний родился в среднем Египте, от благородных и благочестивых родителей. Желая сохранить в чистоте сердце сына своего, родители Антония не позволяли ему никуда отлучаться из дому, кроме церкви. Потому Антоний не получил научного образования. Но, по словам Афанасия Вел., он дома «внимал чтению» и душеспасительным чтением укреплял в себе любовь к благочестию и страх Божий. Однажды, идя в храм, он размышлял о том, как апостолы, оставив все, последовали за Спасителем, как первые христиане полагали к ногам апостола все, что имели. С такими мыслями он вошел в храм и услышал слова евангелия: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах » (Матф. 19, 21). Антоний в этих словах услышал голос с неба, относившийся к нему. Возвратись домой, он немедленно продал свое имущество и роздал его нищим, а сам

решился вдали от мира подвизаться для единого Бога. Подобно другим подвижникам, Антоний поселился сначала вблизи селения и отдался под руководство одного благочестивого подвижника-старца, с юности проводившего уединенную жизнь. Он посещал и других отшельников, «как умная пчела, – по словам Афанасия, – унося с собой драгоценнейшую пищу – то, что находил лучшего и совершеннейшего в их образе жизни». Потом он поселился один, подальше от селения, заключившись в гробнице, как живой мертвец. Пищей его был хлеб с солью, а питием – вода, и ту он пил однажды в день по вкушению пищи, а иногда через два дня и даже через четыре дня; одеждой его была грубая власяница, ложем – сухой тростник, а иногда и голая земля. Пропитание себе добывал Антоний рукоделием, которое брал у него благочестивый мирянин и взамен того приносил пищу.

Много искушений перенес Антоний в первые годы своей подвижнической жизни. Часто в душе его возникала мысль о трудности и суровости отшельнической жизни и о тех удовольствиях, которые соединены с богатством и славой мирской. Иногда возникали нечистые пожелания плоти, и в ночных видениях являлись искусительные образы. Но пламенной молитвой к Богу, строгим постом и бдением он очищал свое сердце и отражал нападения врага. Чем мужественней был Антоний в постигавших его искушениях, тем более усиливались против него нападения врага спасения. «Сколько раз, – так рассказывал сам Антоний своей братии для назидания, – сколько раз грозные демоны в виде скорпионов, лютых зверей и змей окружали меня и наполняли мое жилище, точно готовые на брань воины, а я пел: «Сии на колесницах и сии на конях, мы же во имя Господа Бога нашего возвеличимся», и тотчас они, по милосердию Божию, обращались в бегство».

Утвердившись в духовной жизни долгим рядом искушений, Антоний оставил обитаемые места, перешел реку Нил и на восточном берегу его в запустевшем укреплении, избрал себе место для жительства.

Здесь, вдали от всех людей, Антоний прожил около 20 лет. Чего не вытерпел он в продолжение этого времени? Часто приходилось ему терпеть голод, жажду, холод и зной. Демонические искушения иногда до того доводили подвижника, что он впадал в уныние и, обуреваемый помыслами, недоумевал, что делать ему, дабы спастись. «Господи, – взывал он, – я хочу спастись, но помыслы не дают мне». И вот, как бы в ответ на эту молитву, видит он юношу, который сидел и работал, потом встал из-за работы и молился; потом опять сел и вил веревку. Это был ангел Господень, посланный для наставления и подкрепления Антония. И

ангел сказал ему вслух: «И ты делай так – и спасешься». Услышав это, Антоний обрадовался и стал так делать, упражняясь днем в рукоделии, а ночи проводя в молитвах.

Усиленные просьбы многих ревнителей благочестия, желавших под руководством Антония подвизаться для Бога, заставили его оставить свое затворничество. Толпами стал стекаться к нему народ, когда он открыл к себе доступ. Чудодейственной силой веры он врачевал, а словом своим утешал печальных.

Постоянно возроставшее число учеников Антония дошло до того, что безлюдная доселе пустыня походила как бы на город, где пребывала правда и благочестие. Пустынники разсеялись по пещерам и жили отшельниками. Но все они были под руководством великого Антония, который не переставал одушевлять их ревностью, своей бдительностью, увещаниями и примером.

Преподобный не давал внешних правил для жизни иноческой, он заботился главным образом о внушении живого благочестия своим ученикам. Когда братия стала просить у Антония устава для жизни, он предложил им поучение, замечательное по простоте и глубокой опытности. «Когда встаете от сна, – говорил он, – думайте, что вы не доживете до вечера; отходя ко сну, помышляйте, что вы, может быть, не увидите рассвета дня. Если каждый день будем готовиться к смерти, – предохраним себя от греха».

Не одни неопытные подвижники искали наставлений Антония, к нему приходили за советами и Макарий Великий и Макарий александрийский, сами прославившиеся великим подвижничеством.

Приходили к нему для беседы и мудрецы языческие. Просвещенный свыше преподобный нередко изумлял мудрецов своей высокой мудростью.

Слава Антония так была велика в пустынях египетских, что сам импер. Константин называл его своим другом, почтил посланиями и убеждал писать к себе о нуждах. Но Антоний, чуждый всех связей с миром, не хотел было принять послания и, только по убеждению братии, принял и написал ответное письмо, в котором верный самому себе, хваля благочестие царя, советовал не превозноситься царским титулом, так как цари земные имеют над собою Царя небесного – И. Христа. Последние годы своей жизни преподобный проводил в уединении. Только по временам приходил он к оставленной им братии для подкрепления и назидания ее. В 356 году Антоний умер спокойно и с радостью, в глубокой старости (105 лет), и был похоронен ближайшими учениками на уединенной горе, последнем месте его подвигов, без свидетелей.

Преп. Антоний основал иночество отшельническое, скитское. По установленному им порядку, подвижники, находясь под руководством одного старца – аввы (отца), жили отдельно друг от друга в хижинах или пещерах и предавались подвигам уединенным. Такие подвижнические общины назывались лаврами. Но еще при жизни преп. Антония, появился другой род иноческой жизни – иночество общежительное. Подвижники, собираясь в одну общину, под управлением одного аввы, проводили жизнь вместе в одном или нескольких помещениях, следуя общим правилам. Такого рода общины назывались киновиями, монастырями. Основателем монашества общежительного был преп. Пахомий Великий.

Пахомий родился в египетской области Фиваиде. Родители его были язычники, он принял христианство при следующих обстоятельствах. Ему было 20 лет, когда его взяли на военную службу. Проходя со своим отрядом различные города, Пахомий везде встречал недостаток в продовольствии и вообще плохой прием; только в одном городе жители оказали воинам помощь пищей и одеждой и обошлись с ними дружелюбно. Тронутый этим вниманием, Пахомий спрашивал, почему жители в этом городе так отличаются от прочих. Ему отвечали, что здесь живут христиане, люди благочестивые, милостивые и гостеприимные, старающиеся относиться хорошо даже к врагам своим. Добрые дела христиан внушили Пахомию уважение к вере их, и он решился присоединиться к их обществу, если возвратится из похода невредимым. И он исполнил обещание. Когда война кончилась, и Пахомий возвратился на родину, то отыскал христианского священника, получил от него наставления в вере и крещение. В то время в Фиваидской пустыне жило много благочестивых подвижников, между которыми особенным уважением пользовался старец Палемон. Пахомий искал полного уединения и пришел к этому старцу, прося принять его в келью. Палемон принял Пахомия, и тот начал разделять с ним все подвиги. День и большую часть ночи они проводили в молитве, пении псалмов и работе (вязании власяниц и плетении корзин), соблюдая в то же время самый строгий пост. Так прожил Пахомий 10 лет.

Проходя однажды по пустыне, он, вдали от своего жилища, на берегу Нила нашел уединенное место, которое ему очень понравилось; место это называлось Тавенна. Пахомий остановился и стал молиться; вдруг слышит он чудесный голос: «Поселись здесь и устрой обитель; к тебе соберется множество иноков».

Пахомий последовал чудесному указанию, поставил на том месте, где молился, келью, поселился в ней и начал строить кельи для иноков. К

месту его уединения стали собираться ученики; он охотно принимал их и после испытания облакал в иноческий чин. Пахомий принял на себя все попечения о внешнем благоустройстве новой обители, чтобы другим инокам было больше времени для духовных подвигов; он готовил пищу, работал в огороде, служил больным и был привратником. Вскоре число братии возросло до ста, тогда Пахомий написал устав иноческого жития, – первый по времени. Сообщим вкратце его содержание.

Прие инока в монастырь производится настоятелем после предварительного испытания в смирении, воздержании и других иноческих добродетелях. От вступающего не принимается ни денег, ни какого-либо имущества, чтобы впоследствии он не гордился и не нарушал покоя братии своими требованиями. Вступающий облакается в монастырскую одежду, а мирская до времени хранится у эконома. Если нововступивший не выдерживал испытания, обнаруживал неповиновение и недовольство, то его немедленно удаляли из монастыря; если выдерживал, то принимался, но не прежде года допускался в общество братии. Затем его знакомили с уставом обители: если он был неграмотный, то учили читать. «Ибо, – говорил Пахомий, – каждый инок должен знать грамоте и читать священное писание». Первоначально инок поручался особому попечению какого-либо благочестивого старца и был в повиновении у него; это старец был и духовником для вновь поступавшего. Три раза в сутки – утром, вечером и в полночь – братия собиралась для молитвы, чтения писания и пения псалмов. Общая трапеза была в полдень; в среду и пятницу совсем запрещалось принимать пищу; в остальные дни пища была самая простая, состоявшая из хлеба, овощей и плодов, вина совсем не пили. Иноки жили по двое или по трое в келье; келейные занятия состояли в рукоделиях и молитве, притом непрерывно сменявшихся. «Инок, – учил преп. Пахомий, – не должен ни минуты быть праздным». Прибыль от ручной работы считалась собственностью не инока, а всей обители; у отдельного же инока не должно быть никакой собственности. Одежда иноков состояла из льняного хитона без рукавов, шерстяного пояса, шерстяной шапочки на голове с изображением креста и верхней кожаной одежды; обувались иноки в сандалии, в руках носили жезлы, волос не стригли; спали на рогоже.

Пахомий не хотел, чтобы кто-либо, из учеников его принимал на себя сан священства: он считал этот сан несоответствующим иноческому смирению. Когда же нужно было братии приобщаться св. таин, то Пахомий призывал одного из пресвитеров, живших в окрестности, и тот совершал в монастыре божественную службу. С течением времени число

братии все увеличивалось, тогда Пахомий разделил их на несколько монастырей, назначил в каждый особого настоятеля из более достойных иноков, сам же ведал общий надзор за всеми монастырями, часто посещал их, наставлял и ободрял слабых. Особенно старался он утвердить в иноках дух послушания монастырскому уставу. Так, узнав однажды, что один из братии постился сверх установленного времени и очень гордился этим, преподобный Пахомий призвал инока к себе и сказал ему: «Брат! Господь сказал: «Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца». Подражая Господу, и ты должен быть послушным и исполнять монастырское правило. Когда зовут тебя на трапезу, иди и ешь братией, – не чрезмерно, чтобы тело твое, отяжелев, не преобладало над духом, но и не мало, чтоб тело не ослабло к труду». Преп. Пахомий скончался в 348 году.

Из Египта отшельническое и общежительное иночество распространилось по всему христианскому востоку. Распространителями его были ученики преп. Антония и Пахомия и св. отцы и учителя церкви. Так, например, св. Василий Вел. учредил монашество в Малой Азии и дал ему строго определенный устав, сделавшийся всеобщим на востоке. В V веке уже весь восток был усеян монастырями.

На западе монашество распространилось с востока. В первый раз познакомил запад с восточной монашеской жизнью Афанасий Вел. во время своего пребывания там жизнеописанием преп. Антония, переведенным на латинский язык. Далее, во время арианских смут многие западные епископы были удаляемы на восток, где знакомились с монашеской жизнью и, возвращаясь домой, заводили у себя монастыри. Но вообще монашество на западе не встретило сначала сочувствия, как на востоке, и распространялось гораздо медленнее. Организатором западного монашества, в формах несколько измененных с восточным, был Бенедикт нурсийский (ум. в VI в.). Устав, составленный Бенедиктом, не требует от иноков тех лишений, которые несли монахи на востоке, а заповедуется только порядок, воздержание и трудолюбие.

§ 27. Церковное управление

По внешнему своему составу церковь с самого начала разделялась на две части: иерархию и паству. Иерархию в церкви установил Сам Господь И. Христос. Это ясно видно из того, что Он из множества верующих в Него, Сам непосредственно избрал 12 апостолов (Лук. 6, 13; Мф. 10 гл.) и им собственно дал троякую власть в церкви: учить, священнодействовать и управлять, а не всем и каждому верующему (Мф. 38, 19; 18, 18; Лук. 22, 19).

Свято соблюдая волю своего Божественного Учителя, св. апостолы сначала сами только исполняли это прямое служение церкви, а затем, с умножением числа верующих, согласно той же воле Господа, они, основывая в разных местах церкви, рукополагали для служения в них пресвитеров, а где нужно было и епископов (Деян. 14, 23; 20, 28), с той властью и правом, какую сами получили от И. Христа. Вместе с тем они заповедовали епископам передавать, через таинственное рукоположение, божественную власть и иным, нарочито избранным и приготовленным лицам (2Тим. 2, 2; Тит. 1, 5). Людям же, не облеченным законной властью священнодействовать, апостолы строго запрещали присвоить себе эту власть (Рим, 10, 15; Евр. 5, 4–5).

Богоучрежденная церковная иерархия издревле разделялась на три степени: епископскую, пресвитерскую и диаконскую. Из них высшая степень епископа, вторая, подчиненная ей, – пресвитера, и низшая – диакона. Апостольское происхождение епископской степени, отличие от пресвитерской и превосходство перед нею ясно можно видеть из 1-го послания к Тимофею, где ап. Павел заповедует своему ученику рукополагать пресвитеров и диаконов (1Тим. 3, 3–22), наставлять их (5, 1–2), судить (–5–19) и награждать (–17), а также из его послания к Титу, которому также предоставляет право поставлять пресвитеров в Крите (1, 5) и управлять, ими. Из указанных мест усматривается, что епископ должен быть главным учителем в своей частной церкви, не только пасомых, но и пастырей, – он есть также главный и священнодействователь.

Пресвитеры, при своем рукоположении от епископа, получали от него власть и право учить вверенных им пасомых, совершать таинства и вообще священнодействия, кроме исключительно принадлежащих епископу; но в прохождении этих обязанностей они подлежали надзору, власти и суду епископа.

Диаконы поставлены были для приема и раздаяний приношений,

поступавших в церковь, но вместе с этим служили епископам и пресвитерам при совершении богослужения и таинств.

Так как епископы, занимающие высшую степень иерархии, все равны между собой, получили от Господа через апостолов одинаковую честь и власть, то над епископом может иметь власть только собор епископов. Потому, по правилам апостолов и соборов вселенских и поместных, только от собора епископов он приемлет рукоположение, и собор только может производить суд над ним (Пр. апост. I; соб. Ник. 4; Лаод. 12 и др.).

Но уже в веке апостольском среди епископов начала возвышаться власть областных (главного города области) епископов. 34-е правило св. апостолов повелевает епископам чтить первого из них и признавать его, как главу. Областные епископы созывали соборы и председательствовали на них.

По наименованию городов митрополиями и епископы этих городов стали именоваться митрополитами или экзархами. В первой половине IV века и из митрополитов получают старейшинство и особенную важность епископы престолов апостольских и столичных городов империи Рима – столицы всего мира, Александрии – столицы Египта, Антиохии – столицы Сирии и всей Малой Азии. На 1-ом вселенском соборе высокое значение, каким пользовались епископы этих городов, и пределы их округов были определены и узаконены на основании древнего обычая. С перенесением резиденции императоров с запада на восток и с устройством новой столицы – Константинополя, названного Новым Римом, значение епископа этого города, само собой разумеется, возвысилось и сравнено с прочими епископами столичных городов империи. На 2-м всел. соборе епископ Нового Рима поставлен вторым за епископом старого Рима. На 4-м всел. соборе эти старейшие четыре епископа получили наименование патриархов, – оставшееся и доселе самым высшим и почетным наименованием епископа, соединенным и с особенной властью над целым округом церковей. К числу этих четырех старейших епископов на том же соборе причислен и епископ города Иерусалима, как такого города, в котором основатель христианства, Господь наш И. Христос, совершил дело нашего спасения.

§ 28. Отпадение церкви западной от союза с восточной

Мы видели, что всел. соборы епископам пяти городов – Рима, Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима, как предстоятелям церквей, издревле славных и основанных самими апостолами, усвоили наименование патриархов и предоставили высшую власть в церковном управлении.

Все пять патриархов объемом власти должны быть равны между собой и в управлении церквами своих округов независимы один от другого. Вселенские соборы ни одному из них не предоставляли исключительной власти над всей вселенской церковью, хотя и признавали за римским патриархом первенство чести.

Но на практике вышло иначе. Римский патриарх, или папа, подчинивши своей власти все церкви запада и требуя такого же подчинения от церквей восточных, стал считать себя главой и правителем всей вселенской церкви.

Притязаниям пап на главенство в церкви содействовали многочисленные причины. Еще в III и особенно IV веках западные церковные писатели стали проводить особое понятие о единстве церкви: они полагали, что всеобщее единство церкви обуславливается тем, если в ней, кроме невидимой главы Христа, есть еще одна видимая глава. И такую видимой главой церкви естественно было западному христианскому миру считать римского епископа: он был епископом всемирного города, занимал апостольскую кафедру, единственную на западе, наследовал власть ап. Петра. Если ап. Петр был князем апостолов, как думали на западе, то преемник, наследовавший его власть, римский епископ, должен быть главой и князем всех епископов⁷.

Римские епископы сознали всю важность подобных воззрений и всеми мерами старались проводить их в церковную жизнь. В этом особенно помогали им разного рода обстоятельства политической и церковной жизни. Так, в 330 г. Константин Вел. перенес столицу из Рима в Византию; римский епископ вследствие этого сделался более или менее свободным от влияния и произвола императорской власти и при случае мог даже давать ей отпор, как это и было, напр., во время иконоборческих смут, когда папы отказали в повиновении восточным императорам–иконаборцам. В это время на западе усилилось одно из новых христианских государств – франкское. Папы вступили в союз с франкскими государями и получили в дар от франкского короля Пипина

целую область в Италии. Подарком Пипина положено начало светской власти пап.

Между теми, когда происходило такое постепенное освобождение пап из-под власти византийских императоров, они упрочивали свою власть в церквях западных. В этих церквях римский епископ издавна пользовался большим авторитетом, как преемник ап. Петра. За решением разных недоумений он, по древнему обычаю, обращались к римской церкви. Это подало повод римским епископам писать к таким церквям послания, в которых разрешались спорные вопросы. Естественно, что принятием папских посланий западные церкви становились уже в подчиненное отношение к римской⁸. Да и на востоке к римской кафедре относились с уважением. Ни в одном городе не было столь большого числа мучеников, как в этой столице. Катакомбы римские привлекали богомольцев и с востока. У римских патриархов часто искали защиты и помощи восточные православные епископы, гонимые еретиками. Все это возвышало римского патриарха. Поэтому и в восточной половине церкви охотно почитали его первым среди равных. Но римские папы не хотели довольствоваться первенством чести, а стремились к первенству власти.

Такое незаконное притязание пап встретило должное сопротивление со стороны восточных патриархов и особенно константинопольского и повело к расторжению духовного союза между церквями восточной и западной. Это случилось во время распри пап с константинопольскими патриархами Фотием и Михаилом Керулларием.

Варда, дядя императора Михаила III, без всякой законной причины, низложил благочестивого и строгого константинопольского патриарха Игнатия, а на его место избрал Фотия, одного из первых государственных сановников.

По своему образованию и по жизни Фотий достоин был сана патриарха. Но так как он занял кафедру при жизни патр. Игнатия, то не все его признали за пастыря законного. Друзья Игнатия образовали партию. Но и у Фотия было много приверженцев. Разделенные на два лагеря, византийцы начали враждовать между собой. Для прекращения смуты Варда предложил созвать большой собор. Дали знать о предполагаемом соборе восточным и римскому патриарху.

Папа Николай I послал своих уполномоченных. В 861 г. собор открылся в столице Византии. Отцы собора решили спор патриархов в пользу Фотия. Легаты папы вместе с другими подписали определение собора. Папа был недоволен этим решением и лишил легатов сана, обвинив их в том, что будто они приняли подарки от Фотия и Варды. В 863

г. папа Николай собрал в Риме собор из западных епископов и осудил Фотия на лишение сана. Так как патриарх не имел права судить другого патриарха единолично или даже на частном соборе, то в Константинополе не придали никакого значения суду папы. Патр. Фотий продолжал занимать свою кафедру и хранил молчание. Но вопрос о болгарской церкви заставил прервать молчание.

Болгарский князь Борис принял св. крещение и первыми проповедниками веры Христовой среди болгар были греки. Но через два года после своего крещения Борис, поссорившись с константинопольским императором, призвал римских миссионеров. Присланные папой епископы и священники стали отменять введенные в Болгарии обряды греческой церкви и заменять обрядами римскими, каковы были, напр., разрешение на сыр и яйца в постные дни, пост в субботу и др. Тогда патр. Фотий написал окружное послание к другим восточным патриархам, в котором обличал незаконные притязания пап и указал на допущенные в западной церкви отступления от православия. По этому случаю был созван собор в Константинополе, который отверг папские притязания и осудил отступление западной церкви. Но это осуждение еще не прерывало союза церквей – восточной и западной.

Окончательное отделение западной церкви от православного востока произошло в половине XI в. Константинопольский патриарх Михаил Керулларий, услышав, что латины совершают литургию на опресноках, тогда как на востоке и на самом западе до VIII в. всегда совершали на обыкновенном квасном хлебе, поспешил обличить это нововведение запада. Папа Лев IX оскорбился тем, что константинопольский патриарх осмелился укорять обычаи римской церкви, и написал резкое письмо патриарху Михаилу. Пламя вражды запылало. Византийский император, опасавшийся потерять последние свои владения в Италии через ссору с папой, употребил все меры, чтобы примирить с ним патриарха. Начались переговоры: папа отправил в Константинополь трех легатов, но они, вместо того, чтобы ослабить, только усилили раздор. Не умев склонить патриарха отступить от своих мнений, легаты торжественно вошли в Софийский собор, произнесли анафему на патриарха и на всю восточную церковь и положили клятвенную грамоту на престол. С этого времени во всех восточных церквях перестали поминать папу при богослужении.

Неоднократно впоследствии возникали попытки к соединению церквей (Лионская и Флорентийская уния). Но они вызывались не церковными интересами, а политическими нуждами империи, и их желали не греческий народ и духовенство, а византийские императоры.

Греческий же народ и духовенство враждебно относились к попыткам соединения церквей, тем более что папы соединение церквей понимали в смысле подчинения восточной церкви западной. Оттого попытки к соединению не давали желаемых результатов и приносили только вред восточной церкви, вызывая в ней волнение.

Отделившись от восточной церкви, западная церковь все более и более отступала от чистоты древних преданий и христианского вероучения и все более и более вносила нововведения в церковную жизнь. Особенно много таких нововведений в учении веры, в обрядах церковных и иерархическом устройстве внесено было в темные средние века.

Отступление в догматах веры: 1) учение об исхождении Духа Святого от Отца и Сына и прибавление к восьмому члену символа веры лишнего слова: „и Сына“; 2) учение о главенстве папы; 3) учение об индульгенциях, т.е. освобождении грешников от наказания за грехи, ради сверхдолжных заслуг святых, которыми якобы в праве распоряжаться папа; 4) учение о чистилище (среднее состояние между раем и адом; 5) учение о непричастности Богоматери первородному греху и 6) учение о непогрешимости папы в делах веры. *Отступления в таинствах:* 1) крещение в римской церкви совершается через обливание, т.е. вода поливается на голову крещаемого, при произнесении слов: „я крещая тебя во имя Отца и Сына и Св. Духа“.

2) Совершителями таинства миропомазания считаются одни только епископы; совершается это таинство над младенцами не вслед за крещением, а по достижении ими, по крайней мере, семилетнего возраста. При совершении обрядов миропомазания епископ сперва воздевает руку над принимающими таинство, потом помазывает миром на челе, называя каждого по имени и говоря: „знаменую тебя знамением креста и укрепляю миром спасения во имя Отца и Сына и Св. Духа“. В заключение епископ ударяет помазанного слегка по ланите, говоря: „мир с тобою“. 3) В таинстве причащения римско-католическая церковь отличается от православной: а) введением опресноков вместо квасного хлеба; б) учением о времени пресуществления св. даров на литургии после слов Христовых („сие есть тело Мое, Сия есть кровь Моя“, а не после призывания Св. Духа; в) лишением чаши мирян, т.е. приобщением их только под одним видом хлеба; г) недопущением младенцев ко св. причащению. 4) В учении о таинстве покаяния римская церковь на епитимии смотрит не как на исправительные и лечебные средства, а как на наказания для удовлетворения правде Божией. 5) Брак римская церковь признает безусловно нерасторжимым, даже в случае прелюбодеяния одного из

супругов. 6) В таинстве елеосвящения римская церковь тем отступает от православной, что предоставляет право освящать елей для таинства одному епископу и главной целью елеосвящения считает укрепление больного в страданиях и борьбе с ужасами смерти, почему преподает это таинство в виде напутствия и только таким больным, которые находятся уже при смерти.

§ 29. Образование протестантства

Уже давно злоупотребления папской власти и духовенства были осуждены благомыслящими людьми, но эти люди объявлялись еретиками и по большей части гибли на костре. Между тем с распространением просвещения вера в непогрешимость пап постепенно упала. Особенно много недовольных было в Германии. Народ тяготился поборами на содержание духовенства; рыцари и бароны с завистью смотрели на богатство и роскошную жизнь духовных сановников, а немецкие князья желали избавиться от вмешательства духовной власти в их управление.

Поводом к началу реформации послужили индульгенции или отпущение грехов за деньги. В христианских странах издавна вошло в обычай, чтобы люди, кающиеся в грехах, делали, между прочим, денежное пожертвование на церкви и богоугодный заведения. Впоследствии папы, увидавшие в этом крупный источник доходов, начали просто продавать индульгенции. Папа Лев X довел продажу индульгенций до крайних пределов⁹.

Нуждаясь в деньгах на роскошь и на изящные постройки, он поручил майнскому архиепископу открыть эту продажу в Германии. Один из таких продавцов, монах Тецель, разъезжал по Саксонии с двумя большими ящиками; в одном находились отпустительные папские грамоты на всевозможные грехи, прошедшие, настоящие и будущие, а в другом – вырученные за них деньги. Многие суеверные люди сбегались к нему и иногда отдавали последние гроши, чтобы избавить себя или своих покойных родственников от мук чистилища. Князья с недовольством смотрели, как Тецель обирает их народ¹⁰, но пока не решались возвысить голос против этой постыдной торговли. Тогда с обличением против индульгенций выступил Мартин Лютер.

Лютер, сын крестьянина, вырос в нужде и лишениях; много терпел от сурового обращения в родительском доме и особенно в школе, где в те грубые времена беспощадно били и секли учеников. Потом он поступил в университет и, по желанию отца, начал изучать право, чтобы сделаться юристом. Но собственная склонность влекла Лютера к монашеской жизни и к наукам философским. Он последовал этому влечению, получил степень доктора, философских наук, вступил в монастырь и был приглашен занять кафедру богословия в виттенбергском университете. Лютер был еще усердный католик и на папу смотрел как на истинного наместника Христова. Раз ему случилось по делам своего ордена

отправиться в Рим. С большим благоговением приближался он к этому священному городу; но там совершенно разочаровался, когда собственными глазами увидел роскошь и порочные нравы папского двора, неуважение духовенства к молитве и ко всему святому. «Едва я отслужу одну обедню, как у них уже кончено больше десяти».

Когда Тецель появился в окрестностях Виттенберга, и народ поспешил раскупать индульгенции, Лютер пытался противодействовать своими проповедями. Но проповеди не помогли; тогда Лютер решился на очень смелый шаг. Он прибил к церковным дверям 95 тезисов (т.е. положений), в которых доказывал вред, происходящий от продажи индульгенций и их недействительность для отпущения грехов. Тезисы его быстро сделались известны в Германии и обратили общее внимание на виттенбергского проповедника.

Некоторые ученые монахи заступились за Тецеля и написали опровержение тезисов; Лютер им отвечал. Благодаря книгопечатанию, ответы его читались везде и производили сильное волнение. Тогда из Рима была прислана папская булла, которая повелевала сочинения Лютера сжечь, как еретические, и самому ему грозила проклятием, если он не покается. Булла эта прибывалась к стенам, и в некоторых городах, действительно, сочинения Лютера были сожжены. Но в Виттенберге Лютер, сопровождаемый профессорами и студентами, вышел за город и сжег папскую буллу на костре (1520 г.). Таким поступком он торжественно отделился от католической церкви.

Вскоре после этого события уже составилась союз германских богословов и владетельных князей, покровительствовавших Лютеру и окончательно порвавших с папой.

Но если известная часть князей изменила католичеству и принимала учение Лютера, то были и такие, которые сохранили верность католической церкви. На сейме, собравшемся в Шпейере (в 1529 г.), большинство присутствовавших на нем лиц постановило воспрепятствовать распространению лютеранского вероучения. Князья, принявшие это вероучение, чувствовали себя уже настолько сильными, что торжественно протестовали против этого постановления, откуда и пошло название всех отпавших от католичества протестантами.

Покровитель католиков император священной Римской империи Карл V назначил протестантам срок, в течение которого они должны были снова обратиться в католичество. Но протестантские князья решили не уступать и в следующем году заключили между собой союз для защиты своего вероучения силой оружия. Чтобы поднять их дух, Лютер написал

свой известный гимн: «Твердыня крепкая – наш Бог!» Таким образом, реформация подготовила в Германии междоусобную войну. Война велась с переменным счастьем, но в конце ее успех перешел решительно на сторону князей-протестантов. Сам император едва не попался в плен. Война окончилась в 1555 г. религиозным Аугсбургским миром, по которому последователям Лютера (собственно князьям) была предоставлена свобода вероисповедания.

Отличительные черты лютеранского исповедания состоят в следующем: 1) лютеране признают единственным источником вероучения св. писание, предоставляя каждому верующему право понимать и объяснять его по своему разумению, и совсем отвергают св. предание, как необходимое пособие к надлежащему пониманию св. писания и дополнение его; 2) они признают, согласно с римской церковью, исхождение Св. Духа и от Сына; 3) из таинств они принимают только два: крещение и причащение; 4) в таинстве причащения не допускают пресуществление хлеба в истинное тело Христово, а вина – в истинную кровь Христову, как учит об этом истинная церковь со времен апостольских, а допускают только невидимое присутствие тела и крови Христовой под видом хлеба и вина; 5) в нравственном отношении они признают, что христианин может достигать оправдания пред Богом единственно только верой, без участия добрых дел; 6) равным образом они не допускают призывания в молитве святых, поклонения иконам, монашества, постов и поминовения умерших; наконец 7) лютеране отвергают иерархию, как состав лиц, одаренных через рукоположение особенными дарами Св. Духа, необходимыми для совершения и научения других вере и благочестию. Потому управление церковью у них предоставлено гражданскому начальству, а церкви позволено только иметь свои коллегии или консистории.

В одно почти время с Лютером, и также по поводу продажи индульгенций, выступил в качестве реформатора церкви кафедральный проповедник в Цюрихе Цвингли. В небольшом вольном государстве Швейцарии дело реформы пошло еще быстрее, чем в Германии, и сразу приняло широкие размеры. Впоследствии последователи Цвингли соединились с последователями Кальвина и вместе с ними получили название реформатов.

Реформатское вероисповедание (или кальвинизм), в основных пунктах, согласно с вероисповеданием лютеранским. Подобно лютеранам, реформаты признают св. писание за единственный источник и учат об оправдании одной верой без добрых дел. Особенности реформатского

вероисповедания сравнительно с лютеранским составляют: 1) учение о безусловном предопределении, а также 2) учение о таинстве евхаристии.

Учение реформатов о безусловном предопределении можно представить в следующем виде: Бог, предвидя падение человека и, решив его искупление, от вечности предопределил, кто из людей спасется и кто погибнет. Спрашивать, почему Бог одних избрал, а других отвергнул, по мнению Кальвина, бесполезно, потому что законы, по которым действует Божественная воля, для нас непостижимы. В евхаристии реформаты отвергают действительное присутствие тела Христова, считая хлеб и вино только образами распятого Господа.

Что касается богослужения, то надо заметить, что вообще к церковной обрядности реформаты относятся враждебнее, чем лютеране. Все богослужение их обращается в одну проповедь, нередко рутинную, скучную; местами молитвенных собраний служат простые комнаты, более похожие на школу, чем на церковь. Все обращено только к научению одного рассудка: никакой пищи чувству и воображению, которые так же, как и рассудок, требуют себе высшего удовлетворения в религии.

§ 30. Англиканская церковь

Генрих VIII, который ознаменовал свое царствование разрывом с Римом, первоначально выступил против реформации и написал против Лютера сочинение в защиту 7 таинств. Папа назвал английского короля «защитником веры» и обещал отпущение грехов на несколько лет всякому, кто прочтет королевское сочинение. При таких обстоятельствах трудно было допустить и мысль о возможности разрыва между королем и папою. Однако разрыв этот произошел.

Поводом к нему послужило личное дело короля. Генрих VIII был женат на вдове своего брата, Екатерине Аррагонской, с которой прожил почти 20 лет в спокойном супружестве. Но вдруг в короле заговорили сомнения в законности брака с Екатериной. Причиной их была одна из фрейлин королевы, умная и красивая Анна Болейн. Король, не допуская никаких преград своим стремлениям, решил добиться у папы развода с Екатериной, чтоб вступить в новый брак. Но папа не согласился на это. Тогда Генрих решился действовать самовластно. Он объявил себя главой церкви и отменил те сборы, которые производились в Англии в пользу римской курии, обвенчался с Анной Болейн, а юристы Англии расторгли его первый брак. От всех подданных требовалась присяга, которой они обязывались признавать главой церкви не папу, а короля. Но некоторое время оставались в силе остальные католические догматы и все католические обряды. Всякое отступление от требований короля влекло за собой смертную казнь. Из последующих действий короля наибольшее значение имела произведенная им секуляризация церковных имуществ. Потом стали подвергаться преследованиям иконы и католические обряды. Королевские указы следовали один за другим, причем король склонялся то на сторону протестантов, то на сторону католиков. Благодаря этому, в его царствование не было выработано никакой определенной религиозной системы.

Реформация в Англии продолжалась и в царствование сына Генриха VIII, Эдуарда VI, при содействии архиеп. кентерберийского Крапмера. Но дело церковной реформации не было довершено и в это кратковременное царствование. Только в царствование дочери Генриха VIII, Елисаветы, была установлена епископальная или англиканская церковь. Исповедание этой церкви представляет собой нечто среднее между католицизмом и протестантскими верованиями.

§ 31 Просветители славян святые братья Мефодий и Кирилл

Св. Мефодий и Кирилл были уроженцами города Солуня. Отец их, Лев, отправлял в этом городе должность начальника. Старший сын его Мефодий, по окончании школьного учения, получил должность начальника одного округа, населенного славянами. Но блестящее начало службы не пленило молодого человека. Мефодий стремился к тихой иноческой жизни. Это влечение понудило его оставить должность начальника и поступить в один из монастырей в Олимпе. Здесь он начал вести столь строгую подвижническую жизнь, что скоро был избран на должность игумена этой обители. В это самое время младший из семи сыновей Льва, Константин, – так в миру назывался преп. Кирилл, – пребывал еще в доме родителей. С малых лет он обнаружил необычайные дарования. Как сын высокого государственного сановника, Константин взят был ко двору императора Михаила III. Близость к царю не помешала ему заниматься науками, которые он полюбил сердечно.

Ради наук Константин отказался даже от мира с его радостями. Молодой инок назначен был на должность книгохранителя при Софийском столичном соборе, и он не замедлил заявить о себе, как об ученом муже. Его стали именовать философом. Когда император Михаил имел нужду послать к сарацинам ученого мужа для бесед о вере, то выбор его остановился на Константине. И он исполнил это поручение блестящим образом. В столице ожидали его почести, а он от них отказался и, покинув должность книгохранителя, ушел к брату в монастырь на Олимпе.

Но недолго братьям пришлось наслаждаться тишиною монастырской жизни. Их ждал апостольский подвиг среди славян.

Моранский князь Ростислав обратился в Константинополь с просьбою прислать в Моравию проповедников, знающих славянский язык. Импер. Михаил III с патр. Фотием назначил послать к ним Кирилла и Мефодия. Пред отправлением своим в Моравию св. братья, для большего успеха проповеди составили славянскую азбуку и перевели на славянский язык избранные чтения нового завета и некоторые богослужебные книги. С такими пособиями они учредили в Моравии богослужение на славянском языке и стали поучать народ Христовой вере на понятном для всех языке. Моравы с радостью принимали проповедь Христову. Но появление греческих проповедников в Моравии между славянами было крайне неприятно немецким епископам.

Позавидовав успеху св. братьев, они восстали против перевода св. книг на славянский язык, утверждая, что следует читать евангелие только на трех языках, на которых была начертана надпись на кресте Господнем, – на еврейском, греческом и римском. Константин возражал им, говоря, что если Бог по милости Своей даровал всем воздух и дождь, солнцу повелевает сиять для всех, то тем более Он не желает лишить никого высшего блага знания и понимания Его закона.

Но епископы не удовлетворились этим ответом и принесли папе Николаю I жалобу на учителей славян, обвиняя их в ереси. Николай потребовал их к себе на суд. Константин и Мефодий повиновались и отправились в Рим, взяв с собою часть мощей св. Климента. Папа Николай I, не дождавшись их, скончался. Преемник его, папа Адриан принял св. проповедников с почетом, одобрил переводы их и дозволил в самом Риме отправлять богослужение на славянском языке.

Вскоре по прибытии в Рим, Константин, изнуренный трудами и долгим путешествием, тяжело заболел. Предчувствуя близкую кончину свою, он пожелал принять схиму, причем был назван Кириллом. Болезнь его продолжалась около двух месяцев. Хотя он оставлял мир без сожаления, но успех начатого дела был близок его сердцу. Призвав Мефодия, он завещал ему не оставлять дела просвещения славян. «Брат, – говорил он ему, – мы с тобой были, как дружная пара волов, возделывающих одну ниву; и вот я падаю на бразде, рано окончив день свой. Ты возлюбил уединение на горе Олимпе, но молю тебя, не оставляй начатого дела, ибо сим подвигом ты более можешь угодить Богу». Потом, подняв глаза к небу, он стал пламенно молиться о просвещенных им племенах. Просветитель славян отошел к Господу, имея только 42 г. отроду, но изнуренный болезнью и трудами.

Похоронив брата, Мефодий опять отправился на проповедь в Моравию. Здесь он со своими учениками продолжал переводы, заводил школы, учил грамоте и слову Божию князей и всех, кто желал учиться. Славянская письменность и богослужение быстро распространялись в Моравии. Несмотря на клеветы и доносы в Рим, куда он должен был отправиться в другой раз и где был принят так же, как и в первый, и рукоположен в архиепископа Моравии, несмотря на двухлетнее заключение в темнице, святитель неутомимо продолжал начатое дело. Из Моравии христианство еще при жизни св. Мефодия, проникло в Богемию, а отсюда в X в. в Польшу. Но со смертью (885 г.) Мефодия его дело было разрушено латинским духовенством. Богослужение опять введено латинское, книги славянские запрещены, а ученики изгнаны из этих госу-

дарства они основались в Болгарии и сюда принесли с собой плоды своих многолетних трудов.

§ 32. Крещение Руси. Аскольд и Дир. Равноапостольные кн. Ольга и кн. Владимир

По преданию, занесенному даже в древние списки нашей летописи и часто повторяемому впоследствии, начало христианства в пределах России восходит еще к временам апостольским. Именно св. Андрей Первозванный, когда был в Крыму, задумал идти в Рим Днепром. Случайно остановился он для ночлега у берега под теми горами, на которых впоследствии построен был Киев, а утром, заметив их, изрек следующее предсказание своим спутникам: «Видите ли эти горы? Смотрите, ибо на этих горах возсияет благодать Божия, имеет быть построен на них великий город, и Бог воздвигнет на них многие церкви»; затем взошел на одну из гор, благословил, помолился и водрузил крест¹¹. Пророчество апостола сбылось. Киев, мать русских городов, стал для Руси колыбелью православной веры и просвещения.

Киевские князья Аскольд и Дир первые приготовили путь христианству в России. В 866 г. они с войском на 200 судах спустились вниз по Днепру, проплыли Черное море и подступили к самому Константинополю. Объятые ужасом, жители всю надежду возложили на Господа Бога и Пречистую Деву. Целую ночь молились во Влахернском храме, и на другой день патр. Фотий вынес из храма ризу Богоматери и погрузил ее в море. В это мгновение поднялась страшная буря и разбила большинство русских судов. Аскольд и Дир с немногими спасшимися дружинниками познали всемогущего истинного Бога и приняли св. крещение.

После Аскольда и Дира не видим замечательных обращений до св. Ольги. Ольга была супруга второго русского князя Игоря и по смерти его, за малолетством сына своего Святослава, управляла русской землей. При ней в Киеве было много христиан, которые имели свою церковь св. пророка Илии. Одаренная умом светлым и проницательным, Ольга скоро поняла превосходство христианской веры перед языческой и пожелала быть христианкой. Для этого с большой свитой она отправилась в Константинополь. Патриарх сам наставил ее в христианской вере и потом крестил, а император был ее восприемником в купели.

По возвращении в Киев, Ольга прожила 12 лет и все это время посвятила проповеди о Христе своим подданным; уговаривала и сына своего Святослава принять св. крещение, но он и слышать об этом не хотел – учение о любви и мире было не по душе воинственному князю. Но это

увлечение военными успехами невольно послужило к пользе христианства. Святослав постоянно находился в походах и не мог поэтому обращать внимание на воспитание своих сыновей, а Ольга, пользуясь его постоянными отлучками, знакомила своих внуков с христианской верой. Это знакомство впоследствии принесло обильный плод в младшем ее внуке Владимире.

В молодости Владимир был ревностным язычником. Он любил ставить в Киеве на видных местах идолов, любил приносить богам жертвы, даже человеческие, которые выбирались по жребию. Раз жребий пал на сына одного варяга христианина, жившего в Киеве. Посланы были люди, чтобы взять у отца мальчика, обреченного в жертву. Но отец не дал своего сына и даже надругался над идолами. Он сказал народу: «Ваши боги – дерево, сегодня стоять, а завтра сгниют. Если они боги, то пусть сами возьмут моего сына». Рассвирепевший народ в ярости убил и отца и сына. Это были первые мученики христиане в Киеве (Феодор – отец, Иоанн – сын).

Однако кн. Владимир задумался над словами варяга и стал сомневаться в языческой вере. Об этом узнали камские болгары – магометане, немцы, евреи и греки; все они прислали к Владимиру своих послов спросить, не примет ли он их веру. Владимиру понравилась только греческая вера. Греческий проповедник рассказал Владимиру священную историю, показал картину страшного суда, на которой было нарисовано, как праведники, стоящие на правой стороне, идут в рай, а грешники – на левой стороне, идут в ад. Владимир сказал: «Хорошо тем, которые по правую сторону, и худо тем, кто на левой». – «Крестись, если хочешь быть на правой стороне», сказал грек. Задумался Владимир. «Подожду еще немного», промолвил он и, щедро одарив греков, отпустил их.

После этого Владимир созвал бояр и старейшин города, рассказал им, что говорили ему послы и просил у них совета. Бояре и старейшины сказали: «Сам знаешь, князь; всяк свое хвалит. У тебя есть мудрые мужи, пошли их разведать, как служат Богу разные народы». Владимир послал из лучших и смысленных мужей к камским магометанам, к немцам, грекам, чтобы они посмотрели их богослужение. Этим послам понравилось только греческое богослужение в Царьграде, где они видели архиерейскую службу, в великолепном соборе, при стройном пении большого хора певчих. Возвратившись в Киев, они сказали князю и боярам: «Мы не знаем, где мы были: на небе или на земле. Как всякий человек, вкушивший сладкого, не захочет горького, так и мы не хотим другой веры, кроме греческой». На эти слова приближенные князя сказали: «Если бы худ был

закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрейшая из людей». Тогда Владимир решил принять греческую веру. Но ему не хотелось просить у греков крещения, как милости. Он начал с ними войну и завоевал у них город Корсунь в Крыму. Потом он потребовал от греческих императоров, Василия и Константина, чтобы они выдали за него сестру свою Анну. Императоры ответили, что христианке нельзя быть женою язычника, и Владимир изъявил желание креститься. Царевна Анна прибыла в Корсунь, и Владимир принял крещение в этом городе. Его примеру последовала и дружина.

Прибыв в Киев, Владимир прежде всего крестил своих детей и близких людей. Потом он приказал сжечь идолов. Идол Перуна был сташен с горы и брошен в Днепр. После этого Владимир послал по городу вестников призвать весь народ к Днепру для крещения. «Кто не придет на реку, тот будет считаться врагом князя», говорили они. На другой день утром в назначенное место собрались все киевляне, и произошло общее крещение народа (988 г.). «Тогда, – по слову благочестивого летописца, – земля и небо ликовали, видя множество спасаемых».

Крещением Киева, конечно, не мог ограничиться Владимир. Христианство он хотел ввести во всем своем государстве. Для этого сам он объезжал Русь вместе с духовенством, сыновьям и посадникам давал приказы насаждать христианство. Духовенство ревностно помогало ему в этом деле. Еще первый киевский митр. Михаил, в сопровождении нескольких епископов, и Владимиров дяди Добрыни, посещал Новгородскую и Ростовскую области, ниспровергал идолов, ставил церкви и к ним духовенство и «многих крестил». Вероятно, он делал то же и в других областях, особенно в киевской; не даром в одном из памятников XVII в. сказано о нем, что он обходил «и всю землю русскую». После Михаила († 991 г.)¹², когда при втором нашем митр. Леонтии появляются русские епархии с епископом во главе, дело распространения христианства, как нужно думать, пошло энергичнее. Епископы, естественно, должны были считать прямой обязанностью умножать свою паству нарочитым и миссионерским трудом. О некоторых из них положительно известно, что они выполняли эту обязанность.

Духовенству в деле миссии содействовала и местная гражданская власть, получавшая в этом духе инструкции от центрального великокняжеского стола. Есть исторические предания, что св. Борис содействовал утверждению христианства в Ростове; св. Глеб пытался, хотя напрасно, просветить муромцев.

Благодаря такому согласному действию духовной и светской власти,

«вся земля наша при Владимире стала, – по выражению древнего писателя, – славить Христа с Отцом и Св. Духом ». Из пределов России христианство при Владимире стало переливаться и к соседним народам – волжским болгарам и печенегам, хотя, конечно, не больше, как мелкими и прерывистыми струйками.

Доброе влияние христианства было видно на самом кн. Владимире. После крещения он перестал воевать, сделался добрым, воздержанным и милостивым: он не хотел наказывать даже разбойников, говоря: „Боюсь греха“; для бедных, вдов, сирот он строил приюты, и позволил им приходить в свой двор за пищей, одеждой и деньгами; а тем бедным, которые по болезни или по старости не могли ходить, он велел отвозить все нужное. Русская церковь причислила Владимира и бабушку его Ольгу к лику святых за праведную жизнь их после крещения и назвала их равноапостольными за их труды на пользу христианской веры.

Монастыри на Руси стали появляться после принятия русским народом христианства. При Ярославе Мудром их было уже несколько. Одни монастыри устраивались князьями, другие – боярами; были и такие, которые основывались бедными иноками. Самым главным монастырем в древнее время был Киево-Печерский. Основателем его был преподобный Антоний, а устроителем – преп. Феодосий.

Преп. Антоний родом был из г. Любеча. Он рано почувствовал призвание к иноческой жизни и удалился на Афонскую гору, которая славилась своими подвижниками. Там он постригся в монахи и своими подвигами обратил на себя внимание игумена. Игумен посоветовал Антонию возвратиться в Россию и предсказал ему, что «от него произойдут многие черноризцы». Антоний прибыл в Киеве и облюбывал себе гору на высоком берегу Днепра, в трех верстах от города. Он нашел здесь пещеру и стал подвизаться в ней в посте, молитве и трудах. Скоро собралось около него человек 15 других подвижников, искавших уединения. Они выкопали в той же горе пещеры, построили церковь и обвели все это забором. Таким образом возник Печерский (пещерный) монастырь. Но Антоний скоро затворился в своей пещере и предоставил другим устраивать внутреннюю жизнь монастыря. Это взял на себя Феодосий.

Преп. Феодосий с юных лет имел влечение к монашеской жизни. Он три раза убежал из дому, чтобы поступить в монастырь; но мать отыскивала его в: возвращала в свой дом. Наконец 14-ти лет он пришел в Киев и упросил Антония принять его в свою пещеру. После долгих поисков мать опять нашла Феодосия, но уже не могла взять его домой;

напротив, по его совету, она сама отказалась от мирской жизни и поступила в женский монастырь.

Сделавшись игуменом Печерского монастыря, Феодосий ввел в нем устав, по которому все иноки носили одинаковую одежду, обедали за общим столом и не могли иметь никакой собственности. Если Феодосий находил у монаха что-нибудь в келье сверх положенного, то уничтожал.

О материальном обеспечении себя не заботились ни игумен, ни братия. Случалось, что с вечера иноки не знали, чем они будут питаться завтра. При всем том монастырь помогал нищим. Когда же явились средства, Феодосий устроил особенный двор, где на его попечении жили нищие, слепые, хромые и больные. Кроме того, каждую субботу из монастыря отсылался воз с хлебом по тюрьмам.

Для братии своей Феодосий был во всем примером. Его никогда не видели праздным. Он носил воду, рубил дрова, работал в пекарне, ел один сухой хлеб. В келье своей он держал расслабленного, чтобы ходить за ним. Одежду носил в заплатах, так что в нем никто не узнавал игумена. Много было подвигов смирения и любви Феодосия. Вот, напр., поймали в монастырье воров; увидев их связанными, Феодосий прослезился, дал им наставление, снабдил всем нужным и отпустил на свободу. Раз перед обедом ему сказали, что никто не приготовил дров для кухни: он приказал братии идти обедать, а сам стал рубить дрова. Однажды слуга князя, везший Феодосия в монастырь, сказал ему: «Дай мне отдохнуть в колеснице, а сам сядь на коня». Феодосий беспрекословно уступил ему свое место, а сам то ехал верхом на коне, то шел близ него.

Много славных иноков было в Печерской обители. В ней жил первый русский летописец Нестор, подробно рассказавший в своей летописи о начале Руси и о первых русских князьях. Многие печерские иноки составляли поучения для народа, переводили книги с греческого языка, переписывали священные и богослужебные книги или отправлялись проповедовать евангелие племенам, еще не просвещенным истинной верой. Немало в Печерском монастыре жило строгих подвижников, которые затворялись в пещерах и не выходили оттуда по несколько лет. Святость жизни печерских подвижников привлекала русский народ в Печерский монастырь. Богомольные люди со всех концов земли приходили сюда помолиться и получить уроки благочестия.

§ 34. Отношение киевского митрополита к константинопольскому патриарху, к епархиальным епископам и к князьям. Замечательнейшие митрополиты

Со времени утверждения христианства в России, русская церковь является митрополией, состоящей в зависимости от константинопольского патриарха. Зависимость состояла в том, что константинопольский патриарх обыкновенно избирал, посвящал и присылал к нам митрополитов, и это продолжалось до половины XV века, когда греки поработены были турками. Но, избрав и посвятив достойного митрополита, патриарх предоставлял ему управлять делами церкви независимо от константинопольского престола, так что определения киевского митрополита или собора русских епископов не посылались на утверждение патриарху; патриарх предоставлял митрополиту русской церкви даже больше прав, чем экзархам Греции, и потому присылал ему грамоты, но за восковой, а за свинцовой печатью, – это – честь, которой удостоивались только царственные лица и патриархи. Но в важных обстоятельствах митрополит киевский всегда сносился с патриархом константинопольским и сам в свою очередь являлся иногда на константинопольские соборы. Суд над митрополитом принадлежал патриарху и его собору.

Митрополит обыкновенно посвящал епископов и пользовался правом суда над ними; но в свою очередь и сам он в случаях важных ничего не решал один без собора епископов.

Князь обыкновенно называл митрополита отцом своим, а митрополит князя – сыном. Митрополит никогда не вступался в дела гражданские сам по себе и никогда не выдавал себя за судью князей, но сами князья при взаимных распрях нередко передавали дела свои на рассуждение митрополиту и выслушивали его, как дети отца. В бедственные времена междоусобий митрополиты или сами старались прекращать кровопролитные распри князей или с этой целью отправляли епископов на место раздора.

Наиболее замечательными митрополитами до монгольского ига были св. Михаил, об апостольской деятельности которого мы уже говорили, и св. Иларион.

Св. Иларион был прежде старшим священником в селе Берестове, где

находился летний дворец вел. кн. Ярослава и был известен князю как постник, муж добродетельный и просвещенный. Не довольствуясь священническим служением, он налагал на себя особенные подвиги. Из Берестова часто удалялся он на соседнюю гору, покрытую тогда дремучим лесом, выкопал себе там пещерку в 2 сажени и в ней предавался уединенной молитве и богомыслию, удаляясь от шума житейского. Такие подвиги располагали к нему благочестивого князя и возвышали его в общем мнении народа.

В 1051 году Ярослав собрал собор епископов в Киеве и предложил им посвятить Илариона в сан митрополита. Тогда в первый раз первосвященник русский был избран и посвящен собором русских святителей, по воле русского самодержца, и из природных русских; в первый раз обнаружилась мысль, что и наша церковь, подобно многим другим, может сделаться независимой в собственном управлении, не нарушая ни канонов церковных, ни уважения к патр. цареградскому. О пастырских подвигах святителя Илариона не сохранилось подробных сведений, но преп. Нестор замечает, что тогда «вера христианская начала плодиться». В правление Илариона развивалось устройство церковного богослужения, и пришли из Греции певцы для обучения русских стройному пению. Тогда же начало процветать русское духовное просвещение: сам Иларион написал слово о законе и благодати, направленное против иудеев, похвалу равноапостольному Владимиру и исповедание веры.

Блаженный Иларион преставился около 1067 г., проведя несколько последних лет в схиме, в пещерном монастыре. Мощи его нетленно почивают в Киево–Печерской лавре.

§ 35. Состояние церкви русской во время татарского порабощения. Мученики за веру Христову

В XIII веке Россию постигло страшное бедствие. Подобно жестокой буре пронесли по нашей родине полчища татар. Падали города, разграблялись, разрушались и сжигались храмы и монастыри, уничтожались христианские святыни и богослужебные книги. Татары не знали пощады. Тысячами избивали людей, не разбирая ни пола, ни возраста, предавая при этом несчастных всевозможным истязаниям и поруганиям.

– «Какое благо выше всех на земле?» – спросил однажды, уже в преклонных летах, Чингизхан¹³ своих вельмож.

Один указывал на одно, другой – на другое. Покачал головой старый хан и ответил следующее:

«Все не то... Нет, счастливее всех тот, кто гонит перед собой разбитых врагов, грабит их имущество, скачет на конях их, любит слезами людей им близких и целует их жен и дочерей»¹⁴.

В этом ответе – целая характеристика татар.

Утешительно было лишь то, что враги не тронули православной веры. Татары были сперва язычники, и относились терпимо ко всем религиям, думая, что этим привлекут к себе и чужих богов. В Золотой Орде были храмы и представители всех вер, отправлялись службы всем богам, в том числе служилась и православная обедня. Русских людей татары не принуждали менять веры, отрекаться от веры отцов и дедов. Они только требовали, чтобы русские, когда приезжают в Орду, соблюдали татарские порядки: проходили через очистительный огонь, прежде чем идти к хану, и кланялись ханскому изображению. По понятиям христианским, это есть уже измена св. вере, и некоторые из наших князей решились скорее потерпеть смерть, чем выполнять эти языческие обряды. Таков был св. благоверный кн. черниговский Михаил с боярином его Феодором († в 1246 г.).

Когда князь отправлялся на поклон к хану, его духовник напутствовал такими словами: «Некоторые князья наши погубили свои души, пройдя через огонь и поклонившись солнцу. Ты же, сын мой, когда будешь в Орде, не подражай им, остерегайся языческих обычаев и твердо исповедуй христианскую веру». – «Я желаю пролить кровь мою за Христа и истинную веру, – отвечал князь, – и да помогут мне молитвы твои». Таких же мыслей был боярин Феодор, сопровождавший в Орду Михаила.

По прибытии в Орду, жрецы, действительно, предложили им исполнить обычные обряды. На это Михаил сказал: «Царю вашему я могу поклониться, ибо ему вручена судьба государств, огню же и идолам не должен кланяться христианин». Батый, узнав об этом, разгневался и послал к Михаилу своего приближенного с требованием исполнить все обряды. В орду вместе с Михаилом прибыл внук его, князь Борис ростовский, со своими боярами; они упрашивали Михаила покориться и хотя наружно совершить требуемое поклонение. Но Михаил твердо ответил: «Я не хочу быть христианином только по имени».

Явились убийцы, посланные ханом. Они бросились на Михаила, схватили его, растянули на земле и начали жестоко бить палками. Долго длилось это зверское истязание; наконец один отступник от христианства сжалился над мучеником и, чтобы прекратить страдания, отсек ему голову мечом. Последние слова Михаила были: «Я – христианин ». Пока продолжалось истязание, Феодор ободрял князя, напоминая ему, что он умирает, как должно христианину, что земные муки не продолжительны, а небесная награда бесконечна. Когда скончался Михаил, убийцы стали уговаривать Феодора к покорности, обещая ему почести и наследство убитого князя. Но Феодор отвечал с твердостью: «Не хочу я наследства князя моего, не хочу и милостей хана; хочу пострадать за Христа, как пострадал мой князь». Убийцы начали мучить Феодора, как мучили Михаила, и, наконец, обезглавили его. Не прошла бесследно для Руси мученическая кончина Михаила и Феодора: после этого русских князей при приеме в Орде уже не принуждали к выполнению языческих обрядов. Сам Батый удивлялся твердости Михаила и, выслушав о нем донесение вельмож, сказал: «Это великий человек!»¹⁵

§ 36. Митрополиты Кирилл 2-й, Петр и Алексей

В период татарского порабощения пастыри церкви деятельно помогали князьям: они не раз свои и церковные имущества обращали на нужды страдавшего народа, не раз одушевляли князей и народ решимостью стоять крепко против врагов отечества, не раз и сами они отправлялись в Орду ходатайствовать за Россию.

Наиболее замечательными митрополитами во время монгольского ига были: Кирилл 2-й, Петр, Алексей и Иона.

Митр. Кирилл 2-й (1243–1280 гг.) управлял церковью при самом начале монгольского ига. Много скорбей и трудов ожидало первосвященника на его высоком поприще. В Киеве он не мог найти для себя приюта и пристанища. Кафедральный Софийский собор и митрополичий дом были разорены и опустошены; знаменитая печерская обитель, также разоренная, была покинута иноками; во всем городе едва насчитывалось домов 200, да притом Киев постоянно подвергался набегам татар. Нужно было митрополиту избрать для себя новое местопребывание, и Кирилл решился остановиться во Владимире Суздальском, не переноса, однако ж, сюда митрополичьей кафедры.

Другой, важнейшей заботой митрополита Кирилла была забота о благоустройении духовенства и всей паствы. С этой целью он предпринимал свои частые путешествия по России и, проходя города и селения, «по обычаю своему учил, наказывал, исправлял». Он всюду встречал не только развалины жилищ, храмов и обителей, не только бедствия и слезы соотечественников, но, к сугубому прискорбию, и разные беспорядки, церковные и нравственные, вкравшиеся или утвердившиеся посреди всеобщего расстройства, произведенного нашествием монголов. Епископы редко обзревали свои епархии; на священнические степени возводились лица без надлежащего внимания к их достоинствам; в совершении божественной литургии и других служб допускаемы были произвольные отступления от древнего чина; народ предавался играм и обычаям, противным духу веры. Желая искоренить все это, митрополит воспользовался собранием епископов, бывшим во Владимире в 1274 г., вместе с собором постановил правила, которые доселе остаются памятником его пастырской мудрости и ревности к своему долгу.

Нужно еще было митрополиту Кириллу отстоять и защитить права духовенства и вообще русской церкви перед монгольскими ханами. Не знаем, путешествовал ли сам Кирилл в Орду, как путешествовали его

преемники, чтобы испросить ярлык ханский в охранение от татар веры и привилегий своих и всего клира; но древнейший из ярлыков, дошедший до нас, дан был именно Кириллу ханом Мангу–Темиром. В своем ярлыке хан освобождал черное и белое духовенство от дани и от других поборов: «Пусть, – писал он, – беспечно молятся за него и его, ханов, племя». Здесь же хан воспрещал хулить православную веру: «Кто будет хулить веру русских или ругаться над нею, тот ничем не извинится, а умрет злою смертию». Пользуясь веротерпимостью монголов, Кирилл в самой столице ханов – Сарае учредил православную епископию, поставив на нее епископом Митрофана.

Преемником Кирилла был *бл. Максим* (1283–1305 г.). В житие его повествуется, что по прибытии его во Владимир, Сама Богоматерь явилась ему во сне и одобрила его намерение поселиться в Ее граде. Так сделан был первый решительный шаг к перенесению митрополии на север. На юге, в Галиче, должны были, конечно, неблагоприятно отнестись к этому переселению митрополита. И, действительно, вел. кн. Юрий Львович, управляющий Вольной и Галичем «восхотел галическую епископию в митрополию претворити», и отправил в Царьград своего кандидата на эту митрополию св. Петра. Но патриарх, после смерти Максима, поставил Петра митрополитом не галическим, а всея России.

Св. Петр (1308–1326 г.) родом из Вольни, с 12 лет поступил в монастырь и удивлял братию своим послушанием и подвигами; потом после многих лет монастырского подвижничества он ушел в уединение на реку Рату и основал свой монастырь.

Сделавшись митрополитом, он только проездом остановился в Киеве и отправился прямо на север. В северной Руси шла тогда сильная борьба из-за великокняжеского достоинства между тверским и московским князьями. Став на стороне московского князя, митрополит на первых же порах возбудил против себя вражду в Твери. Тверской епископ Андрей оклеветал святителя, вследствие чего для суда над ним был созван собор в Переяславле. Клевета, однако, скоро обнаружилась, но смиренный святитель от души простил ее виновника Андрея, сказав ему: «Мир тебе, чадо, не ты сотворил это, а диавол».

Между тем в Орде произошла важная перемена, на которую должен был обратить особенное внимание митрополит. В 1313 г. там сделался ханом Узбек, и первый из ханов принял магометанство. С объявлением магометанства, известного своим фанатизмом, господствующей верой в Орде, нельзя было рассчитывать на продолжение прежних отношений ханов к православии. Св. Петр счел нужным отправиться в Орду. К

счастью, старая языческая терпимость не вдруг пропала между новыми исповедниками

Магомета; митрополита приняли по-старому с честью и отпустили с новым ярлыком. Кроме прежних льгот, здесь прибавлены были еще новые льготы относительно церковного суда: все церковные люди подчинены суду митрополита по всем делам, не исключая уголовных.

Самым важным из дел святителя было переселение его в Москву: он положил прочное основание мира и будущего великой России, когда перенес первосвятительскую кафедру из Владимира в Москву и принес с собой новой столице русской Божие благословение. Жизнеописатель святителя Петра повествует, что в Москву привлекла его любовь к князю Иоанну Даниловичу, известному миролюбием, набожностью и щедростью к бедным. В 1325 г. св. Петр был уже в Москве, где по его желанию происходила закладка храма в честь Успения Пресв. Богородицы. Убеждая князя к сооружению этой соборной церкви, св. Петр пророчески говорил ему: «Сын мой, если послушаешься меня, то и сам прославишься с родом твоим более других князей, и град твой будет славен перед всеми градами русскими, и святители поживут в нем, и взйдут руки его на плечи врагов его, и прославится Бог в нем».

Князь с усердием приступил к совершению дела богоугодного: быстро воздвигаемы были стены храма. Но еще скорее приближался к концу своему блаженный святитель. Он успел только заложить себе каменный гроб в новой церкви, но не освятил его.

Святитель преставился 21 декабря 1326 г. Мощи его положены были в гробницу, которую он сам себе приготовил. Вскоре начало сбываться пророчество святителя. При любимом его князе Иоанне Москва стала возвышаться над старинными городами; первосвятители утвердились на кафедре московской. Единодержавная власть вел. кн. московского возрастала и усиливалась в потомстве Иоанна и облеклась, наконец, порфиroy царскою.

Св. *Алексий* (1354–1378 г.), сын черниговского боярина Феодора Баконта, на 13 году от рождения удалился в московский Богоявленский монастырь и здесь постригся в монахи. Митр. Феогност, преемник св. Петра, обратив внимание на добродетельного инока, приблизил его к себе и незадолго до своей кончины рукоположил в епископа владимирского, а потом назначил его своим преемником. В сане митрополита св. Алексий был ближайшим советником и помощником московских князей в управлении ими государством, но с особенным блеском его патриотическая деятельность раскрылась при малолетнем московском

князе Дмитрие Иоанновиче, когда святитель, по полномочию еще покойного отца князя, выступил правителем государства. Находясь под гнетом монгольского ига, раздробленная на уделы, Русь до того времени терзалась внутри междоусобиями князей, боровшихся друг против друга и в частности против московского князя. Св. Алексей, желая блага отечеству, поставил своей задачей государственной деятельности уничтожить междоусобия внутри страны, утвердить единоедержавие московского князя. С этой целью он не однажды путешествовал к ханам в Орду и влиял на удельных князей словом мира и любви. В крайних же случаях, когда не действовало убеждение, он, движимый любовью к родине, не останавливался перед исключительными средствами, находившимися в его распоряжении, как первосвятителя русской церкви: он предавал временному церковному отлучению удельных князей, наносивших своими междоусобиями слишком большой ущерб миру и благосостоянию страны; такая участь постигла, например, князей: тверского, смоленского и суздальского. Своей патриотической деятельностью св. Алексей настолько укрепил силы московского князя, что Дмитрий Иоаннович, через три года после смерти святителя, выступил на Куликовом поле против монголов, зависимость от которых лежала на св. Руси тяжелым и позорным ярмом. И удельные князья после святителя уже не оспаривали у московских князей право на московский великокняжеский престол.

Еще при жизни св. Алексей просиял славою чудес. Случилось, что заболела любимая жена хана Чанибека, Тайдула, и, наконец, лишилась зрения.

Между тем хан слышал о святой жизни и о чудесах св. Алексея и просил вел. князя прислать митрополита для исцеления больной его жены, угрожая, в противном случае, опустошить русскую землю. Отказываться было невозможно. Св. Алексей возложил упование на Господа и отправился к хану. Перед отправлением в путь он получил утешительное знамение: во время напутственного молебна сама собою зажглась свеча перед мощами св. Петра. Свечу эту св. Алексей взял с собой, совершил в Орде молебное пение, окропил больную святой водой, и она получила здравие и зрение. В память этого чуда св. Алексей построил монастырь в Кремле на земле, подаренной Тайдулой, и названный Чудовым.

Не успел еще успокоиться св. Алексей от первого путешествия, как должен был снова ехать в Орду. Новый хан, Бердибек, требовал от русских князей новой тяжелой дани, угрожая, в противном случае, войной. Святитель Алексей при помощи исцеленной Тайдулы умилиствовал хана и

даже получил новый ярлык, подтверждавший права церкви и духовенства.

Святитель скончался в 1378 г. Его мощи почивают в Чудовом монастыре.

§ 37. Преподобный Сергей Радонежский. Троице-Сергиева лавра

В княжение Ивана Калиты, в городе Радонеже, близ Москвы, жил один боярин, у которого было три сына. Средний сын Варфоломей (мирское имя Сергия) с самых ранних лет тяготился мирской жизнью и стремился в пустыню, чтобы там в посте и молитве жить только для Бога и спасения души. Но родители удерживали сына, просили не покидать их на старости; кроткий Варфоломей не решился бросить стариков и жил с ними до самой их смерти. Похоронив родителей, он вместе со своим братом Стефаном ушел искать места для пустынножительства. После долгих поисков они нашли, наконец, в 60 верстах от Москвы, место, которое им понравилось. На берегу речки они выстроили себе келью и маленькую церковь во имя Св. Троицы.

Жутко было жить в диком лесу, где подолгу не случалось видеть человеческого лица, где ничего не было слышно, кроме завывания зверей. Не выдержал такой жизни Стефан и ушел в Москву. Сергей остался один. Еще страшнее и тоскливее стало вокруг кельи; одни дикие звери заглядывали к пустыннику; но он не боялся их и кротостью своей приручал их. Жил он так два года, пока слава об его святой жизни не распространилась далеко вокруг. Стали приходить к нему любители уединения с просьбой дозволить поселиться в его пустыни. Сергей не отказывал; таким образом, собралось вокруг него 12 подвижников и основался монастырь; братия заставила Сергия принять сан пресвитера и игумена.

Стоя на страже обители, игумен Сергей был живым примером всех иноческих добродетелей: он сам рубил дрова, носил воду, пек просфоры. Работая больше всех, он в то же время для всех служил образцом смирения, успевая каждому оказать услугу вовремя, к каждому приходя на помощь в его труде. Проводя день в молитвах и трудах, игумен Сергей ночью обходил кельи монахов и, если замечал что-нибудь несогласное с монашескими обетами, на другой день призывал провинившегося и кротко увещевал его.

Вначале обитель преподобного была очень бедна; самое необходимое приходилось добывать тяжелыми трудами. Одежда у монахов и у самого Сергия была очень грубая и бедная; домашняя утварь и даже церковная – вся деревянная. Ее и теперь можно видеть в ризнице Троице-Сергиевой лавры. Но так длилось недолго. Слава о Сергии и его обители быстро

разносились; множество богомольцев стало стекаться к нему. Между приходящими было много богатых людей, они приносили с собою драгоценные дары и украшали церковь. Мало-помалу монастырь разбогател; но Сергей и его ученики хранили святую нищету. Доброхотные пожертвования шли на благотворительность: при обители устроился странноприимный дом; бедняки и болящие находили там приют и помощь.

Не только простой народ, но и бояре любили и уважали св. Сергия. Пользовался он доверием и почетом и у князей: мирил их во время ссоры, давал советы при тяжелых обстоятельствах. Не раз посещал обитель вел. кн. Димитрий Донской. Преп. Сергей благословил его на Куликовскую битву, дал ему в сподвижники двух иноков и обнадежил его помощью Божией. Престарелый святитель Алексей хотел назначить преп. Сергия своим преемником. Призвав его, он надел на него золотой крест и открыл свое желание. Но смиренный подвижник решительно отказался от этой чести. «От юности, – сказал он, – я не был златоносцем, в старости же тем более хочу остаться в нищете». Долго убеждал его митрополит. «Прости меня, – решительно сказал ему преподобный, – ты хочешь возложить на меня бремя выше сил моих. Ты не найдешь во мне, чего ищешь, ибо я человек грешный».

Еще заживо прославляли в Сергии дар чудес, его прозорливость и силу молитвы. Один инок видел небесный огонь на престоле, на котором Сергей совершал литургию; другой видел сослужащего с ним ангела. Незадолго до кончины Сергей в присутствии своего ученика Михея был посещен Богоматерью, Которая сказала ему: «Не бойся, избранник Мой! Молитва твоя о месте сем услышана; при тебе и после тебя неотступна буду от обители твоей». 25 сентября 1392 г. почил великий святой, на 79 г. жизни.

Обитель св. Сергия сделалась первой святыней Москвы и образцом для других монастырей; при жизни Сергия и после его кончины через его учеников она распространила от себя во все стороны множество новых обителей и целой сетью их охватила всю северную Русь, стягивая их к одному центру – Москве.

§ 38. Просвещение Перми св. Стефаном

В нынешней Пермской губернии и соседних землях жили в старину разные племена, которых русские называли общим именем зырян. Эти зыряне верили в злых и добрых духов, кланялись идолам и приносили им жертвы. Хотя они платили дань русским, но до XIV века никто не позаботился об их просвещении.

Наконец один инок, по имени Стефан, сжалился над несчастным народом, не знавшим Бога, и взялся за святое дело просвещения пермской земли.

Св. Стефан родился в городе Устюге, Вологодской губернии. Есть предание, что Прокопий, устюжский чудотворец, встретив однажды на церковной паперти трехлетнюю девочку, которую звали Марией, поклонился ей до земли и сказал: «Вот идет мать Стефана, епископа пермского». Эта девочка, когда подросла, вышла замуж за благочестивого церковнослужителя и сделалась матерью Стефана.

С самых ранних лет Стефану приходилось часто видаться с зырянами, которые приезжали в Устюг для торговли и, таким образом, мало-помалу он научился языку их. Пришедши в возраст, Стефан пожелал быть монахом, отправился в Ростов и вступил в монастырь св. Григория Богослова. Среди трудов иноческого жития его не оставляла мысль о несчастном народе, лишенном познания истинного Бога, и он, наконец, решился идти проповедовать закон Господень диким зырянам. Зная язык их, он изобрел для них азбуку и перевел на зырянский язык несколько священных книг.

Дело, на которое посвятил себя Стефан, было трудное и опасное. Зыряне неблагоклонно смотрели на всякого, кто приходил к ним из Москвы, потому что чиновники, посылаемые вел. князьями московскими, грабили и обижали их. Языческие жрецы с подозрением следили за проповедником нового учения, боясь лишиться власти над народом и доходов от жертвоприношений, они вооружали зырян против Стефана; но ничто не могло остановить инока. Он с усердием принялся за святое дело и бесстрашно продолжал его, не боясь опасностей. Господь благословил усердные труды Стефана; многие язычники обратились и приняли святое крещение. Стефан ставил в их селениях кресты и малые часовни и потом шел далее, неутомимо проповедуя слово Божие. Самые закоснелые язычники удалялись от его проповеди и уходили в глухие леса, но Стефан безбоязненно шел за ними, чтобы обратить их на путь спасения.

В одном селении Стефан сжег большое идольское капище, где стояли зырянские кумиры. Сбежавшиеся жители с криками и угрозами окружили его; но он и не думал защищаться, а громко молился об обращении язычников и спокойно ожидал смерти. Его спокойствие обезоружило язычников. Многие из них уверовали и приняли святое крещение.

Жрецы, испугавшись успешной проповеди Стефана, послали известить главного волхва зырян Паму. Пама явился и вступил в прения со Стефаном, но Стефан победил его словами христианской мудрости. Наконец Пама предложил ему испытание перед лицом всего народа. При многочисленном собрании народа волхв предложил Стефану пройти невредимым через огонь, чтобы доказать истину веры христианской. Стефан отвечал, что людям не дано повелевать стихиями, но что он готов пострадать за имя Христово. Видя неустранимость Стефана, Пама сам отказался от предложенного испытания. Это раздражило народ, который хотел умертвить его; но Стефан удержал зырян. Победенный Пама обещал более не смущать народ ложным учением.

Успех Стефана весьма много зависел от того, что он обращался к зырянам с проповедью и совершал для них богослужение на их родном языке. Он неутомимо продолжал свой зырянский перевод церковных книг и трудился в их переписке; кроме того, учил зырян грамоте по своей азбуке. Лучших учеников, годных на священнические места, он посылал в соседние епархии для поставления к зырянским церквам, а в 1383 году он и сам был посвящен в епископа. С основанием епархии Пермская страна стала удобно получать священников из природных зырян, и дело просвещения пошло успешнее. Одним из самых сильных средств для привлечения зырян к вере была благотворительная деятельность св. Стефана. В голодные годы он привозил хлеб из Вологды и Устюга для раздачи бедному народу, делал большие ссуды и милостыни из архиерейской казны, испрашивал у вел. князя прощение недоимок, ездил в Новгород с просьбой, чтобы вече обуздало грабежи новгородской вольницы; потом ездил в Москву просить вел. князя об обуздании насилий и поборов княжеских чиновников; он и умер в Москве во время поездки туда в 1396 г. В 18 лет своего апостольства св. Стефан обратил к христианству всю малую Пермь; великая Пермь оставалась еще в язычестве. Преемники Стефана dokonчили дело просвещения Пермского края.

§ 39. Соловецкий монастырь

Сильное стремление к пустынной жизни, начавшееся среди русского общества в XIV столетии, продолжалось и в XV веке.

Из монастырей отдаленного русского севера в это время особенно прославилась Соловецкая обитель. Начало ей положено пр. Савватием и Германом, подвизавшимися 6 лет вдвоем в борьбе с дикой и суровой природой севера, а окончательное устройство со строгим общежительным порядком она получила от первого своего игумена преп. Зосимы, прибывшего на остров после кончины Савватия.

Еще при жизни преп. Зосимы слава о его добродетелях привлекала в монастырь много дикарей, которые принимали крещение, а некоторые даже монашество.

С течением времени Соловецкий монастырь приобрел обширные владения по берегам Белого моря, между поселениями корелов и лопарей. Эти вотчины, населенные русскими, были проводниками русских нравов, обычаев и христианского просвещения в среду инородцев. Кроме того, эта обитель давала специальных миссионеров, которые, не стесняясь трудностями миссионерского дела, среди суровой природы севера, со всей энергией отдавались этому делу.

§ 40. Св. митрополит Иона

Св Иона (1448–1461 гг.), сын благочестивых родителей, будучи 12 лет отроду, принял монашество в одном из монастырей своей родины Галича, а потом переселился в московскую Симоновскую обитель. Здесь однажды св. Фотий митрополит увидел в пекарне юного Иону, который, утомившись от работы, спал, но спал так, что персты правой руки его были положены как бы для благословения. Фотий благословил спавшего инок и предрек: «Этот монах будет великий святитель в странах российских и многих обратит на путь спасения». Так и сбылось. В сане епископа рязанского св. Иона многих в своей епархии обратил к вере Христовой и после кончины митрополита Фотия был наречен собором русских епископов митрополитом российским и отправлен в Грецию для посвящения. Но когда Иона прибыл туда, император и патриарх встретили его сожалением, что он опоздал, что в Россию уехал митр. Исидор, и обещали ему митрополию только после Исидора. Новый митрополит был орудием императора и патриарха, замысливших унию с Римом, потому едва явился в Россию, как начал собираться на Флорентийский собор. На соборе этом он выступил самым ревностным борцом за папу и унию. На возвратном пути Исидор еще с дороги разослал по России окружное послание об унии, призывая христиан обоих исповеданий безразлично ходить и в православные и в латинские храмы, приобщаться одинаково и в тех и в других. На первой же литургии в Москве он явился с преднесением латинского креста, поминал папу вместо патриархов и пр. Вел. кн. Василий 2-й тут же в соборе назвал его «латинским прелестником, волком» и велел посадить его под стражу, но Исидор из-под стражи бежал в Рим. Это был последний митрополит грек в России.

После свержения Исидора вел. кн. послал было в Грецию послов с прошением о поставлении Ионы, но узнав, что император с патриархом приняли унию, воротил свое посольство назад. Дело о поставлении Ионы замедлилось вследствие усобиц, начавшихся у кн. Василия с двоюродными братьями. Только в 1448 году святитель Иона собором русских епископов поставлен был в сан митрополита.

В Грецию была написана грамота, в которой объяснялось, что русская церковь не разрывает союза с греческой, что поставление митрополита совершенно теперь в России по великой нужде от турок, по неудобству сношений, да и потому, что в России неизвестно даже, есть ли патриарх в Царьграде. В 1453 г. Царьград взят был турками. Иона утешил патр.

Геннадия посылкой даров и просил благословения. Вероятно, в это время русской церкви дано было право поставлять митрополита независимо от греческой церкви; русская митрополия сделалась самостоятельной и поставлена была первой после иерусалимского патриархата.

Во время своего святительства Иона ревностно трудился на благо церкви и много содействовал соединению русского государства и охранению его от врагов. Управляя церковными делами, Иона помогал вел. кн. Василию Темному в борьбе с мятежными удельными князьями, особенно с Димитрием Шемякой. В окружной грамоте он обличал клятвопреступление Шемяки, убеждал всех быть верными вел. князю, а некоторым угрожал проклятием. Когда вел. кн. воевал с татарами, Иона увещал удельных князей и народ общими силами бороться с врагом. «Кому случится умереть на той брани, – писал он им, – те, подобно древним мученикам, примут от Христа венец за подвиг мучения». Сам святитель показывал пример твердости духа и неустрашимости. Во время одного нашествия на Москву татар, когда страшный пожар опустошал столицу и вражеские стрелы летели в Кремль, он на стенах его спокойно совершал крестный ход. Опасность же была так велика, что один инок, стоявший подле святителя, пал от стрелы врагов.

Во дни митроп. Ионы совершилось разделение русской митрополии на две: северо-восточную и юго-западную (1459 г.). Бывали и прежде по временам особые митрополиты для юго-западных епархий, но все же сознание единства преобладало. И святитель Иона был единым митрополитом всей Руси. Но половина митрополии его находилась под властью польско-литовских государей, по вере – католиков. Они с радостью приняли присланного бывшим митрополитом Исидором некоего Григория, в сане митрополита. Его признали за митрополита и епископы юго-западных епархий. Собор русских святителей северо-восточной митрополии объявил разделение делом совершившимся. Святитель Иона пережил это событие только двумя годами. Он скончался в 1461 г. Мощи его почивают в Успенском соборе.

§ 41. Стригольники и жидовствующие

Вследствие татарского ига просвещение на Руси так упало, что далее высшие духовные лица – епископы, бывали в это время мало образованы, а священники часто с трудом понимали грамоту¹⁶; понятно, что такие священники не могли учить мирян, вследствие чего последние, соблюдая обрядовую сторону религии, не понимали истинного смысла христианской веры. Этим обстоятельством и объясняется появление различных ересей, напр., стригольников и жидовствующих.

Вождами ереси стригольников в 70-х годах XIV столетия явились диакон Никита и Карп стригольник (по одному объяснению – стригольник ремеслом, по другому – диакон, назначенный простригать гуменце у ставленников при их посвящении). Еретики отрицались от пастырей церкви, как незаконных, поставленных, на мзде; затем переходили к разбору их жизни и находили, что архиереи и монахи собирают себе много имения, а белое духовенство упрекали в том, что оно берет поборы с живых и с мертвых, и дурно живет; отсюда выводили, что не нужно слушать учения таких пастырей, что все священнодействия их недействительны, потому не нужно принимать от них ни крещения, ни покаяния, ни евхаристии. Каяться, говорили они, можно и без священника, припадая к земле; евхаристию нужно понимать в духовном смысле, другие таинства и обряды вовсе не нужны. Некоторые еретики доходили до отрицания соборов, даже евангельских и апостольских писаний, другие еще отвергали воскресение мертвых.

Ересь первоначально появилась в Пскове, а отсюда перешла в Новгород, где тоже нашла себе удобную почву; перешли сюда и сами еретики – Карп с Никитой. Владыка новгородский отлучил их от церкви, а народ схватил их и бросил в Волхов. Смерть их, однако, не ослабила самой ереси.

Против нее писали константинопольские патриархи и московские митрополиты. Движение, возбужденное стригольниками, впоследствии снова вскрылось в другой опасной ереси, жидовствующих.

Вождем этой ереси явился киевский еврей Схария, приехавший во второй половине XV века в Новгород. Ересь Схарии представляла смесь иудейства с христианством; она отвергла учение о св. Троице, божество Христа, почитание святых и икон, церковные таинства и обряды, и ставила Ветх. завет выше Нового. Из Новгорода ересь проникла в Москву и сильно здесь распространилась, так как ее поддерживали Елена, невестка вел. кн.

Иоанна III, любимый дьяк государя Курицын и архимандрит Зосима, вскоре, по проискам еретиков, избранный в митрополиты. Новгородский архиеп. Геннадий первый начал преследовать еретиков и вызвал для борьбы с ересью основателя Волоколамского монастыря пр. Иосифа. Постоянно обличая еретиков в своих посланиях к вел. князю, епископам и духовенству, Иосиф заставил Зосиму отречься от митрополии и убедил вел. князя принять против них решительные меры¹⁷. Иоанн созвал собор (в 1504 г.), на котором ересь была осуждена, главные еретики сожжены, а другие наказаны и заточены.

§ 42. Обнаружение ошибок в богослужебных книгах и разностей в обрядах. Попытка исправления их

Богослужебные книги принесены были на Русь из Болгарии в переводе на славянский язык. Со времени Ярослава Мудрого круг богослужебных книг несколько пополнился переводами в самой России.

Конечно, не всякий храм мог приобретать все нужные богослужебные книги. Они в древнее время были очень дороги. Поэтому духовным лицам приходилось при богослужениях довольствоваться только самыми необходимыми книгами, а иное совершать и по памяти¹⁸. А это скоро повело к искажению церковного устава. Да и в самые книги проникать стали ошибки.

Эти ошибки зависели частью от переводчиков, частью от переписчиков. Переводчики нередко плохо знали одни – язык греческий, другие – славянский; отсюда и переводные книги были неверны. Переписывали книги сначала с большим тщанием, потому что питали к ним величайшее уважение. Труд выполняли епископы, иногда князья и даже княжны. В монастырях это дело признавалось первой обязанностью иноков. Списывали книги «себе на спасение» и «в отпущение прегрешений», боясь скрыть «талант» свой наподобие «ленивого раба». Но и при таком отношении к делу возможны были ошибки, которые происходили от разных причин. Случались, напр., пропуски нескольких слов, в других случаях, наоборот, допускались прибавления – в смысле пояснения¹⁹, от смешения одной буквы с другой, вместо: «Едомлим » писали «Еломлим», иногда неправильно разделяли слова вследствие того, что первоначальный славянский текст писался сплошь, без знаков препинания и пробелов. При письме под диктовку легко было смешивать созвучные слова, отчего, напр., вместо «видеста очи» писали «видеста отцы». Иногда переписчик сам замечал свою ошибку и делал поправку на поле; последующий же переписчик, признав выноску за пропуск, заносил ее в строку: так, напр., появились два слова в 8 члене символа веры «Господа истинного» на одно греческое «то κύριον». Особенно сильная порча книг началась тогда, когда нужда в книгах вызвала писцов–промышленников, людей невежественных, которые, обратив переписывание в ремесло, ради пропитания, заботились не о верности списков, а о том, чтобы написать их побольше, и мало беспокоились о том, что под их спешным пером, по выражению царя Иоанна IV, «опись к описи прибывала и недописи».

Лучшие люди, правда, заботились об исправлении церковно-богослужебных книг; но попытки их не имели характера цельного исправления, а были отрывочны. Сюда относится св. Алексий митр., проверивший славянский текст Н. завета по греческим спискам. Только уже в XVI веке на неисправность богослужебных книг обратили внимание при дворе вел. князя. Разумею исправление древнеписьменных книг преп. Максимом Греком. Он прибыл в Москву с Афона по вызову вел. князя Василия Иоанновича. Максим был человек ученый и имел прямой, открытый характер. Он был призван собственно для перевода сводной толковой Псалтири. Через год и 5 месяцев Максим окончил свой труд; русские иерархи соборно одобрили книгу, вел. князь щедро наградил переводчика и поручил ему другое весьма важное дело – исправление наших богослужебных книг. Много ошибок нашел Максим здесь, даже очень грубых, противных не только грамматическому и логическому смыслу речи, но и православному учению, как будто книги побывали в руках еретиков. Неудивительно, если Максим стал доказывать, что русские книги должны быть исправлены коренным образом – через сличение их не только с древними славянскими списками, но и с греческими, и притом лицами вполне образованными, знакомыми с грамматикой, риторикой и философией. Такое суждение афонского инока было признано оскорбительным для национального русского чувства. Заговорили, что Максим своим «делом» наносить великое оскорбление русским чудотворцам, которые по этим свящ. книгам благоугодили Богу и прославлены от Него святостью и чудесами. К сожалению, Максим, знаток греческого и латинского яз., мало знал тогда еще по-русски: ему дали двух толмачей, знавших в свою очередь только по латыни, так что Максим переводил с греческого на латинский яз., а толмачи – с латинского на славянский. Неизбежны были взаимные недоразумения, неточности в переводе, искажения, даже грубые ошибки... Максим позван был к ответу. Суд кончился тем, что Максим был заключен в темницу Волоколамского монастыря, там мучили его голодом, дымом, морозом и другими «озлоблениями и томлениями», отлучили от причащения св. Христовых Таин и через несколько времени в оковах послали в тверской Отрочь монастырь. Живя в заключении, Максим написал «Исповедание веры»; из этого «Исповедания» могли видеть, что Максим – чистый сосуд веры православной, что если и допускал он в переводах «некие погрешности», то по неведению, по незнанию русского языка, и однако участь Максима не переменилась. Напрасно ходатайствовали за него и восточные патриархи. Только в 1553 г. Максим переведен был на свободное житие в

Сергиеву лавру, а митр. Макарий разрешил ему причащаться; но изнуренный страданиями, Максим прожил недолго.

Таким образом, исправления Максима Грека частью были неудачны, частью не были доведены до конца. Тем не менее, нельзя сказать, чтобы его дело не оставило по себе следов. Правительство усвоило мысль о необходимости исправления богослужебных русских книг; лучшие справщики последующего времени пользовались исправлениями Максима. Еще при жизни последнего неисправность книг была засвидетельствована на Стоглавом соборе (1551 г.) самим царем Иоанном IV. Изыскивая меры против этой неисправности, собор постановил, чтобы поповские старосты в городах пересмотрели по церквам богослужебные книги и, если они окажутся неправильными и сомнительными, правили бы их «собором с добрых переводов», чтобы писцы писали книги также с добрых переводов, чтобы, наконец, неисправленные книги были отбираемы. Это соборное постановление не могло принести существенной пользы, потому что собор не указал «добрых переводов»; да и контроль над списыванием книг установить было трудно; хотели задержать умножение ошибок устройством типографии в Москве. Царь с такой заботой отнесся к этому делу, что на свой счет построил печатный двор. Печатание было поручено диакону Ивану Федорову и Петру Тимофееву. Но типография не встретила себе сочувствия. Сразу же явились враги нового учреждения. Они пустили в народ молву, что в типографии работают еретики. Едва успела типография выпустить несколько печатных книг, как печатный двор был подожжен и станок с буквами сгорел; печатники должны были бежать из Москвы. Будучи возобновлена, типография работала вяло, нерешительно. Впрочем, и без того печатание не могло само по себе служить ручательством за правильность печатных изданий. Все дело заключалось в книжной справе и зависело от того, какой характер будет иметь эта справа, – будут ли печатать действительно исправленные книги. Оказалось, что на первых порах по устройстве в Москве печатного двора главное внимание правительства было обращено на самое печатание книг, как на новое дело в восточной России, но не на предварительное исправление книг.

Некоторые же печатники, не всегда дружелюбно смотревшие на справу по образцам Максима Грека, не только не подвинули книжной справы вперед, но направили ее даже в худшую сторону²⁰.

Из новых обычаев при богослужении в конце XV в. стали известны обычаи читать и петь «аллилуйя» не три, а два раза, хождение с крестным ходом вокруг церкви не к востоку от запада, а наоборот «посолонь» (как

ходить солнце) и обычай складывать для молитвы не три перста, а два, три же пригибать. На «Стоглавом соборе» много спорили о вновь появившихся обрядах, но «не dospели ничего».

§ 43. Просвещение христианством Казани и Астрахани

При Иоанне Грозном началась христианская проповедь и в завоеванных татарских царствах. Тотчас по взятии Казани велено было в ней ломать мечети и строить церкви и монастыри. Через 3 года в Казань поехал вновь нареченный казанский епископ Гурий с книгами, иконами, церковной утварью и казной на строение церквей и монастырей. Но в Москве приступали к новому делу осторожно. Гурию дан был «наказ», в котором говорилось: «Которые татары захотят креститься волею, а не от неволи, тех велеть крестить и лучших держать у себя и покоем, как можно; при чем азговаривать с ними кротко, тихо, с умилением, а жестоко с ними не говорить».

Гурий боролся с магометанством татар и с язычеством финских племен и крестил многие тысячи. Он строил здесь и монастыри и просил для монастырей вотчин, чтобы старцам не надо было самим работать, орать землю и сеять в ней семена, но «да орют сердца и да сеют в них семена слова Божия». Помощниками его были Варсонофий и Герман; Герман был преемником Гурия на казанской кафедре, Варсонофий же особенно был полезен, так как в крымском плену изучил татарскую веру и язык. Как в Поморье много содействовали крещению чудеса от мощей соловецких чудотворцев, так в Казани – чудеса от казанской иконы Божией Матери.

Завоевание казанского царства проложило путь к завоеванию царства астраханского. В 1557 году в Москве крестилась астраханская царица с сыном, а в следующем году послан в Астрахань игумен Кирилл для крещения народа и устройства церквей и монастырей. «И крестисяся, – говорит современник, – мужие и жены, стари и юноши, от крымских и астраханских орд».

§ 44. Св. митрополит Филипп 2-й

Со времени митр. Ионы, как мы видели, на Руси начинается новый порядок избрания и поставления на митрополию – собором русских епископов без сношения с Грецией. При таком порядке замещения митрополичьей кафедры вел. князь имел сильное влияние на выбор первосвященителей, не стесняемое уже ни влиянием Константинополя, ни влиянием удельных князей. Отношение его к митрополитам выражалось в прежних формах: русский первосвященитель призывался на княжеские советы, скреплял княжеские договоры, ходатайствовал за опальных и проч. Но с другой стороны, теперь можно заметить уже проявления новых отношений. Вел. князь Иоанн III не любил, например, митр. Геронтия, пастыря твердого, не боявшегося в случае надобности сказать вел. князю решительное слово, и однажды едва не отказал ему от кафедры.

Особенно тяжело было положение первосвященителя русской церкви в царствование Иоанна Грозного.

Свой подозрительный взгляд на бояр Грозный перенес и на духовенство. Всякое слово назидания со стороны пастырей церкви или печалования за опальных стали казаться царю уже посягательством на его власть. При самом учреждении опричины он объявил народу, что положил свою опалу не только на бояр, но и на духовенство за то, что захочет государь наказать бояр – и духовенство их покрывает перед государем.

Тяжелую руку Грозного испытал на себе великий святой русской церкви митр. Филипп 2-й (1567–1568 г.).

Филипп происходил из знатного рода бояр Колычевых. Отец его заседал в государственной думе. Сам Филипп недолгое время был при дворе. Скоро ему наскучила суэта мира, и он решил посвятить себя на служение Богу. Когда исполнилось ему 30 лет, он тайно оставил Москву и удалился в далекую Соловецкую обитель. 10 лет он смиренно трудился, как простой инок; проходил разные, иногда весьма тяжелые послушания. Братия избрала его игуменом. 18 лет он управлял обителью и много добра сделал для нее.

Прибыв в Москву по делам монастыря, игумен Филипп заслужил расположение царя. Иоанн принял его с великой честью и выразил желание назначить Филиппа митрополитом московским. Смиранный Филипп сказал, что согласен быть митрополитом, но с тем, чтобы царь отменил опричину. Иоанн прогневался, но, успокоенный епископами, велел сказать Филиппу, чтобы «он в опричину и в царский домовый

обиход не вступался и на митрополию ставился». Архиеереи уговорили Филиппа, и Филипп уступил и был возведен в сан митрополита.

При самом вступлении своем он произнес слово, в котором раскрывал обязанность верховных правителей соблюдать правду и ценить заслуги подчиненных. Иоанн сначала со вниманием слушал добрые внушения верховного пастыря. И первые месяцы после вступления св. Филиппа на кафедру прошли тихо и мирно. Жалобы на опричников прекратились. Но это продолжалось недолго: вскоре снова начались казни и убийства.

Святитель сначала тайно, наедине, а потом публично стал обличать царя за действия опричины. Последит начал гневаться. Раз, 22 марта 1568 г., царь пришел в соборную церковь. Митрополит обратился к нему с такой речью: «О, державный царь!.. От века не слыхано, чтобы благочестивые цари волновали свою державу, и при твоих предках не бывало того, что ты творишь». – «Что тебе, чернецу, за дело до наших царских советов? – со злобой отвечал ему царь. – Одно тебе говорю, отче святой, молчи; а нас благослови действовать по нашему изволению». Святитель продолжал свои увещания; царь вскрикнул: «Филипп, не прекословь державе нашей, да не постигнет тебя мой гнев, или сложи свой сан », и, наморщив лоб, вышел из церкви.

Через несколько дней снова открылось подобное столкновение между царем и митрополитом в Успенском соборе. Царь пришел сюда с опричниками в черных одеждах с высокими шапками на головах и просил у митрополита благословения. Тот молчал. Бояре сказали ему: «Святой владыко! к тебе пришел благочестивый государь и требует благословения. Тогда Филипп отвечал грозной речью: «В сем виде, в сем одеянии странном не узнаю царя православного. Кому поревновал ты, приняв на себя такой вид и изменив свое благолепие. Убойся суда Божия, на других ты закон налагаешь, а сам нарушаешь его. У татар и у язычников есть правда, в одной России нет ее. Здесь мы приносим Богу безкровную жертву за спасение мира, а за алтарем безвинно проливается кровь христианская». Рассерженный царь закричал: «О Филипп! нашу ли волю думаешь изменить? Лучше бы было тебе быть единомысленным с нами». На замечания святителя стал махать руками, грозить изгнанием и муками. Опричники старались усилить в Иоанне эту злобу к святителю. Раз (28 июля), во время крестного хода вокруг Новодевичьего монастыря, митрополит только что хотел читать евангелие, как заметил на одном опричнике тафью и сказал государю: «Чтение слова Божия следует слушать христианам с непокрытой головой, а эти откуда взяли агарянский обычай предстоять с покрытыми главами?» – «Кто такой?» спросил царь и,

обернувшись, ни на ком не заметил тафьи; а когда ему сказали, что митрополит говорит неправду, издеваясь над его царской державой, он вышел из себя и публично называл святителя лжецом, мятежником и злодеем. Наряжен был по требованию царя суд над митрополитом. В Соловецком монастыре нашлись лица, которые поддались на царские ласки, обещания и угрозы и представили клеветы на митрополита. На соборе, куда Филипп был призван, он даже не хотел оправдываться и объявив, что не боится смерти, что лучше умереть невинным мучеником, нежели в сане митрополита безмолвно терпеть ужасы и беззакония несчастного времени, начал снимать с себя знаки своего сана. Царь повелел ждать судебного приговора. Этот последний скоро состоялся и был объявлен всенародно в церкви архангела Михаила, где святитель служил обедню. Опричники здесь же сняли с него святительское облачение, одели в разодранную монашескую одежду, с позором выгнали из церкви и отвезли в Богоявленский монастырь. Царь хотел было сжечь митрополита, по обвинению его в волшебстве, но ограничился заключением в сырой тюрьме и ссылкой в Отрочь–Тверской монастырь, где на следующий год приближенный царя Малюта Скуратов задушил его подушкой. Мощи святителя покоятся в Успенском соборе.

§ 45. Учреждение патриаршества

В XVI в. московская Русь представляла собой богатое и могущественное государство. Преподобный великий князь в лице Иоанна Грозного получил царский титул и царское коронование. После падения византийского императорского престола русский царь стал в глазах русских наследником византийских императоров, а в глазах греков, страдавших под властью турок, кормителем и покровителем константинопольской патриархии. Соответственно с этим и московская митрополичья кафедра стояла очень высоко. Богатства ее и московского государства побуждали восточных иерархов, не исключая самого константинопольского патриарха, обращаться сюда за жертвованиями. Пределы московской митрополии были шире стесненных пределов любого из восточных патриархатов (если из константинопольского исключить русскую митрополию, входившую в его состав). Московский митрополит был свободнее в проявлении своих церковных прав, чем патриархи востока, стесняемые на каждом шагу султаном. Власть московского митрополита в действительности была несколько не ниже патриаршей: он правил епископами, называл себя их «отцем, пастырем, утешителем и главою, под властью и в воле которого всея русския земли владыки суть». Должно было рано или поздно настать время, когда московский митрополит, по своему положению не уступающий восточным патриархам и даже превосходящий их, сравняется с ними по своему титулу, сделается «всесвятейшим патриархом». Удобным для этого временем было правление государя Феодора Иоанновича, который, как человек набожный, любил церковную службу, благолепие, пышность и торжественность при отправлении богослужения и мало думал о своей царской власти. Действительно, при Феодоре Иоанновиче и состоялось учреждение патриаршества.

В 1586 г. прибыл в Москву антиохийский патриарх Иоаким. Он прибыл для своих нужд, для сбора милостыни, в пользу своей церкви. Царь Феодор Иоаннович воспользовался его приездом и на соборе бояр и духовенства предложил «устроить превысочайший престол патриарший». Иоаким, соглашаясь с желанием царя, сказал, однако, что «дело сие подлежит суду собора» и обещал поговорить об этом с прочими патриархами. В 1588 г. вдруг Москва узнает, что в Россию приехал сам старейший «вселенский» патриарх Константинополя, Иеремия 2-й. После почтительного приема Борис Годунов, по воле царя, спрашивал наедине

патриарха о причине необычайного путешествия его. С горькими слезами передал Иеремия печальную историю свою: «5 лет я был на патриаршестве в Царьграде, но по моим грехам и ради грехов всего христианства греческого султан возстал на церковь Божию». Бедствия святейшего Иеремии возбудили в благочестивом царе желание успокоить страдальца–пастыря в России, но в то же время царю трудно было расстаться с московским митрополитом Иовом, к которому привык и которого любил, поэтому Иеремии предложено было остаться патриархом в России, но жить во «граде Володимере». Иеремия не хотел поселиться во Владимире, «потому что, – говорил он, – патриарх при государе всегда; а то что же за патриаршество, если жить не при государе». Тогда царь передал это дело на соборе духовных лиц, и те избрали патриархом митр. Иова. Торжественное поставление его совершено Иеремиею в 1589 г.

Вместе с тем было учреждено на Руси 4 митрополии (в Новгороде, Казани, Ростове и на Крутицах, около самой Москвы), 6 архиепископий и 8 епископий.

Иеремия уехал домой и в 1590 г. собрал в Царьграде собор патриархов, который и утвердил произведенную в Москве перемену управления, назначив новому московскому патриарху пятое место в сонме прочих патриархов.

С возведением русского митрополита в сан патриарха ему предоставлены были некоторые богослужебные отличия, возвышавшие его над другими русскими иерархами. Так, при соборном служении патриарх облачался среди церкви, на амвоне, сослужившие же ему архиереи облачались в алтаре. Облачения его, а равно и мантия, отличались особенной пышностью и богатством украшений. При богослужебных и церковных процессиях пред ним несли свечу, а во время обычных выходов ему предносился крест, а за ним несли жезл. Что же касается до прав патриарха по управлению церковью, то в этом отношении существенных перемен не произошло и не могло произойти. Русский первосвяtitель и в звании митрополита пользовался в своей церкви такой властью, какой пользовались восточные патриархи в пределах своих патриархатов.

§ 46. Патриарх Иов

Патриарх Иов (1589–1605 гг.) был близким человеком в семье Феодора Иоанновича и имел большое влияние на царя. При решении текущих государственных дел патриарх и подчиненные ему иерархи вместе с царем и боярами сходились на земский собор в столовой государевой палате и здесь рассматривали дела, которые докладывал дьяк. Особенно важное значение пришлось получить патриарху по смерти Феодора Иоанновича. Царь помер бездетным, и престол был свободен. Естественно, патриарх на время становился во главе отечества и должен был радеть о его делах. В выборе будущего царя он остановился на Борисе Годунове и много содействовал возведению его на престол.

Когда объявился первый самозванец, Иов, уже старый и больной, старался поддержать власть законного царя и царский престол. Он уверял народ в смерти Дмитрия царевича, убеждал не верить самозванцу и помнить присягу, данную Борису, рассылал об этом грамоты по Москве к начальникам полков, по городам к воеводам и др. Но все это не действовало. Москва присягнула Лжедмитрию и грамотой звала его на престол. Иов остался непреклонным. И вот, когда он совершал службу в Успенском соборе, сюда ворвалась толпа с оружием и с побоями повлекла патриарха на лобное место, крича, что он «наияснейшего царевича Дмитрия разстригою сказует». Патриарх в чернеческой одежде и на простой телеге был отправлен в заточение в Старицкий Успенский монастырь. Самозванец велел держать его «в озлоблении скорбнем».

§ 47. Патриарх Гермоген

По низложению Иова, по указанию самозванца, на патриаршую кафедру вступил Игнатий, еп. рязанский. Но когда Лжедимитрий был убит, избранный и покровительствуемый им «потаковник» Игнатий был соборно низложен, лишен сана святительского и, как простой инок, отправлен «под начал » в Чудовмонастырь. Ненависть русских к нему была так сильна, что в сознании их он стал выступать, как «злокозненный еретик» и «лже-патриарх».

19 мая 1606 г. Москва избрала на царство Василия Шуйского. Новый царь обратил внимание на свободную патриаршую кафедру. Иов был еще жив, но до того дряхл, что не мог управлять церковью. Нужно было избрать нового патриарха. Из представленных собором кандидатов царь избрал казанского митрополита Гермогена (1607–1612 гг.).

Это был человек, всей душой преданный православию и отечеству, решительный и непреклонный. Недаром москвичи его называли «адамантом»: стоя за правду, он готов был даже пожертвовать своей жизнью.

Служение Гермогена церкви и государству падает на самое тяжелое время. Не успели русские люди освободиться от одного Лжедимитрия, как появился второй. Вся Русь взволновалась. Патриарх рассылал одну грамоту за другой, но они уже не производили надлежащего действия. Патриарх повелел перенести мощи св. царевича Димитрия из Углича в Москву. И это не остановило волнения. Приверженцы нового самозванца уже расположились в Тушине и приступили к осаде Троице-Сергиевой лавры. Монахи защищались весьма удачно. На помощь им явилось народное ополчение под предводительством храброго Скопина-Шуйского. Тушинцы были разбиты. Но неожиданная смерть Скопина опять дала перевес полякам. В Москве образовалась партия, требовавшая возведения на московский престол польского королевича, сына Сигизмундова. Патр. Гермоген твердо стоял за царя Василия Шуйского. Однако бояре настояли на своем. Царь Василий Шуйский был низвергнут и насильственно пострижен в иночество. Решено было отправить посольство к польскому королю Сигизмунду с просьбой отпустить в Москву королевича. В посольстве были: кн. Голицын, митр. Филарет и др. Патриарх Гермоген, напутствуя послов, поручил им требовать безусловно, чтобы королевич Владислав принял православную веру, женился на русской, выслал всех поляков из России и был независим от польского короля. Сигизмунд не

согласился на эти требования, объявил послов своими пленниками и хотел овладеть Россией силой оружия. Гермоген разрешил русских от присяги и благословил их ополчаться за родину. Боярская дума убеждала патриарха успокоить умы, запретить земскому ополчению идти к Москве. «Запрещу, – отвечал патриарх, – если увижу крещеного Владислава в Москве и ляхов, выходящих из России; велю, если сего не будет, и разрешаю всех от присяги королевичу и благословляю умереть за православную веру».

Такие речи Гермогена настолько разгневали бояр, что один из них, М. Салтыков, «отверз свои уста, и начал, аки безумный пес на аер²¹, зря лаяти и нелепыми словами великоименитое святительство безчестити». В припадке гнева Салтыков даже замахнулся на Гермогена ножом. «Я не боюсь твоего ножа, – возразил патриарх, – и вооружусь против него силою св. креста; ты же будь проклят и со всем твоим сонмом и в сем веке, и в будущем, и с тем, кого желаешь» (т.е. королем).

Не удалось, однако, святителю Гермогену видеть плоды своих трудов и забот, в недалеком будущем его ждала мученическая кончина. Когда узнали поляки в кремле о движении нижегородцев, то снова потребовали от патриарха, чтобы он написал ратным не ходить под Москву. Он же новый, великий государь и исповедник, сказал им: «Да будут благословенны борцы за родину, а изменники да будут прокляты!» После этого его начали морить голодом. «Мешали страдальцу не человеческу пищу, на неделю сноп овса и мало воды». Святитель окончил свою многострадальную жизнь 17 февраля 1612 года.

Мощи святителя Гермогена покоятся в Успенском соборе.

§ 48. Заслуги Сергиевской лавры в Смутное время

В такое бедственное для России время особенные заслуги отечеству оказала Сергиева лавра. Обитель преп. Сергия была на русском севере большой силой. У нее были несметные богатства; в то же время это была важная крепость и народная святыня. Поляки, укрепившись в Тушине, уже находились в троицких владениях: Тушино было монастырское село и принадлежало троицким монахам.

На открывшемся военном совете самозванцу объявили необходимость спешить взятием лавры. «Царь великий, Митрий Иванович, – говорили вожди, – доколе стужают твоему великому благородству эти грачи и вороны, возгнездившиеся в своем каменном гробе, доколе седатые будут делать всякие пакости нам? Они не только перенимают на дорогах вестников наших, выходя из лесов, как звери; они имеют множество пособников у себя, развращают города, научая их не покоряться твоему величеству, но служить царю Шуйскому. Всякую грамоту свою они заканчивают этими льстивыми словами: да сохранят вас всегда молитвы св. чудотворцев Сергия и Никона. Вели привести их к покорности или рассыпать жилище и прах по воздуху». Дело это приняли на себя Сапега и Лисовский.

Царь Василий Шуйский послал было войско перехватить им путь, но поляки разбили наголову царские полки и явились под стенами монастыря. Началась знаменитая осада. Осаждающих было тысяч 15, по некоторым известиям даже 30 тысяч; у осажденных людей, способных носить оружие, было около 2 1/2 тысяч, считая в том числе и монахов. Поляки сразу предложили им сдаться, но монахи отвечали, «гордым начальникам – Сапеге и Лисовскому и их темному державству, что плюют на их предложение, и, спалив кругом монастыря слободы и службы, сели в осаду.

Со всех сторон кругом монастыря поляки поставили свои батареи и стреляли по монастырю из пушек и пищалей. Шесть недель, до зимы, длилась бомбардировка. Ядра попадали в церковные колокола, в окна и двери собора; ударяясь в иконы, пробивали их.

Много раз поляки ходили на приступы, а русские делали вылазки. Зимой бомбардировка и приступы прекратились. Зато открылась в осажденном монастыре болезнь. В монастыре было много пришлого народа, сбегавшегося со всех сторон, с женами, детьми и скотом; монастырь походил на ярмарку. В зимнюю стужу все это набилось в узкие

кельи; топлива не хватало; жгли кровли, сени, чуланы. От стужи и от тесноты началась цинга, от которой умирало в день по несколько десятков, по сотне человек. К концу зимы из 2 слишком тысяч человек уцелела одна десятая – всего 200. Когда весной начались снова приступы помяков, на стены должно было выйти все без различия население монастыря, не исключая монахов.

На помощь своей обители не один раз являлся сам преп. Сергей. Еще в начале зимы он являлся то монастырскому пономарю, то архимандриту, то русским людям, воевавшим в полках Лисовского. Многие казаки рассказывали, что видели двух старцев, светозарных образом, по подобию Сергия и Никона чудотворцев; старцы ходили по поясу монастырской стены, и один кадил монастырю, а другой кропил св. водой и, обратясь к казакам, «ярм гласом» поносили их, что стеклись разорить «дом Пресвятые Троицы». Казаки и поляки пробовали стрелять в старцев, но стрелы и пули от них отскакивали и попадали в самих стрелявших.

Несмотря на всю трудность и тяжесть защиты, Сергиев монастырь держался целых 16 месяцев. Сапега и Лисовский со всем своим воинством не могли овладеть обителью. Другие польские воеводы смеялись над ними, говоря, что сколько уж времени они стоят под этим «лукошком». Но монастырь так и не сдался полякам. В конце 1609 г. явился ему на выручку царский воевода, кн. Михаил Скопин–Шуйский, разбил Сапегу и послал подкрепление троицким монахам. Поляки сняли осаду и ушли от монастыря, опасаясь, что придет Скопин со всеми силами.

Во время самой осады лавра еще имела возможность послать денежное пособие в Москву.

Но особенно велика была заслуга Троицкой лавры для отечества, когда Россия, по низвержении Шуйского, оставалась без царя. Сама столица ее была взята и сожжена поляками, утвердившимися в кремле.

В это-то время, когда родина наша казалась совсем погибшей, спасительницей ее явилась Сергиева лавра; из нее рассылались по городам грамоты, в которых все призывались к защите отечества; одна из этих грамот воспламенила сердце Минина в Нижнем–Новгороде; и побудила образовать ополчение под начальством Пожарского. Келарь Троицкой лавры Авраамий Палицын неотлучно находился при войске Пожарского, своими увещаниями поддерживая в нем мужество и решимость; он уговорил казаков действовать сообща с ополчением; когда те готовы были отказаться и требовали денег, Троицкая обитель послала им ризы, стихари и другие церковные вещи; такая жертва пристыдила казаков, и они примкнули к общему делу. Ополчение спасло Москву и отечество. 25

октября 1613 г. все кремлевские ворота Москвы были отворены настежь. Поляки сдались, и русские войска вошли в кремль, а на царство был избран юный Михаил Феодорович, на которого еще прежде указывал патр. Гермоген.

§ 49. Патриарх Филарет

Филарет происходил из старинного рода бояр Романовых, который издавна славился своим благородством и приблизился к царскому престолу при Иоанне IV; этот государь взял себе в супруги из рода Романовых Анастасию Романовну, оставившую по себе добрую память в истории и в народе своим влиянием на грозного царя. Предание говорит, что умиравший бездетным царь Феодор Иоаннович желал передать престол своему двоюродному брату Феодору Никитичу Романову. Но по смерти Феодора царская власть перешла к Борису Годунову; а он, видя в роде Романовых самых сильных соперников себе и своей династии, подверг всех их тяжким, но не заслуженным гонениям. Феодора Никитича насильно постригли в Сийском монастыре под именем Филарета и держали под особо бдительным надзором.

С падением Годуновых и воцарением Лжедмитрия I участь оставшихся в живых Романовых изменилась. Филарет Никитич был посвящен в сан митрополита ростовского; после низвержения Лжедмитрия I, в согласии с патриархом Гермогеном, он стоял за царя Василия Иоанновича Шуйского. Он ездил в Углич за мощами царевича Дмитрия, а когда города, один за другим, начали признавать царем Тушинского вора, Филарет Никитич удерживал Ростов в повиновении Шуйскому. Самозванец приказал, во что бы то ни стало, привезти митрополита в свой стан. Его отряд напал врасплох на Ростов. Филарет Никитич облачился в святительские одежды и стал в церкви с народом. Когда же тушинцы ворвались в храм, митрополит начал уговаривать их не изменять законной присяге. Но те не послушались, сорвали с митрополита священные одежды, надели на него рваный польский кунтуш и татарскую шапку и с жестоким издевательством отвели этого «добротного страдальца за русскую землю» в Тушино, где самозванец принял его с почетом, тоже как мнимого своего родственника, даже поставил его патриархом, вместо Гермогена.

Но «Филарет был разумен, не склонялся ни направо, ни налево». Находясь в руках самозванца, он совершал у него церковные службы. Тем не менее, строгий к изменникам, патр. Гермоген в своих грамотах к народу говорил, что «Филарет не своею волею, а по нужде находится в Тушине», что за это первосвятитель «не порицает его, а молит за него Бога». По распадении тушинского лагеря Филарет Никитич отправлен был, как известно, из Москвы под Смоленск, во главе великого посольства

к королю Сигизмунду с предложением престола российского сыну его Владиславу. Сигизмунд, сам желавший занять русский престол, подкупил многих из членов посольства, но Филарет оставался непреклонным. Он не желал отдавать королю Смоленска и требовал только православного царя для России. Даже когда поляки получили от московских бояр грамоту, в которой послам приказывалось сдать Смоленск и присягнуть на имя короля Сигизмунда вместе с сыном, митр. Филарет мужественно сказал: «Когда сын твой, королевич, будет на московском престоле, тогда не только Смоленск, но и Москва и вся Русь будут под его рукой. А ныне, мнится, непристойно, чтобы ты с войсками своими стоял у вотчины сына своего и добивал ее». Тогда поляки из почетного посла превратили Филарета в несчастного пленника и держали под суровым надзором. После нескольких поражений поляки вынуждены были заключить перемирие. Начался обмен пленными, и из плена был возвращен митр. Филарет. Летом 1619 года Филарет прибыл в Москву. Царь при многолюдном стечении народа встретил его еще за городом и поклонился ему в ноги, как отцу, и Филарет сделал то же – поклонился сыну до земли, как царю; оба при этом проливали слезы радости.

В Москве тогда не было патриарха, потому что патриарший сан, после смерти патр. Гермогена и избрания на царство Михаила, берегли для государева отца. Тотчас по возвращении Филарета в столицу он был поставлен в патриархи (1619–1633 гг.) и получил титул «великого государя», самый почетный в то время, которым именовали только царя. Таким образом, в Москве стало два «великих государя». Превосходя сына твердостью характера и опытностью в делах, Филарет занял первое место в правительстве. По отзывам современников, он был очень властный человек, держал все дела в своих руках и пользовался таким влиянием, что сам царь не выходил из его воли. До самой кончины он правил государством с редкой энергией и твердостью. Он успел умерить своеволие бояр, сделал общую поземельную перепись, восстановил разрушенные города, увеличил государственные доходы, учредил первую епархию в Сибири и устроил патриаршую греко-латинскую школу в Чудовом монастыре. Власть и значение патриарха при Филарете достигли необычайной силы и значения.

Преемники Филарета патр. Иоасаф I (1634–1640 г.) и Иосиф (1642–1652 г.) по своим личным качествам не могли иметь того значения, каким пользовался он.

§ 50. Патриарх Никон

В 1605 г., в мае месяце в селе Вальдеманове в 90 верстах от Н.-Новгорода, у крест. Мины родился сын, нареченный при св. крещении Никитою. Горе ждало малютку в родной семье. Младенец Никита лишился матери. А отец его скоро женился на другой женщине, которая привела к нему в дом детей от первого мужа. Вторая жена Мины была женщина особенно злого нрава. Сурово и неприветливо встретила она Никиту. Стараясь кормить своих детей как можно лучше, она ничего не давала своему бедному пасынку, кроме черствого хлеба, беспрестанно бранила его, нередко колачивала до крови и однажды, когда голодный Никита хотел было забраться в погреб, чтобы достать себе пищи, мачеха, поймавши его, так сильно ударила в спину, что он упал в погреб и чуть не умер. За такое обращение отец Никиты нередко бранился с женой, а когда слова не действовали, то и бил ее. Но это не помогало несчастному: мачеха отмщала мужнины побои на пасынке и даже замышляла извести его. Однажды бедный мальчик, плохо одетый, от зимнего холода залез в печь и там заснул. Мачеха наложила туда дров и затопила печь, с злодейским умыслом сжечь Никиту. Проснувшись, мальчик начал отчаянно кричать. На его счастье, крик услышала его бабка, которая вытащила дрова из печи и спасла его от смерти. В другой раз злая мачеха пыталась отравить пасынка, но Никита счастливо избежал от этой беды: пища, в которую для него вложен был мышьяк, ему почему-то не понравилась, и он не стал есть ее. Так печально текли детские годы Никиты, в грубой, суровой обстановке, среди постоянных опасностей и огорчений. Но Бог хранил ребенка, а несчастья лишь закаляли его душу и вырабатывали в нем ту твердость характера и силу воли, которые впоследствии так нужны были ему для исполнения его великого дела, для неустанной борьбы с многочисленными врагами и недоброжелателями.

Когда Никита подрос, отец отдал его учиться грамоте. В короткое время юноша сделал быстрые успехи в чтении и письме. Книги увлекли Никиту, а спасительные подвиги, о которых он читал в житиях святых, пришлись по сердцу ему, уже закаленному житейскою борьбою и суровою жизнью, и в нем явилась искренняя любовь к иночеству. Никита тайно удалился из родительского дома и вступил в монастырь преп. Макария Желтоводского. Скоро Мина узнал, где находился его сын, и под разными предложениями вызвал к себе юношу в дом из монастыря.

Возвратившись на родину, Никита помогал отцу, но попрежнему

усердно занимался чтением книг. По смерти отца он опять хотел уйти в монастырь. Как раз в это время в соседнем селе не стало священника. Прихожане этого села и родственники стали уговаривать Никиту принять священство. Никита согласился. Но недолго пришлось ему послужить в этом селе, находившемся близ города Макарьева. Московские купцы, приезжавшие каждый год, как и теперь, на знаменитую Макарьевскую ярмарку, скоро узнали о строгой жизни и добрых делах местного священника и пригласили его в Москву. Отец Никита согласился. В Москве он священствовал лет 9. Когда у него умерли все дети, один за другим, он, пораженный их смертью, уговорил свою жену постричься в монахини, а сам ушел на Белое море, в Анзерский скит, где и постригся под именем Никона. Из Аирзерского скита вследствие некоторых неудовольствий Никон перешел в Кожеезерский монастырь. Здесь строгая, подвижническая жизнь Никона удивляла даже монахов. Когда у них умер игумен, на его место братия избрала Никона. Еще строже он начал жить, сделавшись игуменом.

Прибыв в Москву по делам монастыря, Никон, как делали тогда и другие игумены, явился с поклоном к царю. Величественная осанка, умные и откровенные речи Никона понравились Алексею Михайловичу, и царь повелел «оставить его архимандритом московского Новоспасского монастыря. Царь часто призывал его к себе, любил беседовать с ним о вере, о делах государственных. При этом Никон всегда старался сделать какое-нибудь доброе дело бедным, несчастным, часто ходатайствовал он перед царем за вдов, сирот, обиженных.

Чем ближе Алексей Михайлович узнавал Никона, тем больше ценил его. Вскоре Никон был назначен митрополитом в Новгород. Здесь он отличался неутомимою пастырскою деятельностью и был истинным благодетелем своей паствы: питал бедных во время голода, умирал народные волнения, ходатайствовал за новгородцев перед царем.

По смерти патр. Иосифа царь пожелал, чтобы Никон был назначен на его место. Никон отказывался от этого высокого сана. Царь, духовенство и народ усиленно просили его принять патриаршество. Тогда Никон, обратившись к народу, сказал: «Будете ли почитать меня, как архипастыря и отца, и дадите ли мне устроить церковь?» Все изъявили согласие. Никон стал патриархом (1652–1658 г.).

Дружба самая тесная соединяла нового патриарха с царем. Ни одно государственное дело не решалось без Никона. И 6 лет действительного патриаршества Никона были самою блестящею эпохою царствования Алексея Михайловича. Самыми блистательными делами сего времени

были присоединение Малороссии и первая война с Польшей.

Во время страшной моровой язвы, открывшейся в Москве и Казани, когда царь находился в польском походе, Никон показал свою обычную твердость и распорядительность: принял меры к облегчению народного бедствия и сохранил в целости оставленное на его попечение царское семейство. В воздаяние за эту услугу Алексей Михайлович повелел Никону именоваться «великим государем» – титул, которым пользовался только патриарх Филарет Никитич, по праву царского родителя.

Занимаясь делами государственными, Никон энергически трудился и по церковному управлению. Духовенство он обязывал читать в церквях поучения народу, и сам очень часто читал готовые или говорил свои собственные. Требовал, чтобы духовные лица хорошо знали св. писание и церковную службу, чтобы они жили по христиански и служили примером для своих прихожан. Заботился об улучшении церковного пения и исправлении иконописания, об уничтожении чтения в два голоса, двоеперстия и др. новшеств и беспорядков, вкравшихся в богослужение. Но первым предметом постоянной заботливости патриарха было исправление богослужебных книг. Для этого он образовал комиссию из киевских ученых монахов, поддерживал и ограждал их от нападения людей невежественных.

Высокое положение Никона, широкая деятельность, крутой и властолюбивый характер нажили ему много врагов в разных классах общества. Ревнители мнимой старины церковной, упорно отстаивая то, с чем сжились, роптали на церковные исправления Никона и его называли еретиком. Духовенство было крайне раздражено его строгостью и жестокими наказаниями. Раз даже духовенство подало Алексею Михайловичу длинную жалобу на Никона, изображая притеснения, какие от него приходилось терпеть. Особенно не возлюбили Никона бояре. Своим гордым обращением с ними, своими резкими, иногда всенародными обличениями он оскорблял их боярскую спесь; своими ходатайствами за притесняемых ими он сдерживал их произвол; наконец своим влиянием на царя он лишал многих из них видного значения в государстве и раздражал их честолюбие.

Все эти враги были мало опасны Никону, пока он был «собинным другом царя». Они трепетали пред ним и сдерживались; если же не сдерживались, подвергались наказанию. Но стоило порваться этой дружбе, и положение Никона становилось очень опасным. Это понимали многие из его врагов; поэтому старались ослабить царскую любовь к Никону и отдалить от него царя. Бояре пустили в ход всевозможные клеветы и

нашептывания на счет деятельности и стремлений Никона. Алексею Михайловичу открыто говорили, что «его величество от патриарха ни во что поставляется». К несчастью для Никона царь был впечатлителен и податлив на чужие влияния. К тому же военные походы надолго отвлекли царя от Москвы; за это время царь вдали от Никона постепенно отвыкал от его влияния, а удача походов развивала в нем сознание своего достоинства. Он сделался чувствительнее к прерогативам своей власти. Между тем по приезду в Москву царь нашел Никона еще более величавым и горделивым, чем прежде: удаление царя из Москвы и управление Никона государственными делами сильно развили в нем властолюбие. Таким образом, царь увидел в Москве другого «великого государя» и, отвыкший от Никона, посмотрел на это с неудовольствием, подозрения относительно унижения Никоном царской власти как бы оправдывались. После этого дело должно было идти к роковой для Никона развязке.

В 1658 г. это действительно и случилось. Никон оставил патриаршую кафедру. Обстоятельства, ускорившие его падение, сложились так. 6 июля 1658 г. во дворце было торжество по случаю приезда в Москву грузинского царя Теймураза. Никон, вопреки обыкновению, не был позван. К тому же боярин, посланный для устройства «церковного чина» при встрече Теймураза, был побит царским родственником окольничим Богданом Хитрово. И в том и в другом Никон увидел оскорбление для себя. На требование Никона наказать Хитрово царь обещал разобрать дело и повидаться лично с патриархом. Но обещание не выполнялось; царь продолжал избегать Никона. Он даже не являлся к соборной службе 8 (в праздник казанской иконы Божией Матери) и 10 июля (в праздник Ризы Господней), несмотря на прежний обычай, ни на приглашение со стороны патриарха.

После заутрени посланный от царя боярин объявил Никону, что «его царское величество гневается на патриарха за то, что тот держит себя самовластно и именуется великим государем».

Получив такое извещение от царя, Никон решил оставить патриаршество. Отслужив в последний раз литургию в Успенском соборе, он снял с себя патриаршее облачение и, несмотря на просьбы бывшего в церкви народа, уехал из Москвы в «Новый Иерусалим», иначе Воскресенский монастырь, который он сам себе устроил в 50 верстах от Москвы.

С отъездом Никона наступила смута в русской церкви. Церковными делами некому было заниматься, а избрать нового патриарха царь не решался. Смуты и беспорядки увеличивались. Тогда в Москве составили

собор (1666 г.), на котором участвовали и два греческих патриарха. Собор осудил Никона за то, что он самовластно, за одно оскорбление своего слуги покинул патриарший престол, вследствие чего церковь, оставшись без верховного пастыря, потерпела немало бед. Никон, как простой инок, был отправлен на житие прежде в Ферапонтов, а потом в Кириллов–Белоозерский монастырь и находился сначала в тесном заключении. Свое 15–летнее заключение он переносил с мужеством и непоколебимой твердостью. Когда враги его перемерли или потеряли значение при дворе, царь Федор Алексеевич повелел возвратить его в Воскресенский монастырь, но сюда привезли один безжизненный труп его. Он умер на пути в Ярославле. Его похоронили в Воскресенском монастыре как патриарха. Потом восточные патриархи прислали разрешение считать его между патриархами.

После Никона патриарший престол занимали: Иоасаф 2-й (1667–1672 г.), Питирим (1672–1673 г.), Иоаким (1673–1690 г.) и Адриан (1690–1700 г.).

§ 51. Исправление богослужебных книг и обрядов. Возникновение раскола, открытое появление его в русской церкви и распадение на толки

Первый опыт более тщательного поправления первопечатных книг был произведен там, где и провел последние дни своей жизни преп. Максим Грек. Это было после Смутного времени, в междупатриаршество. В Москве задумали напечатать Потребник. Исправление его было поручено Дионисию, архимандриту Троице-Сергиева монастыря. В сотрудники ему были даны «извычайные книжному учению старцы» монастыря. Троицкие справщики отнеслись к порученному им делу серьезно. «Полтора года день и ночь сидели» они над исправлением Потребника, сверяя его «со многими переводами» славянскими, древность которых восходила за «полтораста лет и больше». Справщики замарали слово «и огнем » в водосвятной молитве и сделали некоторые другие важные исправления. Свой труд архимандрит Дионисий привез в Москву для представления духовной власти. Собран был собор, который не только не одобрил сделанных в Потребнике исправлений, но и самих справщиков осудил, как еретиков за то, что они «Духа Святого не исповедуют, яко огонь есть». Дионисия собор запретил от священнодействия и послал в Новоспасский монастырь: здесь велено было Дионисия бить и мучить 40 дней и в дыму ставить на палатах. В праздничные и торговые дни митрополит приказывал привозить верхом на кляче скованного Дионисия на патриарший двор и здесь заставлял его класть поклоны под открытым небом, перед толпами народа; грубая чернь ругалась над мнимым еретиком, бросала в него грязью. Только с приездом в Москву Филарета Никитича послышался голос в пользу троицких справщиков, и дело вновь было пересмотрено на соборе.

В продолжение 8 часов Дионисий блистательно защищал свои исправления и все справщики были оправданы. Тем не менее слово «и огнем » не сразу было уничтожено.

Предшественник патр. Никона, патр. Иосиф для исправления книг составил комиссию из лиц, считавшихся тогда лучшими между духовенством по образованию и благочестию. В числе их были: духовник государев протопон Стефан Бонифатьев, прот. Казанского собора Иоанн Неронов, прот. Аввакум из Юрьевца, священник Никита и др. Все они несколько не были знакомы с греческим языком, но обладали большой

начитанностью и усвоили себе бывшие тогда в ходу ошибочные мнения о двоеперстии, двоении аллилуйи, хождении посолонь, с полной уверенностью в их истине. Они с такой смелостью принялись за исправление, что не оставили в прежних книгах в покое почти ни одной строки, и все это делали, нисколько не справляясь не только с греческим текстом, но не уважая даже и древних славянских списков. При этом они особенно домогались возвести на степень догматов веры мнения о двоеперстии, сугубой аллилуйи, прибавление слова «истинного» в 8-члене и тому подобное. И они внесли все эти заблуждения в самые употребительные церковные книги. Испортив их таким образом, справщики были убеждены, что исправили их наилучшим образом. Но скоро пришлось им услышать иной отзыв об их труде. В 1549 г. в Москву приехали иерусалимский патр. Паисий и образованный грек Арсений, учившийся в римской коллегии и знавший несколько языков. Они первые указали патр. Иосифу и митр. Никону на ошибки справщиков. Патр. Иосиф отправил троицкого келаря Арсения Суханова на восток для изучения восточных обрядов, а прежних справщиков сменил другими, вызванными из Киева учеными старцами, во главе с Епифанием Славенецким. Вслед за сим патриарх узнал, что афонские иноки, рассмотрев принесенную на Афон русским иеромонахом славянскую книгу, содержащую учение о двоеперстном знамении, сожгли ее и предали анафеме всякого, кто стал бы упорно учить двоеперстию. Это решение афонские отцы прислали в Москву к царю Алексею Михайловичу. Патриарх так встревожился этим, что внезапно скончался.

Патр. Никону пришлось исправлять ошибки своего предшественника. Он приступил к этому делу с полным сознанием его важности. Удостоверившись лично в порче богослужебных книг, он созвал собор русских святителей, указал ему на замеченные им ошибки в церковных книгах и спросил у него согласие на исправление новых печатных московских книг по древним греческим и славянским книгам. Затем с просьбой о том же он отнесся к константинопольскому патриарху. Константинопольский патриарх с собором греческих святителей утвердил решение московского собора. После этого Никон отправил Арсения Суханова вторично на восток для собирания древнейших списков богослужебных книг. Арсений приобрел их на Афонской горе до 500 да около 200 в других местах. По сим-то рукописям Никон поручил вызванным из Киева, еще при патр. Иосифе, ученым инокам исправлять богослужебные книги.

В 1665 г. прибывшие в Москву патриархи– аптioxийский Паисий и

сербский Гавриил перед собором русских пастырей признали нужду в исправлении книг и одобрили предложенные им на рассмотрение вновь исправленные Служебник и Скрижаль.

Но после того как исправление богослужебных книг было одобрено соборами русских и восточных святителей, вдруг против него восстали бывшие справщики книг при патр. Иосифе, которым угрожала опасность подвергнуться ответственности за порчу их. Первый голос подал Аввакум, а к нему присоединился Павел, еп. коломенский и др. Собор осудил Аввакума и его товарищей в ссылку. Павел коломенский скрылся. После сего исправление книг действительно продолжалось.

Дело исправления книг, разумно начатое и поведенное при Никоне, быть может, и кончилось бы благополучно, если бы не последовало удаление Никона от патриаршества.

Во время восьмилетнего пребывания Никона в Воскресенском монастыре ободрились приверженцы мнимой старины. По проискам их указом государя был возвращен из ссылки Аввакум. 11 лет не был в Москве протопоп. Теперь его приняли здесь, по его словам, «аки ангела Божия». И царь, и бояре очень рады были ему. Царь позвал к себе и милостиво спросил: «Здорово ли, протопоп, живешь?» – «Жив Господь, жива душа моя, царь–государь, – отвечал Аввакум; – а впредь что Бог изволит». За царем и все бояре «челом да челом протопопу». Ему дали иомещение в кремле, оделяли деньгами щедрой рукой и разными подарками: «всяк тащил всячиною». Только уговаривали при этом пока «молчать». И Аввакум «потешил»: полгода жил покойно.

Но видя, что старое, «церковное» не возвращается, «паки заворчал». Он подал царю челобитную, чтобы царь, «старое благочестие взыскал», а «новые служебники отложил, да и все никоновы затейки». Раздалась и устная бранная проповедь протопопа: ходил к боярину Ртищеву «браниться с отступниками», посещал дома знатных бояр, народу проповедывал на улицах и стогнах града. В короткое время проповедник успел многих «прельстить». Ясно было, как день, что ничем не убедить Аввакума принять исправленные книги и обряды. Но Аввакум был не единственный. За ним стояла целая партия таких же фанатиков. Деятельность «ревнителей древнего благочестия» имела большой успех среди народа. Стали ходить слухи о видениях. Какой–то старец из Чудова монастыря видел во сне громадного пестрого змия, который обвился вокруг Грановитой палаты, а голова его была внутри, и он что–то шептал царю на ухо. Это, конечно, никто другой, как Никон, внушивший царю править книги. Другой старец тоже во сне видел, как в Успенском собора

спорили «светлый и темнообразный». У светлого был в руках трехсоставный крест, а у темного двухсоставный. Они долго спорили и, наконец, темнообразный победил.

В народе началось волнение. Многие церкви стали пустеть. В самом Успенском соборе спорили, как служить: по-новому или по-старому. Решено было снова удалить «благоревностного Аввакума». Царь прислал к протопопу боярина сказать: «Власти де на тебя жалуются: церкви де ты запустошил; поезжай де в ссылку опять». Теперь главе старообрядчества снова пришлось отправиться в ссылку, вместе с другими «ревнителями веры».

В то же время на Москве готовились к большому московскому собору 1666–67 гг.

Дела раскола, пустующая кафедра московского патриарха и другие церковные нестроения требовали соборного разбирательства.

Сперва в феврале 1666 г. открылся собор из русских представителей иерархии.

Дошло дело и до расколовождей, которые к этому времени были привезены из мест своего заключения. Привели их на собор к допросу.

Некоторые из ревнителей старины согласились принять Никоновские исправления и принесли раскаяния. Но стойкий Аввакум, диакон Феодор, поп Лазарь не только остались верны своим взглядам, но Аввакум самый собор назвал даже «неправославным».

На соборе постановили разстричь Аввакума и Феодора. Эта церемония была совершена в Успенском соборе, во время «переноса».

Того и другого предали проклятию, «а я их проклинал супротив», говорит Аввакум. «Зело было мятежно обедню ту».

После розстрига заключили Аввакума на некоторое время в монастырь, при чем посягнули на чтимую старинным русским человеком – бороду.

«И бороду отрезали у меня враги Божии. Оборвали... один хохол оставили, что у поляка на лбу», жаловался Аввакум.

Народ смотрел на своих расколовождей как на истинных мучеников. Стойкость ревнителей «древнего благочестия» поражающе действовала на русский народ, возбуждала чувства сострадания и удивления, а отсюда и симпатии к проповедуемому ими учению.

До критической оценки этих страданий было далеко, да и не по силам простому русскому человеку; да он, наконец, и не охотник до такого разбирательства.

«Аввакум – страдалец за веру; Аввакум достоин поклоненья»: вот

умозаключение русской простоты, проведенное в жизнь и дело русским упорством²².

Произошел окончательный раскол в русской церкви. Придержавшие власти духовные и светские приняли меры к искоренению зла.

Еще на соборе 1666 г. решено было против несогласяющихся принять исправленные обряды, применять «телесные озлобления».

На соборе же 1667 г., с участием восточных патриархов, все непокорные, не приемлющие троеперстия и других церковных обрядов, подвергались страшному проклятию и в жизни и по смерти.

Осужденные, оставшись непокорными, назвали собор «бешеным» и порешили, что на нем «со властью не Христос сидел, и не Дух истинный учил, но лукавый сатана». Образовалось особое, отдельное от православной церкви общество раскольников-инообрядцев, которые стали именовать себя «старообрядцами». С этого времени и начинается история раскола.

Смелость, с какой действовали раздорники в Москве, воодушевляла их сторонников в других местах. Столица была образцом для провинций. И здесь, как и в Москве, выразителями протеста явились духовные, преимущественно монашеские лица, при чем также разными способами служили общему делу: кто письменно, кто проповедью, кто приютом и поддержкой других. В Соловецком монастыре дело дошло до открытого возмущения. Соловецкие иноки, в посланной на имя царя челобитной, уже так выражались: «Не присылай, государь, напрасно к нам учителей, а лучше, если изволишь книги менять, пришли на нас свой меч, чтобы переселиться нам на вечное житие».

Видя противление монахов, царь сначала наказал их отнятием богатых береговых вотчин, а когда и это не подействовало, решился смирить силой. Последние в свою очередь хотя и послали царю просьбу о присылке меча, однакож стали готовиться не к смерти от меча, а к отражению его.

Осада монастыря длилась несколько лет и много содействовала распространению раскола. Монастырь пользовался большим уважением в народе. Во время осады богомольцы не могли пройти в монастырь и должны были возвращаться назад. Молва, что монастырь осаждается войском, что монахи отстаивают «святую веру», не могла ни производить смущения в народе. Зло отразилось в разных местах, не минуя столицы, особенно же — на севере, в Поморском крае. Случилось, что через несколько дней после взятия монастыря умер Алексей Михайлович. Расколоучители постановили это признаком наказания Божия царю и в

этом смысле стали распространять рассказы. Само собой разумеется, что наказанные соловецкие мятежники были прославлены от расколуучителей, как «преподобномученики» и «новые страстотерпцы».

Печальный для раскольников исход соловецкого «стояния за веру» хотя и поколебал, но окончательно не разрушил их надежд на возвращение старых церковных порядков. Известно, что в 1682 г. малолетние царицы Петр и Иоанн были провозглашены царями, а сестра их, царица Софья, соправительницей. Новое правительство не могло быть сильно. Сила заключалась в стрельцах. Вся Москва трепетала от них. Так как начальником стрельцов сделался кн. Хованский, раскольник по своим убеждениям, то для раскольников настал момент самый благоприятный. Теперь они могли рассчитывать на помощь, а следовательно, и успех. Кстати, в Москве в это время были такие раскольники, которые могли руководить делами. Тут бродил известный суздальский поп Никита. Составлена была челобитная «от лица всех полков », и стрельцы потребовали, чтобы устроено было прение между ними и духовенством с патриархом во главе о вере. Софья назначила таковому быть в Грановитой палате. Сюда раскольники принесли старопечатные книги и древние иконы. В присутствии обоих государей, правительницы, патриарха с духовенством раскольники долго бесчинствовали и насильничали в Грановитой палате. Софья Алексеевна, видя все это, в чувстве бессилия плакала, но не могла остановить безобразия, так как двусмысленно относившиеся к делу стрелецкие головы не унимали раскольников. Но когда зазвонили к вечерне, правительница нашлась и сказала, что того, что слышали, довольно, но что государи дадут свой указ по этому делу, за поздним временем, лишь на утро. Раскольники, подняв руки с двоеперстием и криками: «победихом», очистили дворец; стрельцы, однако, боялись, что цари уедут из Москвы и за них станет вся земля со служилым сословием, а потому не защищали раскольников; главные крикуны были схвачены ночью и на следующий день были казнены. Это имело надлежащее усмиряющее действие.

Мнения, образовавшие раскол, были следующие: 1) богослужение должно совершать по старым книгам, писанным или печатанным прежде Никона; 2) 8-й член символа веры читать так: «И в Духа Святаго Господа истинного и животворящего; 3) аллилуйя при богослужении петь дважды, а не трижды, прибавляя после двух раз: «Слава Тебе Боже»; 4) в церковных ходах ходить по солнцу, а не против солнца; 5) креститься и благословлять двумя перстами: указательным и средним; 6) крест почитать и писать только осьмиконечный; 7) имя Спасителя произносить и писать Иисус; 8)

иконам поклоняться только старым.

Отвергнув церковный авторитет, раскол распался на множество толков. Прежде всего, вследствие отвержения православной иерархии в среде его возник трудный вопрос: откуда брать священников? Одни стали брать их у церквей, сманивая к себе пьяных и нищих священников и разными способами очищая от них благодать рукоположения от «Никоновой скверны», другие положили, что можно обойтись и без священства, предоставив все требоисправления мирянам. Так возникли два основных толка в расколе: поповщина и беспоповщина, которые в свою очередь распались на множество мелких толков и сект, имеющих иногда крайний изуверский характер.

§ 52. Учреждение Святейшего Синода

Всех патриархов у нас было 10. Когда патр. Адриан умер (1700 г.), император Петр I решил не избирать ему преемника, но поручил исправление патриаршей должности рязанскому митр. Стефану Яворскому и надолго оставил этот временный порядок. Только в 1721 г. последовала перемена церковного управления²³, которую император обдумал со своим любимцем и сотрудником, ученым псковским еписк. Феофаном Прокоповичем. Перемена состояла в том, что патриаршество было упразднено вовсе и заменялось «соборным управлением». Учреждена была из лиц, принадлежавших духовенству, духовная коллегия, названная Св. Синодом. При Синоде состоял и обер-прокурор, который являлся посредником в сношениях Синода с государем и гражданскими властями. В делах веры Синод имел ту же силу и власть, что и патриарх.

Восточные патриархи, с которыми Петр снесся по этому вопросу, прислали свое согласие на учреждение Синода в русской церкви и назвали Синод «во Христе своим братом»²⁴.

§ 53. Единоверие

Поводом к учреждению единоверия или единоверческой церкви в России послужило следующее обстоятельство. В конце XVIII века некоторые из старообрядцев–поповцев обратились в Св. Синод с просьбой дать им особого епископа. Синод предложил им просить себе у местных православных архиереев, священников и диаконов, которые служили бы у них по старым книгам, с соблюдением их обрядов. Значительная часть старообрядцев приняла это предложение, и в разных местах устроены были, так называемые, единоверческие храмы. Таких единоверческих церквей в России в настоящее время много: есть они и в Москве, и в Петербурге, и во многих других городах и селениях нашего отечества.

§ 54. Замечательные подвижники веры и благочестия

В православной России всегда бывали высокие подвижники веры и благочестия: не изсяк в ней дух истинно богоугодной жизни в период патриаршего и синодального управления. Вот некоторые из подвижников этого времени.

Св. Димитрий Ростовский

Св. Димитрий, в мире Даниил Туптало, был сын казака. Получив образование в Киевской академии, св. Димитрий принял иночество и скоро прославился как проповедник слова Божия, был игуменом поочередно в нескольких монастырях и возведен был в сан архимандрита. В 1701 г. св. Димитрий за благочестивую жизнь и труды для блага церкви и отечества был поставлен в митрополита ростовского. В этом сане Димитрий много потрудился над устройством церковного благочиния и обличением раскольников–старообрядцев. (Перу его принадлежит замечательное сочинение: «Розыск о брынской вере».) Частная жизнь Димитрия была преисполнена великих подвигов поста, молитвы и милосердия. Пищу он принимал в малом количестве и самую простую, а первую и страстную неделю Вел. поста вкушал пооднажды. Он часто и помногу молился и советовал всем вспоминать час смертный и творить молитву Господню и Богородице при каждом ударе часового колокола. Для всех святитель был доступен, ко всем ласков и снисходителен. Его милосердие к нищим, вдовам и сиротам было безконечно: он не умел отказать просящему, сам довольствуясь лишь необходимым. Святитель мирно скончался в 1709 г. К лику святых он был причтен в 1757 г. Св. Димитрий написал «Четьи–Минеи», содержащие в себе жития святых угодников Божиих за все 12 месяцев года. Этому великому труду он посвятил около 20 лет своей жизни.

Св. Митрофан Воронежский

Св. Митрофан родился в пределах владимирской епархии от родителей духовного звания, которые дали ему доброе воспитание в духе веры православной. Овдовев, он оставил мир и принял иночество. Ревностный в подвигах послушания, инок Митрофан рукоположен был в пресвитера и возведен в сан игумена Унженского монастыря. Как игумен, св. Митрофан пользовался всеобщим уважением духовных и светских лиц и был известен самому патриарху. С открытием новой епархиальной кафедры в Воронеже на нее избран был игумен унженский Митрофан. В Москве новопоставленный епископ удостоился подносить патриарху

венец для возложения на главу царственного отрока Петра. Здесь ему пришлось быть свидетелем тех беспорядков, которые были производимы раскольниками и которые оставили неизгладимое впечатление в душе св. Митрофана. Святитель ясно и глубоко понимал, как велико зло, порождаемое расколом, раздирающим недра Христовой церкви, и на соборе московском явил себя как ревностный обличитель раскола.

Как начальник, он был доступен всякому, а его дом был местом пристанища для всех скорбящих, гостиницей для странных, лечебницей для болящих. Весьма часто святитель сам отправлялся по городу, входил в дома болящих и утешал их верой и надеждой на помощь Божию. Как святитель, он пользовался высоким уважением и сердечной любовью импер. Петра, который в это время бывал часто в Воронеже, где строил корабли для своего флота. Ревнуя о пользе отечества, св. Митрофан не раз жертвовал собственные доходы для продолжения корабельных работ и для содержания ратных людей во время войны со шведами. Смело говорил он правду царю, не боясь обличать, когда какое-нибудь действие его было несогласно со строгими правилами благочестия. Так, царь, построив себе деревянный дворец в Воронеже, украсил его изображениями языческих богов, которые подавали соблазн народу. Св. Митрофан шел однажды к царю, но, увидя эти изваяния, воротился и велел сказать царю, что придет к нему только тогда, когда они будут сняты. Разгневанный Петр посылал за ним до трех раз и, наконец, грозил смертью, если святитель не придет. «Мне лучше умереть, – отвечал ему святитель, – нежели боязливым молчанием изъяснить соизволение на поставление гнусных кумиров на соблазн православному народу, младенчеству в вере».

Удивленный царь велел снять со дворца своего языческие изображения.

20 лет управлял Митрофан своей епархией. Скончался он в 1703 г. Прибывший в то время в Воронеж императ. Петр I, посетив св. Митрофана, припал к его одру, лобызал его десницу, оставался неотлучно до самой кончины святителя, сам закрыл очи почившему и принимал участие в несении его гроба. Мощи св. Митрофана торжественно были открыты в 1832 г.

Св. Иннокентий Иркутский

Св. Иннокентий был современником св. Димитрия Ростовского и Митрофана Воронежского, родился в Малороссии и получил образование в киевском Братском училище. Там же он постригся в иноки в Печерском монастыре. Его ученость и добродетели обратили на него внимание митр. Стефана Яворского, который поручил ему преподавание философии в

духовной академии. Петр Вел., желая усилить деятельность китайской миссии, назначил Иннокентия епископом в Пекин. Но переговоры с китайским богдыханом не привели к соглашению: он отказался принять в Пекине епископа. Пока велись эти переговоры, в продолжение нескольких лет, Иннокентий жил в Иркутске и деятельно занимался просвещением туземцев–язычников. Через несколько лет, уже при импер. Екатерине, он был наименован епископом иркутским. Он с большой ревностью начал трудиться для общего блага, проповедывал слово Божие, основал училище, в котором новообращенные учились закону Божию и русскому языку.

Суровый сибирский климат и строгая аскетическая жизнь рано надломили его слабое здоровье, и святитель почил в 1731 г. Апостольские труды и святая жизнь Иннокентия прославлены нетлением его св. мощей.

Св. Тихон Задонский

Св. Тихон был сын бедного дьячка Новгородской губ.; еще в детстве лишился отца и изведal много горя и нужды. Одно время мать хотела было отдать его ямщику, который полюбил мальчика и желал усыновить его. Но против этого восстал старший брат. «Я готов с сумой идти по миру, – говорил он, – только, чтобы Тимофей (мирское имя святителя) выучился грамоте; тогда мы определим его в дьячки или пономари». Мальчик остался дома, и иногда из-за хлеба целый день боронил пашню у соседнего крестьянина.

Через некоторое время отдали Тимофея в духовное училище, а потом в семинарию. Уже в юности он так полюбил чтение, что, случалось, продавать выдаваемую ему пищу, чтобы купить свечку, дабы по вечерам читать. Вместе с познаниями развивалось и крепло в нем благочестивое расположение; он постоянно думал о том, как угодить Богу, очень часто молился по ночам. 34 лет он принял иночество и вскоре был назначен викарием новгородской епархии.

Много добра он сделал в Новгороде. Но недолго ему пришлось там жить: ему поручили более ответственный пост. Импер. Екатерина II сама назначила его епископом в Воронеж. Здесь было гораздо больше труда, чем в Новгороде. Под властью воронежского епископа было много сел и городов. Да, кроме того, надо было там все привести в порядок. А дела были чрезвычайно запущены.

Недолго был святитель и в Воронеже на посту епархиального архиерея. Заботы, огорчения да труды довели его до болезни. Он ослабел так, что не мог более служить и поселился на покой в Задонском монастыре. Здесь он жил как простой служка, а не епископ.

Он любил исполнять крестьянские работы: косил траву, рубил дрова,

хотел было и воду носить, и муку сеять, и хлебы печь, и всякую черную работу исправлять, да свои же монахи против этого восстали.

Со всеми иноками святитель обходился ровно, с каждым был ласков, приветлив, добр. Он им всем постоянно внушал быть добрыми ко всем людям, всех любить и всякому помогать, в чем они нуждаются. Он напоминал им слова писания, что вера без добрых дел мертва.

Простых людей мирян святитель не только любил и ласкал, но и хлопотал о них перед начальством, если было нужно.

Келья, где жил св. Тихон, была невелика. А все-таки он всегда с охотой предлагал ночлег сиротам и старикам бездомным.

Но самыми желанными, самыми милыми его гостями были дети-сироты, дети-нищие. Он был их первый друг и благодетель.

Перед ним они не робели, были веселы и смело отвечали на его вопросы. На дворе иной раз окружают его до сотни таких детей, и он раздает им деньги и хлеб.

Детей он учил молиться: тех, кто были постарше да поразумнее, он учил молитве Господней. А которые были очень малы, тех он заставлял говорить громко: «Господи, помилуй, Господи, пощади, Господи, услыши!»

Последние несколько лет своей жизни угодник Божий так ослаб здоровьем, что отказался принимать к себе посетителей.

При монастыре в это время помещались и арестанты. Св. Тихон по болезни своей не показывался никуда, но арестантов он навещал каждый день и просиживал с ними столько времени, сколько позволяли его силы.

Святитель скончался в 1783 г., а торжественное причтение его к лику святых последовало в 1861 г.

От святителя Тихона осталось много назидательных сочинений, которые и до сего времени служат любимым чтением благочестивых русских людей.

§ 55. Церковная уния и деятельность православных братств

В XV столетии западнорусская церковь отделилась от московской митрополии и получила для себя особого митрополита (киевского). Вместе с тем она лишилась поддержки сильных московских князей и оказалась в полной зависимости от литовских государей, которые все были убежденными католиками и относились холодно и даже враждебно к православной церкви.

Они назначали на архиерейские кафедры лиц, заведомо непригодных для высокого пастырского служения, ограничивали права и материальные средства православных церквей и монастырей. Православные люди чувствовали себя в обиде и унижении. Они или уходили из Литвы в Москву или, оставаясь на месте, старались своими средствами защитить свою веру и церковь от внешних гонений и внутреннего беспорядка. Конечно, первыми защитниками церкви были удельные православные князья. Особенную славу из них получили ревностные покровители православных – князья Острожские, с князьями и простые люди научились сами заботиться о своей гонимой церкви и оборонять ее. Как паны-землевладельцы, так и горожане имели по закону право «патроната» над своими церквями и монастырями. Они участвовали в избрании пастырей, следили за целостью церковных имуществ, смотрели за порядком в церковных делах, обличали злоупотребления архиереев и духовенства, защищали церковные интересы перед правительством. Прихожане церквей составляли церковные братства, которые в больших городах (Львов, Киев) достигли большого богатства и силы и стали чувствительно влиять на управление церковью.

Вмешательство мирян чрезвычайно раздражало тех архиереев, которых короли умышленно подбирали из людей, удобных для правительства и равнодушных благу церкви. Чем более обличала таких архиереев паства, тем более они искали покровительства у католических властей. Наконец в конце XVI столетия между такими архиереями созрела мысль о подчинении папе.

Признав главенство папы, они рассчитывали получить покровительство и поддержку как от папы, так и от короля и стать независимыми от своей паствы. В 1591 г. некоторые епископы обратились к королю Сигизмунду III с заявлением о готовности принять унию. Получив поддержку короля, они увлекли в свое дело киевского

митрополита, старого и слабого характером Михаила Рогозу и отправили в Рим к папе двух своих вожак – луцкого епископа Кирилла Терлецкого и вольинского–Ипатия Поцея устраивать унию (соединение церквей) и бить челом папе, чтобы он принял западнорусскую церковь под свою власть.

Это было в 1595 г. В следующем 1596 г. дело разгласилось и возбудило большое негодование среди православных, не желавших унии. В гор. Бресте был созван церковный собор, на котором присутствовали как униаты, подчинившиеся папе, так и православные, не желавшие унии. Произошел раскол, и образовалось два собора. Официально на одном соборе западнорусская церковь была объявлена принявшей унию. Но на другом соборе отказались повиноваться папе и поклялись не отступать от восточной церкви. Обе стороны вступили в открытую борьбу, причем король признал законным постановление униатского собора и поэтому счел, что православие перестало существовать в его государстве. Так совершилось торжество унии в западной Руси.

Раз православие сочтено было упраздненным, ревнители православной веры должны были подвергнуться гонениям, как ослушники своего духовного начальства и еретики. Православные церкви, особенно сельские, не вошедшие в унию, запирались; на них не смотрели более как на храмы и отдавали их иногда на откуп для извлечения дохода даже евреям, которые за деньги отпирали их для совершения служб. Православные были лишены политических прав, рассматривались как холопы (простонародье), и самая вера их именовалась «холопской» и вызывала презрительное отношение со стороны высших классов общества. Предоставленные своим силам и лишённые покровительства законов православные люди стали на защиту своей веры, как могли. Во главе православных были некоторые вельможи, не покинувшие своей отеческой веры (кн. Острожский), а затем духовенство. Главную силу гонимой православной церкви составляли городские братства и важнейшие монастыри (Киево-Печерский). Общими усилиями их созданы были в Киеве и других русских городах прекрасные богословские школы, из которых выходили образованные защитники православия. Они устной проповедью и изданием книг о вере успешно боролись с унией и католичеством и не давали заглухнуть православному делу. Из ряда прочих школ особенно поднялась и развилась киевская, основанная братством киевской Богоявленской церкви.

При киевском митр. Петре Могиле эта школа была преобразована в коллегію, или академию.

Петр Могила был молдавский аристократ. Получив образование в

Париже, он служил в польской военной службе, потом постригся в Киево-Печерской лавре и был назначен архимандритом. Владея большими денежными средствами, Могила на свой счет, украшал монастырь и, заботясь о поддержании православия в борьбе с унией, задумал устроить при монастыре высшую школу. Чтобы приготовить сведущих учителей для своей школы, он послал на свой счет нескольких молодых людей, мирян и монахов, учиться за границу. По просьбе Богоявленского братства, Могила решил преобразовать их школу в коллегию, вместо того, чтобы заводить новую при монастыре, что и исполнил в 1633 г. с согласия короля Владислава, когда был назначен киевским митрополитом.

Умирая Могила завещал своей коллегии значительные денежные средства, необходимые для дальнейшего существования. Устраивая коллегии и восстанавливая старинные православные храмы в Киеве, Могила в то же время заботился о восстановлении среди православных древнего благочестия, нарушенного вследствие частого общения с иноверцами. С этой целью он издал несколько важных книг, которые объясняли православным смысл их веры и богослужения, как то: «Православное исповедание веры», «Требник» и др.

Так на унию и внешние гонения православная церковь ответила достойным отпором. Внешняя опасность для веры вызвала в юго-западной Руси оживленное умственное движение, создала богословскую православную науку, образовала целую литературу в защиту православия. Ученые киевские монахи оказали важные услуги не только своей западной Руси, но и Руси московской, где они явились учителями и просветителями.

§ 56. Присоединение Малороссии и воссоединение униатов с православной церковью

В 1654 году гетман Богдан Хмельницкий присоединил Малороссию к великой России, а 1687 г. московский патр. Иоаким поставил Гедеона, князя четвертинского, киевским митрополитом, и с этого времени киевские митрополиты стали в зависимость от патриарха московского и вошли в единение с православной церковью великой России. Но другие, отторгнутые от нее епархии в Литве и Галиции, оставались еще в насильственно навязанной им унии с Римом.

Положение православных в этих областях, подвластных Польше, стало еще бедственнее. Поляки врывались толпой в православные храмы, били народ, выгоняли из храма или силой загоняли в костел, заковывали в железные ошейники, морили голодом, травили собаками. Но настали и для православия на юго-западе России лучшие времена. При Екатерине Великой произошел раздел Польши, и все древне-русские области вошли в состав русского государства, и православие получило свободу. Многие из униатов, освободившись от власти польской, радостно бросили унию и возвращались к вере своих предков. Вместе с тем началось объединение униатского духовенства с православным. В среде самих униатов возникла мысль о прекращении зависимости от папы и восстановлении более тесной связи с православием. Эта мысль понемногу перешла в решимость вовсе упразднить унию и воссоединить униатов с православной церковью, от которой они когда-то были оторваны. Носителем идеи воссоединения, в царствование импер. Николая I, был один из униатских архиереев – архиепископ литовский Иосиф Семашко. Встретив со стороны государя и Синода большое сочувствие, Иосиф, вместе с прочими униатскими епископами, в 1839 г. постановили на соборе в Полоцке просить у императора «дозволения присоединиться к православной прародительской церкви». Государь дал это дозволение, и Св. Синод торжественно совершил акт воссоединения униатов.

Так «отторгнутые от православной церкви насилием были воссоединены с ней любовью».

Примечания

¹ - Первый час молитвы (около 9 ч. утра по-нашему времясчислению), раньше его никто из иудеев не смел ни пить, ни есть.

² - Рихавиты – потомки Рихава. По увещанию своего предка они не пили вина, не садили винограда, не сеяли пшеницы (Пр. Иерем. XXXV гл.), вели аскетический образ жизни.

³ - Как велика была любовь самого Иоанна к ближним, показывает следующее предание. Во время одного из своих миссионерских путешествий апостол Иоанн заметил в толпе слушателей сильного, красивого юношу с искрящимися глазами. Предвидя, какие качества скрываются в нем, апостол поручил новообращенного попечению местного епископа. Но последний оказался недостаточно бдительным. Получив крещение, юноша сначала увлекся разгульной жизнью и кончил тем, что стал во главе разбойничьей шайки. Узнав об этом, апостол Иоанн без провожатых отправился в стан разбойников и велел отвести себя к их начальнику. Когда юноша узнал его, то от стыда бросился бежать, но старец, собрав все свои силы, побежал за ним, умоляя его остановиться. Цель этого подвига всепрощающей любви была достигнута: юноша раскаялся и возвратился к церкви.

⁴ - В так называемых «Признаниях Климента», основанием которых служит рассказ, сочиненный во II или III столетии, описывается ход душевной жизни человека, мучимого сомнением и стремящегося к истине. Учения философов, противоречащие одно другому, не удовлетворяют его; он думает найти успокоение себе в египетских мистериях, в демонологии, наконец находит желанную отраду своей душе в христианстве. Иустин мученик рассказывает о себе то же самое.

⁵ - Если же язычники и допускали, что у христиан был свой Бог, то в отношении их рассказывались крайние нелепости, именно будто они поклонялись голове осла. Во втором веке было довольно распространено изображение, представлявшее фигуру человека с ослиными ушами, в тоге и с книгой в руках; и надпись гласила: «это Бог христиан». Недавно в развалинах императорских дворцов в Риме, в одном месте, которое, видимо, служило караульной для часовых, найдено грубо начерченное углем на стене изображение, которое представляет висящего на кресте человека с ослиной головой и под ним стоит надпись, сделанная плохими греческими буквами: «Алексамен молится своему Богу». Ясно, что это

была насмешка солдат язычников над своим товарищем, из христиан.

⁶ - О жизни их было сказано в отделе о гонениях на христиан.

⁷ - В истории церкви апостольской нет никакого подтверждения учению римской церкви о главенстве ап. Петра. Напротив, эта история показывает, что ап. Петр не имел никаких особых преимуществ перед прочими апостолами. Так, на соборе апостольском, бывшем в Иерусалиме (51 г.), председательствовал не ап. Петр, а ап. Иаков, который и произнес окончательное решение на этом соборе. Потом, когда многие из самарян уверовали в И. Христа, апостолы, узнав об этом, послали Петра и Иоанна в Самарию для утверждения новообращенных в вере Христовой. Это послание неуместно было бы, если бы ап. Петр считался князем над другими апостолами. Наконец, когда ап. Петр прибыл в Антиохию и, опасаясь верующих из иудеев, стал избегать общения с христианами из язычников, ап. Павел тотчас противостоял ему и при всех сделал ему обличение, а это трудно было бы допустить, если бы ап. Петр считался наместником И. Христа и князем над апостолами. Далее, ап. Петра нельзя считать основателем церкви в Риме, как думают католики, потому что она основана им вместе с ап. Павлом, который, по преданию, поставил здесь первых епископов – Лина и Анаклета.

⁸ - В оправдание властолюбивых папских стремлений в это время составлены были на западе так называемые лже-исидоровы декреталии, в которых рядом вымышленных постановлений, восходящих будто бы до римского епископа Климента, жившего в I веке, доказывалось, что высшая церковная власть во всем христианском. Чтобы изгладить самую память о том, что папство своей светской властью было обязано милостям франкских королей, выдумана была сказка, будто бы Константин В. подарил папам власть над Римом и Италией, и для того перенес свое местопребывание в Византии.

⁹ - До нашего времени сохранились еще оригиналы разрешительных грамот того времени, напр., грамоты 1517 г. На ней изображен доминиканец с крестом, терновым венцом и пылающим сердцем. По углам сверху – изображение пригвозжденных рук Спасителя, внизу – пригвожденных ног. На передней стороне стоят слова: «Папа Лев X. 1517 г. Давайте. Это длина и ширина ран на пречистых бедрах Христа. Кто целует их, тот получает всякий раз отпущение на 7 лет». На другой стороне: «крест, увеличенный в 40 раз, представляет длину Христа в Его человечестве. Кто целует его, тот предохранен на 7 дней от внезапной смерти и от падучей болезни, а также от паралича» (Гейссер, „История

реформации»)

¹⁰ - Ему приписывали, между прочим, следующие слова: „Едва зазвенит монета в ящик, тотчас душа выпрыгнет из чистилища».

¹¹ - Ап. Андрей был с проповедью о Христе в Византии, где рукоположил во епископа Стахия, одного из 70 учеников. В гор. Патрах, в Ахайи, претерпел мученическую смерть.

¹² - Мощи святителя почивают в Киево-Печерской лавре.

¹³ - Дед Батия, вторгнувшегося в Россию.

¹⁴ - «Св. благоверн. вел. кн. Александр Невский». М. Хитрова.

¹⁵ - Мощи святых муч. Михаила и Феодора почивают в московском Архангельском собора.

¹⁶ - Владыка новгородский Геннадий горько жаловался на невежество духовенства своей епархии. „Приводят ко мне мужика в попы ставить. Я ему велю читать Апостол, а он и ступить не умеет; приказываю дать ему Псалтырь, а он и по той едва бредет. Откажу ему, и на меня жалобы: земля, господине, такова; не можем добыть, кто бы умел грамоте, пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить ектенью, а он и к слову пристать не умеет; ты говоришь ему то, а он другое. Приказываю учить азбуку, и они, немного поучившись азбуке, просят прочь... Мужики невежи учат ребят грамоте и только речь им портят, а за учение вечерне принеси мастеру каши да гривну денег, за утреню то же и больше, за часы особо, а от мастера отойдет, ничего не умеет, только бредет по книг, а церковного порядка вовсе не знает “.

¹⁷ - Собрание обличительных посланий Иосифа известно под именем «Просветителя».

¹⁸ - Из Пскова, напр., писали митр. Киприану (в XIV веке), что там во всем городе не было церковного устава. Из посланий митр. Фотия (в XV в.) к псковичанам узнаем, что псковское духовенство не знало как готовить Агнец для литургии преждеосвящен. даров и многое другое.

¹⁹ - Напр., у Мф. V, 22: „рака, бо речтсся сирски оплеван“.

²⁰ - При печатниках, напр., из фамилии Невежиных, около 40 лет заправлявших печатанием (1568–1609), в печатные издания была внесена масса погрешностей, даже против прежних рукописных книг.

²¹ - Воздух

²² - Как глава раскольников, Аввакум явился для них главным вероучителем, духовным наставником, «столпом церкви». Он пишет множество писем и к частным лицам и к целым обществам, составляет

окружные послания даже „ко всем верным, живущим по всему лицу земли». Он дает тысячи разных наставлений и свои канонические правила для вновь образовавшейся старообрядческой общины. Аввакум, таким образом, встает как бы выше епископов, выше соборов. Он является кем-то в роде апостола раскола. Так и смотрел на себя Аввакум. „Не имать, – говорил он своим последователям, – власти таковые над вами и патриарх, якоже аз о Христе, – кровию своею помазую души ваша и слезами помываю“. Он считает себя в праве разрешать единолично разные церковные вопросы, ставить свой авторитет наравне с вселенскими соборами: «да будет проклят седмью вселенскими соборами и мною грешным»... Свои приказания Аввакум уже считает изречениями Св. Духа, как бы некоторым Божественным откровением: «не я, но тако глаголет Дух Святый», писал он иногда в своих посланиях. «Изволися Духу Святому и мне предати тя сатане во озлобление, да дух твой спасется», пишет он о каком-то Лукияне. Аввакум любит употреблять терминологию ап. Павла, приветственный и заключительные фразы из его посланий. „Раб и посланник Иисус Христов, волею Божию земляной юзник, протопоп Аввакум», пишет он о себе. Высокий авторитет свой Аввакум поддерживал всякого рода видениями и чудесами, о которых охотно рассказывал сам протопоп в своих сочинениях. Так, например, однажды в Даурах, среди озера, сама собой будто бы образовалась прорубь для утоления жажды Аввакума, а потом лед сошелся опять. Много было, как сам описывает Аввакум, совершено чудес по его молитвам. Раз в Даурах у снохи Пашкова он совершил чудо даже над курами. „У боярыни все куры переслепли и мереть стали, – так она, собравши в короб, ко мне их прислала, чтобы де батенько пожаловал, помолил о курах. И я подумал: кормилица-то есть наша; детки у ней: надобны ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес сбег, корыто им сделал из чего есть и водою покропил да к ней все отослал. Куры Божиим мановением исцелили и исправились по вере ее“. У той же боярыни Аввакум будто бы исцелил ее сына. Особенно же славился Аввакум, как изгонитель бесов. „Бился я с бесами, что с собаками», говорит он, рассказывая об исцелении им брата своего Евфимия. Чудо это описано Аввакумом весьма интересно. Бес, выйдя из Евфимия, выскочил в окно; протопоп кропил окно, – бес кинулся на печь; Аввакум пошел за ним и на печь. Тогда бес юркнул под печку, и туда уже Аввакум не пошел за ним.

²³ - Причины перемены церковного управления были указаны в особом регламенте или уставе, составленном Феофаном Прокоповичем, где говорилось, что коллегиальное правление в сравнении с единоличным

может быть безпристрастнее и скорее решать дела, менее может стесняться боязнью перед сильными лицами и, как соборное, имеет более авторитета, а с другой стороны, представляется менее опасным для государства: ибо простой народ не знает, как различается власть духовная от власти самодержавного государя, и, удивляемый славою и честью верховного пастыря церкви, помышляет, что тот правитель есть второй государь, самодержавцу равносильный или больше его, и что духовный чин есть другое лучшее государство; а если случится между патриархом и царем разногласие, то скорее пристанет к стороне первого, думая, что поборает по самом Боге. В доказательство этого указывалось на византийскую историю и папское властолюбие. „Да не вспомнятся, – сказано в заключение, – бывшие у нас (при патриархе Никоне) замахы“ (его отношения к царю Алексею Михайловичу). Члены Синода давали присягу считать государя своим „крайним судьей“ и наблюдать государственные интересы.

²⁴ - Некоторым кажется, что вместе с этим у нас церковь была вполне подчинена государю и в этом видят влияние на Петра I протестантов, а особенно анлийского короля, говорившего, будто, что и в России следует подчинить церковь царю так, как подчинена она в Англии королю, как главе. Петр Великий не думал считать себя главой церкви, в пределах ее жизни признавал ее самостоятельность; а участие государя в делах церкви не представляло ничего необычайного: ибо еще в царствование Алексея Михайловича на соборе 1667 г., с участием восточных патриархов, осудившем патриарха Никона, было признано законное влияние в делах церковных государя, как покровителя и первого сына церкви.

Содержание

История православной христианской Церкви	1
священник Георгий Орлов	
§ 1. Понятие о церкви и ее истории	2
§ 2. Сошествие Св. Духа на апостолов и первые успехи евангельской проповеди в Иерусалиме	3
§ 3. Исцеление хромого апостолом Петром и новые успехи Христовой церкви. Гонение от синедриона	5
§ 4. Жизнь первых христиан. Анания и Сапфира. Избрание 7 диаконов	7
§ 5. Убиение архидиакона Стефана	9
§ 6. Крещение самарян и эфиопского вельможи	11
§ 7. Обращение Савла	12
§ 8. Крещение Корнилия сотника	15
§ 9. Чудесное освобождение апостола Петра из темницы	16
§ 10. Первое путешествие апостола Павла (45–49 гг.)	17
§ 11. Апостольский собор в Иерусалиме	19
§ 12. Второе путешествие апостола Павла (51–54 гг.)	20
§ 13. Третье путешествие апостола Павла (54–58 гг.) и мученическая кончина его	22
§ 14. Апостол Петр	24
§ 15. Апостол Иаков, брат Господень	25
§ 16. Апостол Иоанн Богослов	27
§ 17. Краткие сведения об евангелистах	28
§ 18. Разрушение Иерусалима	29
§ 19. Обстоятельства, благоприятствовавшие распространению христианства	33
§ 20. Гонение на христиан от язычников	35
§ 21 Св. мученики и мученицы	42
§ 22. Император Константин Великий	48
§ 23. Юлиан Отступник	50
§ 24. Вселенские соборы	54
§ 25. Мужи апостольские и св. отцы и учителя церкви	60
§ 27. Церковное управление	76
§ 28. Отпадение церкви западной от союза с восточной	78
§ 29. Образование протестантизма	83

§ 30. Англиканская церковь	87
§ 31. Просветители славян святые братья Мефодий и Кирилл	88
§ 32. Крещение Руси. Аскольд и Дир. Равноапостольные кн. Ольга и кн. Владимир	91
§ 34. Отношение киевского митрополита к константинопольскому патриарху, к епархиальным епископам и к князьям. Замечательнейшие митрополиты	96
§ 35. Состояние церкви русской во время татарского порабощения. Мученики за веру Христову	98
§ 36. Митрополиты Кирилл 2-й, Петр и Алексий	100
§ 37. Преподобный Сергей Радонежский. Троице-Сергиева лавра	105
§ 38. Просвещение Перми св. Стефаном	107
§ 39. Соловецкий монастырь	109
§ 40. Св. митрополит Иона	110
§ 41. Стригольники и жидовствующие	112
§ 42. Обнаружение ошибок в богослужебных книгах и разностей в обрядах. Попытка исправления их	114
§ 43. Просвещение христианством Казани и Астрахани	118
§ 44. Св. митрополит Филипп 2-й	119
§ 45. Учреждение патриаршества	122
§ 46. Патриарх Иов	124
§ 47. Патриарх Гермоген	125
§ 48. Заслуги Сергиевской лавры в Смутное время	127
§ 49. Патриарх Филарет	130
§ 50. Патриарх Никон	132
§ 51. Исправление богослужебных книг и обрядов. Возникновение раскола, открытое появление его в русской церкви и распадение на толки	137
§ 52. Учреждение Святейшего Синода	144
§ 53. Единоверие	145
§ 54. Замечательные подвижники веры и благочестия	146
§ 55. Церковная уния и деятельность православных братств	150
§ 56. Присоединение Малороссии и воссоединение униатов с православной церковью	153
Примечания	154